

Оглавление

<i>От автора</i>	2
Что даёт изучение старинных монет	3
Место и значение русской монетной системы в мировом денежном хозяйстве	17
Деньги и денежный счет домонгольской Руси	20
Денежное обращение в XII-XIV вв.	40
Русские монеты XIV-XV вв. и новый денежный счет	52
Денежная система русского государства в XVI-XVII вв.	77
Попытки изменения монетной системы в XVII в.	85
Реформа Петра I и развитие русской монетной системы	96
Монеты Петра I, новая техника и сырьевая база монетного производства	109
Монетная система России в XVIII-XIX вв.	122
Монеты советского государства	164

Приложения

Славянская нумерация, употреблявшаяся в датировке русских монет по начало XVIII в.	171
Рекомендуемая литература по разделам книги	172

ОТ АВТОРА

Два издания этой книжки, выпущенной Учпедгизом в 1957 и 1960 гг. в качестве пособия для учителей, были рассчитаны на читателя, ориентирующегося в вопросах русской истории, но далекого от специфических интересов нумизматики и собирательства. Таково и настоящее, значительно дополненное и улучшенное в полиграфическом отношении издание, выпуск которого взяло на себя издательство Государственного Эрмитажа.

У нас очень давно не издавалось обзорных историко-нумизматических работ подобного рода. За последние полстолетия накоплен обильный новый материал, но тем более ощутимыми стали все еще многочисленные большие и малые пробелы в истории металлических денег в нашей стране. Тема книги обязывала не обходить и эти «белые пятна» нашей науки. Некоторые вопросы, которые в первом издании можно было осветить лишь очень обобщенно, за минувшие годы стали темами специальных исследований, и соответствующие разделы книги заметно выросли. Вместе с тем определились и некоторые новые вопросы, еще ожидающие основательного изучения.

После выхода первого и второго изданий в Эрмитаж пришло больше полутора ста писем, содержащих оценку книжки и различные пожелания. Книга заинтересовала более широкий круг читателей, чем тот, на который я рассчитывал. Письма познакомили меня с многочисленными нумизматами-любителями; люди самых разных профессий, они находят радость и отдых в своем увлечении монетами, за которым стоит любовь к родной старине и уважение к человеку - создателю всех ценностей. Дружелюбные и доброжелательные письма этих читателей не раз подсказывали мне, на что следует обратить внимание при переработке книги. Однако было два или три письма от людей, ожидания которых книга вовсе не оправдала. В ней не оказалось «самого главного» для них: адресов собирателей, «ценника», расписки монет и «вариантов» по годам и по степени редкости и т. п. Приобретая книгу, эти товарищи, вероятно, не задумались над ее названием. Во избежание недоразумений необходимо предупредить, что всего этого нет и в настоящем издании.

Книжка по-прежнему рассказывает о том, как возникла и развивалась русская монетная система. Этой основной теме подчинен и подбор иллюстраций: они должны пояснять и подтверждать изложение. Идя навстречу наиболее настойчивому пожеланию, высказанному почти во всех письмах, я расширил и описательную часть, уделив больше внимания самим монетам, но стремился соблюсти в этом меру, чтобы не подавить главное в книге. Количество иллюстраций в настоящем издании увеличено более чем вдвое, но охватить все многообразие монет, о которых говорится в книге, они, конечно, не могут.

В заключение хочу снова обратиться к учителям-историкам с призывом воспитывать в учащихся интерес и уважение к памятникам родной старины, которыми так богата наша необъятная страна, и пожелать успеха в их краеведческой работе.

Рекомендательный список литературы, приложенный в конце книги, расширен по сравнению с прежними изданиями и включает ряд работ, появившихся в последние годы. Он поможет читателю получить более углубленное представление о заинтересовавших его разделах.

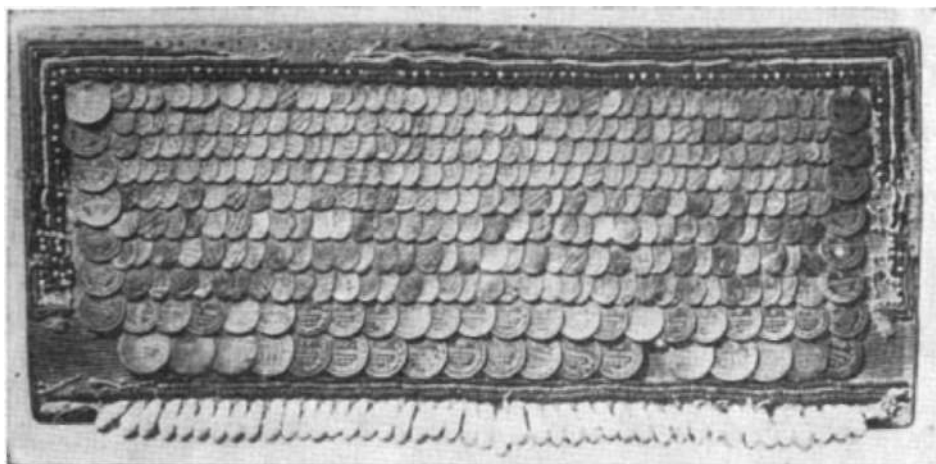

Рис. 1. Деталь одежды одной из народностей Поволжья с нашитыми монетами от времени Ивана Грозного до середины XIX в. и раковинами каури.

ЧТО ДАЕТ ИЗУЧЕНИЕ СТАРИННЫХ МОНЕТ

Старинные монеты принадлежат к числу наиболее часто встречающихся памятников прошлого. Сама природа монеты такова, что множество одинаковых экземпляров, выбитых из долговечного, стойкого материала, сразу же расходилось среди людей, постоянно меняя хозяев, переходя из рук в руки и повсюду сопровождая человека. Сохранилась до нашего времени лишь ничтожная часть существовавшей некогда массы монет, но и самая малая часть ее представляет величину довольно основательную. Только в музеях СССР хранится несколько миллионов старинных монет, а систематическая коллекция одного Эрмитажа составляет более трехсот тысяч различных монет.

Громадное большинство монет заканчивало свое существование в тигле плавильщика. Металл состарившихся монет всегда мог быть использован вторично, и вышедшие из употребления монеты во все времена служили сырьем для изготовления новых. Таким образом, металл, добытый впервые тысячелетия назад, многократно менял свою форму. Но отдельные частицы его - монеты - избегали уничтожения, потери временной формы и становились памятниками старины.

Маленькие гладкие монетки, постоянно носимые человеком при себе и проходящие через тысячи рук, могли легко теряться и попадали в землю. На городищах многих древних городов монеты - самая обычная находка, а при организованных раскопках их добывают там сотнями и тысячами. Иногда монеты и нарочно бросали или зарывали как дар богам или как имущество умершего. В раскопанных древних погребениях находят монеты, положенные в могилу и даже в рот покойника, чтобы было чем откупиться или расплатиться на пути в страну мертвых.

Во время строительства Днепровской электростанции имени В. И. Ленина на осушенной части дна реки находили древние монеты, которые, вернее всего, были некогда брошены в воду как умиловительная жертва божествам днепровских порогов, подобно тому, как бросали монеты в Волхов, проплывая мимо Перыни. Монеты-жертвы находили в бывших священных рощах Верхнего Поволжья и на Шаманском камне на Байкале. Во многих местностях существовал обычай закладывать «на счастье» монеты в основание строящегося дома; поэтому они могли попасть в землю, когда здание разрушалось.

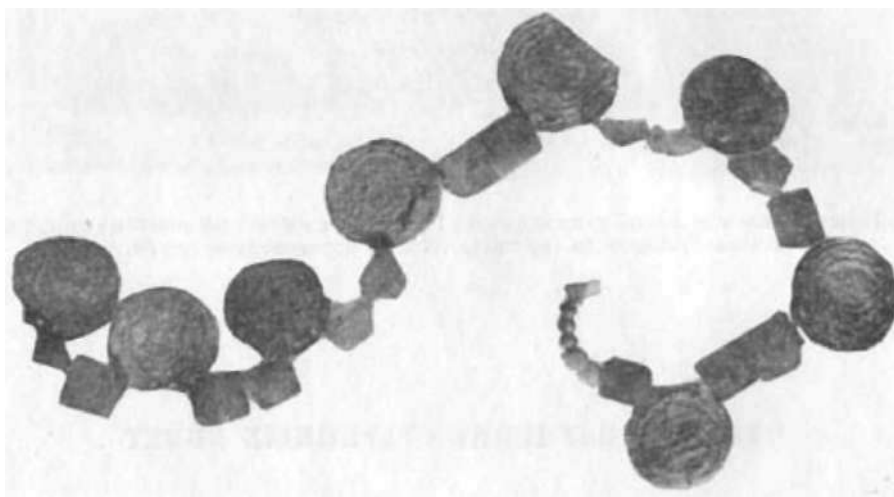

Рис. 2. Часть ожерелья из восточных монет X-XI вв. Раскопки 1949г. в Саркеле - Белой Веже.

Монеты являются в большей или меньшей степени изделиями художественными. Они длительно сохранялись, превращенные из средства обращения в предмет убранства; подвески и ожерелья из монет тоже находят в погребениях. Монеты издавна применялись в народных ювелирных украшениях и в убранстве одежды; когда она ветшала, монеты спарывали и нашивали на новую. В этнографических музеях можно найти одежду из Сибири и Средней Азии, с Кавказа и из Верхнего Поволжья, сохранившую на себе целые «коллекции» монет за несколько столетий.

Лет пятьдесят-семьдесят тому назад собиратели монет хорошо знали, что в редкой церкви не найдется среди разного хлама несколько старинных медяков XVIII в., а порою и более ранних. Опуская их в церковные кружки, верующие резонно полагали, что богу не так уж важно, какую монету он получает - старинная ему, быть может, даже приятнее.

Было время, когда очень много монет, ценных, редких и необыкновенных по внешнему виду, надолго задерживалось в церкви благодаря существовавшему веками обычаю дарить их почитаемым «чудотворным» иконам. Множество «золотых», которыми русские государи награждали в допетровское время за ратные подвиги, подвешивалось награжденными к иконам. На Украине в XVII в. возник даже особый тип иконы; на ней рисовали монеты, украшающие фигуры богородицы и Христа. В старинных описях церковного имущества можно часто встретить упоминания о «прикладных» или «привесистых» монетах от икон. В качестве своеобразной приманки они десятки лет оставались на виду, висящими на иконах, чтобы показывать молящимся «богоугодный» пример. Время от времени часть привесок убиралась и получала то или иное назначение: из них изготовлялись церковная утварь, оклады для икон и т. д. Трудно даже представить себе, какое огромное количество редчайших монет собрала и «перемолола» церковь. Но и здесь счастливый случай иногда спасал от уничтожения отдельные предметы, а иногда и такие замечательные комплексы как знаменитый клад, обнаруженный в 1898 г. в Киево-Печерской лавре. Из него происходит ряд уникальных монет и медалей Эрмитажа, которому в то время немалых трудов стоило завладеть этим сокровищем.

Рис. 3. Удмуртская колхозница в национальном костюме, украшенном монетами. Снимок 1958 г.

Первое известное нам русское «нумизматическое» описание старинных монет находится в составленной в 1656 г. описи «домовой» (церковной) казны патриарха Никона. Там имеется длинный список золотых «прикладных», открывающийся особо подробным описанием хранившихся отдельно восьми золотых, в которых без труда опознаются хорошо знакомые русской археологии и нумизматике византийские монеты X или XI вв. с парными изображениями императоров, что и дало составителю описи основание отнести их к «царю Костянтину и матери его Елене». Одна из самых знаменитых монет в русской нумизматике - первый ставший известным экземпляр «ярославова сребра», до того как попасть в 1792 г. в коллекцию А. И. Мусина-Пушкина, был привеской на иконе в какой-то киевской церкви. Вполне понятно, что подобно упомянутым византийским монетам сребреник Ярослава попал на икону не в XI в., а значительно позже, найденный кем-то в земле.

Некоторым монетам помогало сохраниться от уничтожения то, что позднейшие поколения придавали им особое значение. Часто встречающиеся в Восточной Европе римские серебряные денарии первых веков н. э. с изображением головы императора особо ценились в Западной Украине и в Польше еще в XVI в. и носили название «головки святого Яна»: считали, что раз голова на монете представлена отдельно от туловища, значит она отрублена. В христианских легендах нашлось подходящее объяснение, сделавшее эти монеты священными предметами. В Армении римским монетам придавали особое значение в убранстве невесты.

Случайно найденную старинную монету чаще всего сохраняют - сам необычный вид ее уже привлекает внимание и побуждает любознательного человека оставить ее у себя. Ведь если даже непонятен язык надписи, то изображение по-прежнему способно обращаться к нам на языке искусства и вызывать желание постигнуть эту речь далекого прошлого, давно ушедших людей. Так сохранялись от уничтожения многие из дошедших до нас старинных монет.

Но больше всего старинных монет дает нам особый источник. Тема клада прочно вошла в художественную литературу из народных преданий. Легенды о кладах составляют целую область фольклора. Почти в каждой населенной местности с различными урочищами, городищами и курганами, реками и озерами, перекрестками дорог и т. п. связывались предания о захороненных в старину сокровищах.

Рис. 4. Решетка защищает «доброхотные даяния» в церкви.

Но клады - не вымысел и не сказка. При самой несовершенной постановке учета и сбора сведений о них в нашей стране ежегодно становятся известными многие десятки находок кладов старинных монет. Гораздо больше находок остается, к сожалению, вовсе не учтенными, и монеты теряются или расходятся по рукам собирателей. Не будет преувеличением сказать, что 90%, если не больше, старинных монет, находящихся в коллекциях музеев и в частных руках, происходит из «рассыпанных» кладов.

Рис.5. Дукач - украинское народное женское украшение, сделанное из монеты XVIII в.

Клады выпаживают трактористы, откапывают на огородах и в садах колхозники, дорожники находят их в земле при разработке карьеров и под ножами скреперов, строители натываются на них в щебне при ремонте или разборке старинных зданий. Охотники находили кубышки и котлы с монетами внутри истлевших пней в лесу, рыбаки замечали монеты в береговых обрывах и осыпях; очень много кладов находили пастухи. Известен совершенно анекдотический случай, когда женщина, присматривавшая за бродившей на пустыре свиньей, увидела, как ее подопечная вырыла из земли горшок с монетами... Примерно за полтора столетия нашей исторической наукой учтены тысячи находок монетных кладов, о составе которых имеются более или менее полные сведения, а кратких упоминаний о таких находках, начиная от летописей и кончая газетной информацией, - бесконечное множество. Первое упоминание такого рода относится к XII в., его сохранил «Печерский патерик» в рассказе о двух иноках, отыскавших сокровище в княжение Мстислава Святополчича.

В редких случаях и старинный документ может дать довольно ясное представление о кладе. Таково, например, судебное дело, возникшее по поводу клада, найденного в 1610 г. в селе Ласкове на Волыни. Подробные описания позволяют опознать римские золотые медальоны; изображения на них были «накшталт» (наподобие) головки святого Яна. В одном украинском завещании 1724 г. очень живописно изображен «домашний» клад, долго хранившийся в погребке одной из усадеб завещательницы и обманным образом захваченный кем-то из ее родни: «в одном суденце пять тысячей и чотыриста червонных золотых; другое суденце насыпано было талярами битыми (так назывался талер - «целковый», в виде одной монеты, - И. С.), в якое вмещается четыре горнца меду; третее насыпано было копейками серебряными старыми, в яком вмещается меду семь или больше горнцов, того не упомяну; только то ведаю, что два человеки тое суденце заледва (едва, - И. С.) понести могли; два зась (же, - И. С.) судне насыпаны были розными грошами: талярами, левами, полталярками, четвертками...»

С тех пор как существует денежное обращение земле доверяли тайное хранение такой собственности, как накопленные деньги. Деньги «любят» не только счет, но и место, обеспечивающее их сохранность. Неправильно видеть в каждом старинном кладе нечто чрезвычайное, из ряда вон выходящее: в старину сокрытие денег в земле или в тайнике было таким же обыденным, повседневным явлением, как для нашего времени хранение их в сберегательной кассе или в сейфе учреждения. Сама природа денежного обращения такова, что время от времени часть денег должна выключаться из него и некоторое время «отдыхать». В таких случаях было вполне разумным найти для сокровища надежное и укромное местечко, подальше от чужого глаза. Даже гончары считались с этим обычаем, и в их ассортименте изделий очень давно появились миниатюрные горшочки и кувшинчики для скромных кладов небогатых людей, а строители каменных зданий устраивали в стенах многочисленные ниши-тайники.

Помимо почти полного отсутствия возможности организованного и надежного хранения денег в старину (если не считать храмов, а на Руси церквей, и, в особенности, монастырей, которые очень рано стали систематически заниматься сохранными и ростовщическими операциями), большая роль в распространении обычая зарывать деньги принадлежала особенно частому бедствию - пожарам. В деревянных городах и селах Древней Руси земля лучше всего обеспечивала сохранность денег. Пользовались, разумеется, и всевозможными тайниками; вмазывали кубышки в печи, замуровывали их в каменные стены церквей и крепостей, опускали в колодцы и родники или уносили подальше от жилья в лес и прятали в дупло дерева. Иностранцы, жившие в России в XVII в., отметили в своих записках удивлявший их русский обычай хранить деньги в земле. По-видимому, их поражала именно обыденность этого, так как и в странах Западной Европы в те времена зарывали немало кладов - когда возникала в этом необходимость, а в обстановке нормального течения жизни существовали уже более надежные и прибыльные возможности хранения денег. Точно так же Ч. Дарвин был поражен этим непонятным для англичанина XIX в. обычаем жителей Южной Америки.

Политическая экономия учит, что зарождение и становление денежного обращения в том или ином обществе - процесс чисто стихийный и что в развитом денежном обращении деньги выполняют несколько взаимозависимых, но в то же время и в достаточной мере обособленных функций. Являясь товаром особого рода, они получают значение всеобщей меры стоимости, позволяющей легко сравнивать ценность любых других товаров. Отсюда вытекает и их роль как наиболее удобного средства обращения, т. е. универсального посредника в общественном обмене товаров и, наконец, роль средства накопления богатства. Монеты из драгоценного металла, стойкие против коррозии и занимающие так мало места, точно специально созданы для этого.

Рис. 6. «Вот на этом месте». 97-летний колхозник П. Ф. Филиппов выкопал клад на своем огороде - около пуда медных шведских монет XVII в. Дер. Полустье Кингисеппского района Ленинградской обл.

Деньги не ограничиваются сферой внутреннего обмена и принимают роль посредника в международном обмене - в мировой торговле, причем в момент перехода из одной экономической среды в другую они обретают все свойства товара, а в новой среде либо в полной мере возвращаются к роли денег - товара товаров, либо потребляются как один из видов сырья. Как пример международной торговли монетой можно назвать «левантийский талер» - талер Марии Терезии 1780 г., который до начала XX в. чеканился в Австро-Венгрии для экспорта в страны Ближнего Востока и в Эфиопию, где существовала вековая привычка именно к этой монете; теперь ее чеканят в Лондоне! В истории русской экономики ввоз иноземной монеты является фактором большого исторического значения.

Однако именно стихийный характер развития товарно-денежных отношений может вызывать неравномерное развитие отдельных функций металлических денег, и функция накопления на ранних этапах развития денежного обращения, когда внутренний рынок находится еще в зачаточном состоянии и внутреннее обращение только зарождается, может заметно опережать и подавлять другие. Поэтому и интенсивное образование сокровищ в такие периоды можно рассматривать как своего рода закономерность.

Сокровища прятали на время. Понятно, что скрывали их от людей: от вторгшегося врага, от начальства и от «лихого человека», от «чужого глаза» и от домочадцев и челяди. Возможно, что клады иногда зарывали и сами «лихие люди». По крайней мере преданий о «разбойничьих» кладах известно едва ли не больше всего. Прятали из побуждений, вытекавших из самой противоречивой природы частной собственности, которую никому и никогда не удавалось сделать священной. Но при всем том клад, или клад», как говорят в некоторых местностях, был обычной «формой хранения. «Лишние», ненужные в данный момент деньги припрятывали в надежное место, оставляя под руками лишь необходимое для оборота.

Именно «оборот» в широком смысле этого слова и регулировал постоянно денежное обращение, на время вывода из него избыток монеты.

Рис. 7. Сосуды от многопудового клада золотых и серебряных монет, захороненного в начале XVIII в. под полом на хорах собора Киево-Печерской лавры.

Но в особые моменты, когда катастрофически нарушался общественный обмен или когда вне или внутри данного общества возникала непосредственная и неотвратимая угроза собственности, деньги, как и другое ценное имущество, закапывали в землю, чтобы переждать «лихую годину», а затем снова пустить в обращение.

В прошлом, во все времена когда только существовали деньги, великое множество больших и малых сокровищ-кладов уходило в землю лишь на самый короткий срок, чтобы вскоре же вновь увидеть свет. Но некоторые и, по всей вероятности, сравнительно немногие сокровища, вопреки намерениям и предположениям владельцев, уже не находили выхода из своего заточения. Внезапно умерший, убитый или угнанный в неволю человек уносил тайну клада с собой.

Хранителями тайны спрятанного церковниками от Петра I в тайнике на хорах церкви клада Киево-Печерской лавры, который состоял из многих пудов золота и серебра, было несколько монахов. Многие годы они следили за кладом, проверяя его сохранность, и умерли один за другим, не открывшись никому даже на исповеди. Но это был особый и редкий клад длительного накопления и длительного хранения, своего рода тайная казна. Скопидомские клады, накопившиеся многие годы, тоже известны. Но большинство кладов - это «свежие» деньги, на время исключенные из существующего обращения.

Таким образом, о подавляющем большинстве кладов можно сказать, что они, будучи скрытыми по воле человека, дошли до нас явно вопреки этой воле. К некоторым же находкам даже само название клад не вполне применимо, так как составляющие их монеты вовсе не были захоронены, а вышли из-под контроля владельца в силу той или иной случайности. Характер залегания в земле и внешний вид монет иной находки показывают, что она обязана своим происхождением пожару, во время которого находившиеся в жилище деньги более или менее уцелели, но затем остались под пепелищем.

Известны очень редкие случаи находок монет под водой, затонувших некогда вместе с судном. Так например, в 1901 г. во время работ, производившихся в Рижском порту, из воды было поднято 79 шведских монет-плит 1652-1659 гг. достоинством в 1, 4 и 8 далеров.

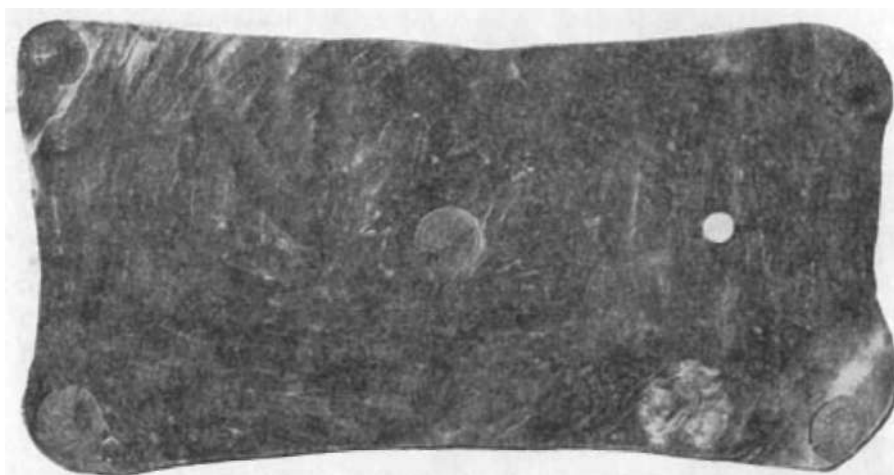

Рис. 8. Шведская монета-плита XVII в. в 10 далеров. находка 1901 г. на дне Рижского залива. Белый кружок - 20-копеечная монета, положенная для масштаба.

Несколько лет тому назад на берегах Таймырского полуострова и на острове Фаддея была собрана сохранившаяся в неприкосновенности более трехсот лет денежная казна попавших в беду и погибших отважных русских мореходов начала XVII в. В 1955 г. в Исторический музей в Москве поступили при посредстве Брянского музея 13 древнейших русских монет - сребренников - начала XI в. Их добыли, организовав самостоятельные «раскопки» курганного могильника, учащиеся школы с. Митьковка. Нужно низко поклониться заведывавшему сельским клубом А. В. Мацуеву, который собрал монеты и передал в музей: он сохранил для науки драгоценный комплекс памятников русской истории. По своему научному значению такие находки так же важны, как настоящие клады.

Сколько же неизвестных кладов погребено навеки? Только редкая, счастливая случайность иногда открывает древнее сокровище, и клад превращается в находку.

Немало было во все времена и кладоискателей. Успешно занимался этим, например, Иван Грозный, отыскавший в 1547 г. «казну древнюю сокровенну» в тайнике Софийского собора в Новгороде. Украинские летописи XVII в. засвидетельствовали заслуживающие доверия, а иногда не вызывающие никаких сомнений, случаи успешных поисков богатых сокровищ: гетман Иван Выговский откопал казну Богдана Хмельницкого, а Мазепа отыскал сокровища, захороненные Самойловичем; во дворе Семена Палея после его ареста выкопали кувшины с пятью тысячами талеров.

Случаи находок богатых кладов способны поражать воображение, а порою доводить его даже до болезненного состояния. Увлечение кладоискательством иногда приобретало маниакальный характер, а любители легкой наживы превращали его в доходную статью, сбывая легковверным людям сфабрикованные «древние» записи о скрытых кладах, планы, заговоры, позволяющие преодолеть колдовские чары, и т. д. Подобные документы XVII-XIX вв. известны. Молодому царю Петру I немало огорчений приносило кладоискательское увлечение одной из его сестер-царевен, вокруг которой постоянно шныряли со своим «товаром» разные темные личности, и царь время от времени круто расправлялся с ними.

Поразительным образцом легковерия являются раскопки, проводившиеся на территории старинной турецкой крепости в г. Тамани в 1837 г. местным военным начальством.

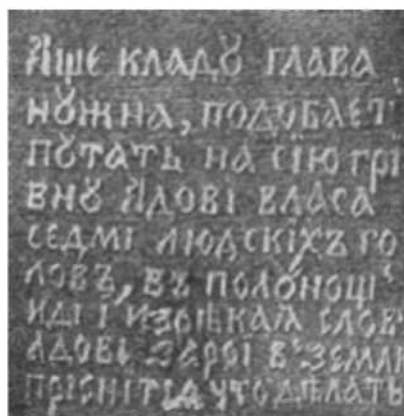

Рис. 9. «Талисман» для кладоискателя. Травление по железу, фабрикация XIX в.

Единственным поводом для них послужили «вещие сны» одного казака, которого несколько раз навещали то святой Николай, то сама богородица, наставляя - как найти место захоронения сокровищ какого-то фантастического князя.

Во все минувшие времена людей скромного достатка было неизмеримо больше, чем богачей. Поэтому и небольшие клады находили, находят и будут находить неизмеримо чаще, чем богатые сокровища. Разумеется, множество открытых кладов сразу же уничтожалось, попадая в тигель литейщика. Гибнут клады, к сожалению, и теперь, вопреки закону, охраняющему эти принадлежащие государству ценные для исторической науки памятники. Ведь каждый клад, объединяя в себе различные монеты, находившиеся в обращении в определенное время, после того как они опознаны и определены, - это как бы моментальный снимок древнего денежного обращения, древней экономики, сделанный в день сокрытия этого клада. В этом, прежде всего, и заключается истинная, непреходящая ценность клада. В руках ученых, вооруженных современной методикой исследования древних монет клад становится первоклассным историческим источником. Материальная же стоимость подавляющего большинства кладов, состоящих из серебряных или медных монет, совершенно ничтожна. Музей всегда "выдаст находчику вознаграждение, превосходящее эту материальную ценность.

Часть монет из кладов обычно сохраняется благодаря врожденной любознательности людей - монеты оставляют «на память», а клад как ценные исторические комплексы гибнут безвозвратно. Так например, Эрмитаж получил сообщение, что в 1959 г. в Смоленске был найден многопудовый клад медной монеты царя Алексея Михайловича, в котором вместе с медными копейками находились и крупные монеты. Находчик поспешил продать клад заготовителям утиля, и монеты ушли в вагранку медеплавильного завода. Между тем вполне вероятно, что в кладе могли находиться такие редкости, как медные полтинники 1654 г. и даже некоторые виды монет Алексея Михайловича, известные до сих пор только по упоминаниям в его указах...

Даже в тех случаях, когда клад попадает в музей, обычно выясняется, что часть монет уже разобрана разными лицами; между тем иногда присутствие одной только монеты в кладе существенным образом может изменить его значение. Клады, поступившие в музей целиком, - очень редкое явление и наиболее ценный материал для изучения.

Следует еще отметить, что находчики кладов обычно не придают никакого значения кубышкам и сосудам от кладов и бросают или разбивают их, не подозревая, что для музея они всегда особенно интересны даже в обломках, так как клад - это одна из редких возможностей точно датировать типы старинной керамики, что для археологии имеет

очень большое значение. Разумеется, для музеев важны и любые другие вместилища. Бывали находки кладов в стеклянных, металлических и деревянных сосудах, в выдолбленных колодах, в берестяных туесках и просто в обертке из ткани или кожи, в рукавице и даже в коровьих рогах. Особенно большой интерес могут представлять также и любые предметы, оказавшиеся в кладе вместе с монетами - различные изделия, гирьки, бусины, слитки и обломки металла, равно как и обломки или обрезки самих монет.

Монета - очень содержательный и сложный исторический памятник. В свое время она противостояла товару. Денежное обращение - одно из проявлений товарно-денежных отношений в обществе, показатель товарного обращения и, следовательно, товарного производства, ремесла, свидетель местных и международных экономических связей.

Есть монеты «домоседы», не уходившие из страны или далеко от местности, где они были выпущены. Другие обращались на родине, но им не были заказаны пути и в дальние страны. Монеты древнегреческих городов-государств попадали на берега Черного моря и в Среднюю Азию. Римские монеты были первыми, с которыми познакомилось древнейшее славянское население Европы. Древнейшие русские монеты X-XI вв., помимо территории Киевской Руси, находили далеко за ее пределами - в Польше, Прибалтике, Швеции и Германии.

Есть и такие монеты, которые гораздо легче найти за тысячи километров от выпустивших их монетных дворов, чем там, на месте. Международная торговля тотчас после выпуска изгоняла их далеко за пределы страны. Территория Восточной Европы - древней Киевской Руси и других славянских государств, острова и побережье Балтийского моря усеяны кладами восточных монет VIII - X вв., отчеканенных в далеких городах мусульманского Востока. Огромные коллекции этих монет составлены в основном только из находок в Европе.

Монеты далеких городов средневековой Европы X-XI вв. десятками тысяч собирались в кладах, зарытых в XI и начале XII в. в северной Руси. Топография монетных находок и состав кладов наглядно вскрывают сложные экономические связи народов и государств в древности. Если на карте соединить место находки клада денариев с местами их чеканки, то десятки линий протянутся к городам британских островов, Скандинавии, Дании, Германии, Франции, Испании, Италии, Чехии. Точно так же от места находки клада арабских дирхемов сеть линий убежит в сторону Средней Азии, Закавказья, Ирана, Месопотамии, средиземноморского побережья Африки и даже Испании. Разумеется, эти линии далеко не всегда будут соответствовать непосредственным связям Древней Руси. Прежде чем попасть на Русь, иноземные монеты проделывали долгий и не всегда прямой путь, собираясь в немногих определенных пунктах постоянных связей с рынками Руси.

Отражение целого круга идей и понятий в изображениях и надписях, имена и даты, встречающиеся на монетах, их художественные и эпиграфические данные, материал и техника изготовления, вес - как элемент метрологии, счет денег и зависимость между монетами различных достоинств (монетные системы), отношения между монетами различных государств, монетные реформы - все это делает монеты очень благодарным материалом для разностороннего изучения экономической и политической истории народов, их материальной и духовной культуры.

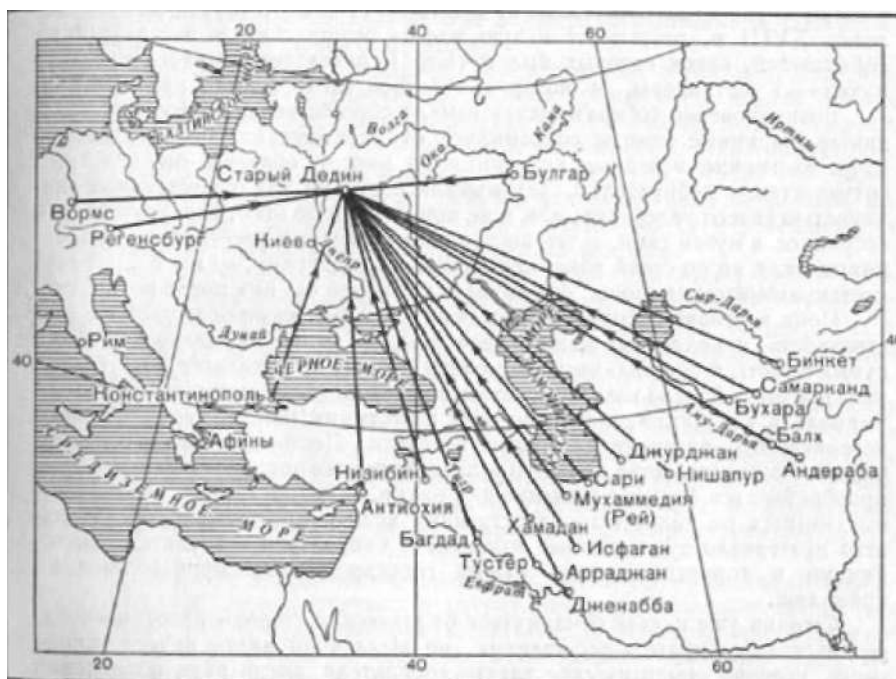

Рис. 10. Места чеканки восточных, западноевропейских и византийских монет IX-X вв. из клада, обнаруженного в 1926 г. в с. Старый Дедин Могилевской обл. БССР.

Благодаря тому, что старинные монеты встречаются сравнительно часто, относительно легко поддаются определению и, наконец, удобны для хранения, они очень рано стали предметом исторического научного интереса и осмысленного собирания и изучения. В России в XVII в. существовали благоприятные условия для «естественного» возникновения собирательства. Даже в обычном обращении находились монеты, охватывавшие более чем столетний период; можно не сомневаться, что время от времени открывались и клады старых монет. Выше говорилось о византийских золотых монетах, находившихся в казне патриарха Никона. В 1661-1662 г. кто-то показывал Августу Мейербергу, приехавшему в Москву, старинные русские монеты, даже монету киевского князя Владимира (за которую была принята гораздо более поздняя); такой диапазон «коллекции» не оставляет сомнений в том, что собеседником Мейерберга был собиратель и, вероятно, русский. Первое имя собирателя - московского священника Федора - дошло до нас только от конца XVII в. Зато первые два десятилетия XVIII в. открывают целую плеяду московских и петербургских собирателей, среди которых был и Петр I, основатель первого русского музея - Кунсткамеры, в котором почетное место заняла нумизматика.

Возникновение собирательства немало способствовало тому, что находимые старинные монеты сохранялись от уничтожения. Своей полнотой наши нынешние музейные коллекции во многом обязаны бесчисленным энтузиастам - собирателям. Задумывались ли они над общественной значимостью своего увлечения, или и не помышляли об этом, передали ли они собранное в музеи сами - так поступали многие, или расстались с коллекциями даже не по своей воле, как случалось с другими, - мы с благодарностью называем их имена: они сохранили то, что без них могло погибнуть.

Пока в основе собирательства лежит частный интерес и частная собственность, и коллекция как таковая (коллекция - это далеко не только сумма монет), и составляющие ее монеты постоянно находятся под угрозой уничтожения. Можно назвать десятки случаев, когда со смертью собирателя умирала и коллекция, а ставшие уже известными монеты первоклассного исторического значения бесследно исчезали. Постоянно слабым местом частного собирательства является и пренебрежение документацией, которая приобретает все большее значение для науки. В нашей стране, где созданы выдающиеся по полноте

государственные коллекции, частное собирательство претерпело существенные изменения. Собиратели становятся помощниками и корреспондентами наших государственных нумизматических хранилищ.

Сегодня уже нельзя отмахнуться от этической стороны проблемы собирательства: собиратель-собственник, не желающий знать ничего, кроме «мое», позорит романтическое звание собирателя, когда ради пополнения своей коллекции перехватывает и утаивает монеты клада. Большой проблемой собирательства являются начинающие и, в особенности, дети, первыми «наставниками» которых порою становятся торгаши. Для школы и для учителя-историка здесь широкое поле для полезной и благородной деятельности.

Из любительского собирания выросла вспомогательная историческая дисциплина - нумизматика (от латинского *numisma* - монета), создавшая и совершенствующая методы исследования своего специфического материала и способная существенно обогащать наши представления о прошлом. Изучение монет, наиболее легко подбирающихся в связанные серии, иногда прокладывало дорогу для открытия целых разделов истории, ранее оставшихся вовсе неизвестными. Нумизматике многим обязана история древнего мира и, в особенности, история Древнего Рима. Огромен вклад в науку восточной нумизматики. Для некоторых разделов истории средневекового Востока именно монеты открыли пути к плодотворному исследованию. В союзе с археологией советская нумизматика за последние годы достигла замечательных результатов в изучении истории древнего Востока. Известны случаи, когда нумизматика решала спорные вопросы искусствоведения: некоторые монеты запечатлели на себе облик несохранившихся или сильно пострадавших памятников искусства.

В распространении правильных представлений о большом историческом значении нумизматических находок, и прежде всего кладов, кровно заинтересована наша историческая наука. Большую помощь может оказать ей каждый читатель этой книжки, разъясняя важность регистрации находок и извещая о них наши ведущие и местные музеи. Музеи принимают клад для изучения, а за монеты, нужные для пополнения коллекций, может быть выдано вознаграждение; имена находчиков и корреспондентов помещаются в издаваемых списках монетных находок.

Наиболее крупные и упорядоченные коллекции принадлежат Государственному Эрмитажу в Ленинграде (Дворцовая набережная, 34) и Государственному Историческому музею в Москве (Красная площадь, 1/2). В них постоянно ведется большая исследовательская работа в области нумизматики в тесном контакте с Институтом археологии АН СССР, на который Президиумом Академии возложен учет нумизматических находок в нашей стране. Прекрасные коллекции имеются в Киеве и в Одессе. Многие музеи в республиках Средней Азии, Кавказа и Прибалтики располагают богатыми коллекциями и кадрами опытных нумизматов-ученых и играют видную роль в нумизматических исследованиях, осуществляемых в нашей стране. Возрождается нумизматическая работа в Минске.

Отличные нумизматические коллекции могли бы иметь очень многие краеведческие музеи областных и других городов. В большинстве из них имеются более или менее богатые нумизматические фонды, но нет коллекций: эти фонды либо никогда не были систематизированы, либо, что еще хуже, существовавшая прежде в старых музеях систематизация сведена на нет, и коллекции превращены в груды неразобранных монет и медалей, утративших данные о происхождении. Огромный ущерб в этом отношении принесла война, но не радуют и явно устаревшие и ставшие вредными для дела

стандартные правила музейного хранения, совершенно игнорирующие особенности нумизматического материала.

Небольшая часть монет многих наших музеев в течение нескольких последних столетий поступала в нашу страну уже не как средство обращения, а как памятники зарубежной старины, никогда не участвовавшие в денежном обращении у нас. Значительная и интереснейшая часть собранных монет, независимо от того, где они впервые выпущены и каков язык их надписей, состоит из памятников денежного обращения разных эпох на территории нашей огромной страны. Они найдены случайно, обнаружены в кладах или добыты специальными раскопками.

Нумизматика формально делит свой материал на большие группы монет - античных (греческих, римских и городов Северного Причерноморья), византийских, ближне- и дальневосточных, европейских и монет колоний, русских монет, выделяя в рамках этих широких групп более мелкие подразделения, хронологические и территориальные, вплоть до выпусков отдельных государств и других владений и даже городов. Естественно, что как особо важную группу мы выделяем монеты русские, наиболее полно представленные в музеях СССР. Тщательно подобранные и систематически пополняемые коллекции являются основой, на которой строится научное исследование монет как памятника истории.

Однако изучение денежного обращения на территории той или иной страны очень редко может лечь в рамки только одной из названных больших групп; выше уже отмечалось, что в известные эпохи возникало своего рода мировое денежное обращение, в котором ведущую роль получали те или иные узкие группы иноземных монет.

Длительное обращение иноземной монеты протекало в более или менее организованных формах в экономически созревших для этого государствах, особенно в тех случаях, когда на территории их не существовало собственной добычи драгоценных металлов. Чужеземная монета устойчивого типа делалась как бы местной, перестраивалась в определенную систему на основе местной традиции и в свою очередь способствовала развитию местной метрологии и местных денежных систем.

В изучении сложной истории денежного обращения на всей территории СССР принимают участие представители всех специальностей нумизматики. У нас есть своя античная нумизматика - Северного Причерноморья, изучающая дославянский период истории СССР. Русским и советским востоковедам принадлежит честь разработки многих вопросов истории денежного обращения всего древнего и средневекового Востока и древних восточных государств, некогда существовавших на территории СССР. Большой вклад внесла наша отечественная наука и в изучении византийской нумизматики.

Чрезвычайно сложны нумизматика Средней Азии и нумизматика Кавказа, где в той или иной мере вступало во взаимодействие денежное обращение античного мира, Византии и Востока и возникали и распадались местные системы.

Вопросы античной (римской), а затем восточной нумизматики теснейшим образом соподчинены с вопросами денежного обращения Древней Руси. На значительной части ее территории отмечены находки римских монет I-V вв. н. э. Обращение восточных монет, как отмечено выше, было широко распространено в Восточной Европе в IX и X вв. Позже, в XIV в., возникает обращение джучидских (золотоордынских) монет, в определенной связи с которым находится и возобновление чеканки собственной монеты на Руси в XIV в. Но в денежном обращении Руси видное место занимали еще и средневековые

западноевропейские монеты X-XI вв., а временное обращение более поздних групп западноевропейских монет отражено в кладах западной части РСФСР (чешские монеты XIV-XV вв. и шведские XVI-XVII вв.), Белоруссии и Украины (польские и некоторые другие монеты того же времени).

Свой характер имело денежное обращение на территории Прибалтики, знавшее и римские, и византийские, и восточные, и западноевропейские, и древние русские монеты, имевшей и собственные монетные дворы. Обращение платежных серебряных слитков и взаимное проникновение монеты тесно связывает Прибалтику с Русью.

За последние годы все большую определенность приобретает новая для нас область нумизматики - нумизматика Сибири и советского Дальнего Востока: там непрерывно возрастает число находок средневековых китайских монет.

Таким образом, изучение старинных монет как памятников истории денежного обращения приводит к иному, историческому делению нашего материала и к рассмотрению его в соответствии с ходом исторического процесса на определенных территориях и в пределах отдельных больших культур. Задача этой книжки - проследить по историческим этапам становление и развитие денежного обращения на территории Древней Руси и рассказать о том, как возникла и формировалась национальная русская монетная система.

Рис. 11. Медаль, отчеканенная в присутствии Петра I на Парижском монетном дворе в 1717г., и неосуществленный проект медали в память улучшения монетного дела Петром (2-я половина XVIII в.)

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ РУССКОЙ МОНЕТНОЙ СИСТЕМЫ В МИРОВОМ ДЕНЕЖНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Вкладом России в мировое денежное дело и метрологию было создание десятичной монетной системы. В 1954 г. исполнилось 250 лет с того времени, когда в Москве были отчеканены первые рублевые монеты, выпуск которых завершил создание монетной системы, отличавшейся от любых других монетных систем мира своим десятичным строем

Множество новшеств, которыми ознаменовалось для России начало XVIII в., сделали мало заметной коренную перестройку русского денежного хозяйства, а международное значение реформы не отмечено ни в русской, ни в иностранной литературе. Русские буржуазные экономисты и историки, писавшие о денежном хозяйстве петровского времени, исходили из привычного признания «исторического факта» заимствований Петром новшеств из Западной Европы. В действительности же именно русская монетная система 1704 г. была первой среди создававшихся в XVIII в. десятичных монетных систем Западной Европы и Америки.

Появление первых серебряных монет новой русской чеканки - «талеров», «полуталеров» и монет в 10 шиллингов или 5 грошей, т. е. полтин, полуполтин и гривенников Петра I 1701 г. - было отмечено в 1702 г. в известном гамбургском иллюстрированном периодическом издании *Historische Remarques uber die neuesten Sachen Europa* (ч. IV, стр. 371). Там же сообщается и о новых русских дукатах - золотых червонцах Петра.

Уже в первой половине XVIII в. в западной литературе был поднят вопрос о перестройке денежного хозяйства по русскому образцу. В 1743 г. в Копенгагене вышла на датском языке книга Петера ван Хавена «Путешествие в Россию». Автор ее в двадцатилетнем возрасте приехал в Петербург, провел в России три года и возвратился на родину в 1739 г. Его книга вскоре была переведена на несколько языков. Увлечение Хавена математикой позволило ему сделать ряд интересных наблюдений в этой области. Особое внимание его привлекли неизвестные Западной Европе счёты и монетная система России. Указав, что только она соответствует требованиям математики и поэтому предельно облегчает денежный счет, Хавен высказал убеждение, что другие государства последуют примеру России и перестроят свои монетные системы по ее образцу. Хавену же принадлежит мысль о том, что десятичному принципу должны быть подчинены вообще все меры - длины, веса, объема и т. д.

Подобная же оценка русской монетной системы в середине XVIII в. повторяется в нескольких изданиях переведенного с английского языка и дополненного переводчиками сочинения о России английского писателя Салмона

Предсказание Хавена начало сбываться в конце XVIII в. В 1792 г. Национальный конгресс Соединенных Штатов Северной Америки утвердил разрабатывавшийся в течение десятка лет проект десятичной монетной системы. Вскоре, в 1793 и 1794 гг., появились и сами монеты - доллар, делившийся на 100 центов, и его фракции (части). Около этого же времени Французская Академия наук по заданию революционного правительства приступила к созданию проекта, в котором денежный счет был уже только частным вопросом, так как предусматривалось коренное преобразование по десятичному принципу всей метрологии. В 1795 г. проект был утвержден Конвентом и началась чеканка серии новых монет - франка, делившегося на 100 сантимов, и его частей.

Если высказывания Хавена даже остались неизвестными составителю американского проекта Р. Моррису или группе ученых, работавших над проектом во Франции, то во всяком случае, сама монетная система России была перед их глазами. Уже более полу столетия она была хорошо известна «деловым людям» по валютным справочникам, постоянно переиздававшимся ввиду изменчивости описываемого материала. Без них не могла обходиться торговля Западной Европы, раздробленной на множество государств, которые выпускали свою монету, и ученые специалисты, годами работавшие над своими проектами, не могли не знать хотя бы практически существовавшего тогда денежного хозяйства Европы.

Рис. 12. Описание новых русских монет 1701 г. в гамбургском журнале 1702 г

В денежном деле Западной Европы и Америки господствовала в то время система серебряного талера, занимавшего ведущее положение в биметаллическом денежном обращении. Под разными названиями - иоахимсталер, талер, далер, доллар, пезо, скудо, патагон, крона, экю-блан и т. д. - крупная серебряная монета весом около 28 г с XVI в. стала основной в мировой торговле. Серебряный талер был «вершиной» более или менее сложных серий разменных медных, низкопробных и полноценных серебряных монет.

В свое время талер занял место над уже существовавшими монетными системами, долго сохранявшими и после этого свои старинные структурные отличия. Поэтому отношения к нему меньших платежных единиц в монетных системах различных государств были очень разнообразны, а счет зачастую велся даже в нескольких номиналах - как если бы мы, например, стали выражать суммы в рублях, полтинниках, двугривенных и т. д., не имея непосредственной возможности привести их в единство.

Рис. 13. Прусский талер 60-70-х гг. XVIII в. и его части: 1/3, 1/12 и 1/48

В более упорядоченных системах наиболее стройной «классической» формой отношения было двенадцатикратное: талер делился на трети, шестые, двенадцатые, двадцатичетвертые и так далее, вплоть до трехсотшестидесяти частей, что также очень усложняло денежный счет.

В течение XIX в. уже под непосредственным влиянием французской метрологии система талера постепенно уступала десятичной монетной системе. После крушения империи Наполеона кое-где имели место отступления к прошлому, но в 70-х гг. - с введением десятичной системы в Германской империи - в Европе оставались считанные государства, не обновившие свое денежное хозяйство.

В настоящее время в Европе только Великобритания и Ирландия сохраняют старую додесятичную монетную систему. Названия многих нынешних мелких монетных единиц - сент, сантим, чентезимо, стотинка и т. п. отразили в себе происшедшие перемены

Первая русская десятичная монетная система была результатом одной из реформ Петра I. Знакомясь с ней, мы с особой наглядностью видим продуманность каждого этапа растянутой почти на 20 лет и осуществленной в условиях непрекращавшейся войны перестройки большой области государственного хозяйства. Тесно связанная с другими нововведениями, монетная реформа Петра особенно привлекает внимание тем, что новая монетная система явилась естественным развитием веками существовавшего в России круга денежно-счетных понятий. Поэтому она имеет вполне самобытный, национальный характер и принципиально восходит к гораздо более далекому прошлому русской экономики и культуры.

Рис. 14. Клад серебряных восточных, западноевропейских и византийских монет IX-X вв. Находка 1923г. в дер. Васьково Великолукской области.

ДЕНЬГИ И ДЕНЕЖНЫЙ СЧЕТ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Кожаные деньги. Только в XIX в., благодаря успехам археологии и нумизматики, историческая наука получила некоторое представление о богатстве Древней Руси драгоценными металлами. «Не легко поверят, может быть, тому, что я теперь предложу. Оно слишком противоречит обыкновенному мнению о состоянии древнейшей России» - писал в 1805 г. нумизмат Ф. И. Круг, первым выступивший против привычных взглядов на древнерусскую экономику и доказывавший возможность существования металлического обращения и даже собственной русской монеты в X-XI вв.

В русском летописном своде середины XVII в. впервые и без малейшей опоры на древнее летописание появилось утверждение о том, что на Руси древнейшими деньгами были кожаные деньги. О кожаных деньгах как *первых деньгах Древнего Рима* говорилось в одном византийском лексиконе X в., который был знаком московским грамотеям XVII в.: русский перевод его имеется в списке второй половины века. В то время в Москве существовал повышенный интерес ко всякого рода «римским древностям», так как всерьез доказывалось, что московские государи - прямые потомки римских кесарей. Сообщения же о кожаных деньгах разных народов встречались в тогдашней западноевропейской историографии, находившей особый вкус в сообщениях более или менее анекдотического, поражающего воображение порядка. Отметим еще одну характерную особенность старинного историко-познавательного мышления: стремление возводить случайное (действительное или мнимое) в ранг всеобщего.

Чеканка древнейших русских монет и интенсивное обращение иноземной монеты и слитков серебра на Руси оставались совершенно неизвестными русским историкам второй половины XVIII в., когда они, пытаясь объяснить встречающиеся в летописях и древних актах многочисленные упоминания о различных платежных единицах древности, создали теорию о будто бы существовавших в качестве всеобщего платежного средства кожаных деньгах - начиная с глубокой древности и вплоть до начала чеканки русских монет в XIV в., и даже чуть ли не до конца XVII в.

Утверждали, что это были различные лоскуты меха и штемпелёванные кусочки кожи, которые заменяли собой различные шкуры путного зверя, условно представляя их стоимость. Расцвету этой теории не мало способствовало то, что в 1769 г. в русском обращении впервые появились бумажные деньги - ассигнации.

В течение XIX в. теория русских всеобщих кожаных денег выросла в довольно внушительное, хотя и расплывчатое в части исторической и географической конкретности учение. По мере упрочения научных позиций археологии и нумизматики ему приходилось время от времени сдавать те или другие рубежи - главным образом в области сравнительно позднего денежного обращения XV-XVII вв. Но даже и во второй половине XIX в., когда миф о нищенской экономике Древней Руси усилиями нумизматов и археологов был основательно лишен доверия, теория кожаных денег выглядела еще прочной и проникала даже в западноевропейскую историографию, причем не всегда в лучших, наиболее осторожных своих версиях. Даже некоторые русские нумизматы пытались как-то примирить со своими данными ее положения.

Кожаные деньги - меха. Постоянным резервом, а временами и почти самостоятельным побочным течением этой теории было учение о платежной функции пушнины - «меховых деньгах». Само по себе оно не может вызывать возражений - пока, вопреки фактам, не начинает претендовать на единственность и всеобщность для всей Древней Руси с ее различными историко-географическими регионами. В свете этого учения различные платежные термины летописей получали более или менее обоснованные или произвольные толкования. *Куна* - это во всех случаях только мех куницы, *нагата* - пушная шкурка с ногами, *резана* - обрезанная шкурка и т. п.

Кожаные деньги - «ассигнации». Сторонники кожаных ассигнаций часто обращались к этому резерву, допуская, правду сказать, большие натяжки товароведческого характера. Для них шкура, т. е. кожа животного, консервированная вместе с шерстным покровом, составляющим основную ценность, порою ничем не отличалась от кожи, т. е. совсем другого товара. Особенно охотно они вводили в ассортимент кожаных денег пушной лоскут. *Мортка* - была отрезанной от шкурки головкой, и даже не были обойдены уши: еще в XIX в. доказывалось происхождение названия монеты «полушка» от уха. Разумеется, помимо подобных чисто анекдотических толкований, приводились и достаточно серьезные доводы и ссылки на древние памятники письменности.

Главное направление теории и было долго «ассигнационным». Его убедительность крепко поддерживали дошедшие до нашего времени так называемые *кожаные жеребья* второй половины и конца XVII в., к которым мы возвратимся ниже, а основополагающее значение имело «историческое свидетельство» XIII в. - записки путешественника Рубрука на латинском языке. Перевод их на французский язык был сделан еще в XVII в. и гласил, что в южнорусских степях деньгами служили разноцветные кусочки кожи. Правильность перевода не вызывала сомнений до начала нашего века, пока новый перевод не показал, что Рубрук писал только о различных сортах пушнины. Историкам начала XIX в., хорошо знакомым с «синенькими» и «красненькими» (народное название ассигнаций), как-то удалось совершенно незаметно убедить себя, что на «разноцветных кусочках кожи» даже стояли печати.

Тем временем к «данным» Рубрука добавились очень трудные для истолкования латинские документы времен русско-ганзейской торговли, в которых в качестве платежной ценности фигурируют «*capita martarorum*» (буквально - «головы куниц») и ставшие известными в середине XIX в. записки Гильберта Ланнуа, который в 1412 г. провел несколько дней в Новгороде и Пскове.

В его сочинении говорилось, что у русских крупные платежи осуществляются серебряными слитками, а «монетами» служили «головки» куниц и белок. И в том и в другом случае основное, главное для нас, сводится, по-видимому, к специфическим значениям слова «сарут».

Кожаные деньги - вытертая пушнина В первой четверти XIX в. родилось третье течение теории кожаных денег, опиравшееся на все возраставший круг публикаций переводов сочинений арабских географов. Хорошо известной особенностью средневековой литературы был компилятивный принцип, возводивший в наивысшую заслугу ученого пересказ всего, что писалось по данному вопросу до него. Поэтому обилие однородных сообщений о Древней Руси нельзя переоценивать даже в том случае, если известно, что отдельные авторы сами встречались с теми, о ком писали, на рубежах загадочной северной страны или даже побывали на ее территории. Исторические факты и вымысел переплетаются в этих сочинениях самым причудливым образом.

Нужно еще сказать, что эти труды, копировавшиеся в древности писцами, дошли до нас в более или менее поздних списках труднейшего арабского письма, в котором достаточно такой описки, как пропуск точки или помарки в виде завитка, и т. п., чтобы совершенно изменить смысл. Без толкования и допущений перевод этих источников вообще совершенно невозможен. В интересующей нас области можно привести примеры, когда перевод разных списков одного сочинения дает диаметрально противоположные утверждения. Стоит подчеркнуть также, что представления немногих очевидцев, породившие всю эту литературу, фактически касались одной какой-то точки на карте Древней Руси, и по значению, а главное по всеобщности, их, конечно, не стоит приравнивать к таким всеобъемлющим трудам, как, скажем, географическое описание «Россия» П. П. Семенова-Тян-Шанского!

Нас интересует только одна тема: учитывая отмеченный выше компилятивный принцип этой литературы и пристрастие ко всему чудесному, диковинному, ее памятники следует разделить на первичные и вторичные, т. е. производные, и рассматривать только первые. К вторичным можно отнести, например, поэму «Искандер-намэ» Низами, в которой рассказывается о битвах Александра Македонского с русскими, и где пленные объясняют победителю, что у них дороже золота и серебра ценятся сшитые в огромные полотнища, сами по себе никуда не годные, ветхие и вытертые до полной потери шерстного покрова - так сказать «бывшие» - пушные шкурки.

Что касается наиболее важного для нас сообщения в основном фонде памятников письменности, то после критического сравнения всех редакций, отделив все спорное, вроде названий животных, вопроса о том, вывозятся ли или не могут вывозиться за границу шкурки и т. д., можно придти к наиболее краткой формуле, приемлемой для сторонников любых взглядов в данном вопросе: «у русских платежная роль принадлежит пушным шкуркам, имеющим в целости лапы, хвосты, головы и т. п., но без шерсти».

Многие и разновременные исторические источники содержат сведения чисто товароведческого характера о древнерусской пушной торговле. Особенно большое внимание в них уделяется вопросу о подделке мехов, имевшей целью ввести покупателя в заблуждение относительно сортности товара. Среди различных приемов фальсификаторов особое внимание отводится *выщипыванию* небольшого количества шерстинок, присутствие которых в мехе снижает его ценность, так как свидетельствует об убое животного в период линьки. Это важное сообщение не может не привлечь внимания, если учесть, что в рассматриваемых арабских сочинениях русскому «шерсть» всегда

соответствует слово (му, муй). Количественная форма (множественного или

единственного числа) в нем не выражена, и оно допускает не только собирательное значение - «шерсть», «волосы», но и количественно ограниченное, что делает возможным перевод - «без волосков», «без шерстинок». Если учесть, что великолепная русская пушнина, теплая, мягкая и пушистая, была едва ли не основным, что влекло на Русь купцов с Востока, то поиски именно такой первоосновы интересующего нас сообщения арабских писателей заслуживают внимания.

Таков - по необходимости в самых кратких чертах - вопрос о кожаных деньгах в нашей исторической литературе. Независимо от нынешних возможностей нумизматики и археологии, он и сегодня не может быть снят с обсуждения. Хотя и ослаблена аргументация сторонников теории всеобщих кожаных денег, все же остаются еще некоторые поддающиеся тому или иному толкованию документы, за которыми могут стоять те или иные факты, вплоть до имевшего где-то и когда-то место платежного использования каких-то головок. Незачем говорить как важен в данном случае подход к вопросу о возможности сколько-нибудь широкого существования в древнем и средневековом обществе условных знаков денег с позиций учения о деньгах марксистской политической экономии.

Археология и нумизматика в настоящее время располагают обширными и достоверными данными об обращении в Древней Руси серебра как в виде иноземной и отчасти русской монеты, так и слитков, и до сих пор не знают каких-либо русских кожаных денег старше, чем «кожаные жеребья» XVII в. Тем не менее безоговорочное и необоснованное утверждение о всеобщем обращении в течение многих веков кожаных денег на территории всей Древней Руси все еще встречается в нашей современной литературе [1].

[1] Например, в книге И. Я. Депмана «Меры и метрическая система», Учпедгиз, 1954

Рис. 15. Римские монеты. Денарий МП. Септимиявеера (193-211) антониниан имп. Филиппа Старшего (244-249).

Римские монеты. Для территории средней полосы Восточной Европы, на которой к концу первого тысячелетия н. э. сложились крупные славянские государства, древнейшим монетным металлом, как и для всей территории Западной Европы, было серебро. В виде иноземной монеты, а также в виде весового металла серебро обращалось на этой территории задолго до возникновения первых государственных образований средневековья и стало наиболее привычным платежным средством. На нем же строились и первые местные денежные системы. Для славян слово серебро долго было синонимом денег, подобно *argent* в современном французском языке. Золото, издавна известное как материал для драгоценных изделий, почти не появлялось здесь в виде иноземной монеты, и в силу его редкости могло лишь крайне ограниченно выступать в роли платежного средства.

Небольшие плотные серебряные монеты с изображением головы римского императора или императрицы на одной стороне, с какими-либо фигурами или группами - на другой и с четкими латинскими надписями были первыми монетами, с которыми познакомились древнейшие племена Восточной Европы, в том числе и славянские. В Западной Европе длительное обращение римской серебряной монеты оказало заметное влияние на

становление первых монетных систем, оставив след, в частности, даже в языке. Название монеты в английском языке - сот и это же слово во французском (со значением «чекан», «штемпель») восходят к термину поздней латыни *cupereus* - кованный, сделанный из металла. Есть основания для поисков воздействий подобного рода и в славянской среде.

Находки отдельных экземпляров и кладов римских серебряных денариев и антонианов I-III вв. чрезвычайно обильны в Белоруссии и на Украине; не случайно на территории древнейшего русского города Киева и его ближайших окрестностей отмечено их так много. Редкие находки римских монет известны и дальше к северу, на территории РСФСР; много их в Прибалтике. Резкое падение качества серебра в монете Римской империи во время политического и экономического кризиса III в. обусловило почти полное прекращение притока римского серебра в Восточную Европу, однако в небольшом числе встречаются и монеты IV и даже V вв.

Римская золотая монета в ту же эпоху играла заметную роль в восточной торговле Рима, но на север, в Восточную Европу, совершенно не попадала. Большую редкость составляют находки на Украине римских золотых дарственных монетовидных медальонов II-IV вв. - своего рода медалей с ушками. Они свидетельствуют, вероятно, о непосредственных сношениях вождей местных племен с представителями администрации подвластных Риму смежных областей на юге. О таких медальонах шла речь в документах упоминавшегося выше судебного процесса из-за клада, найденного в 1610 г. на Волыни. В числе принадлежащих Эрмитажу медальонов находится медальон IV в. императоров Констанция из Лаврского клада и замечательный медальон IV в. императора Константина, найденный в 1915 или 1916 г. в земле при сооружении окопов на юго-западном фронте.

Рис. 16. Золотой медальон имп. Констанция II и Констанса (342-343). Из Лаврского клада.

Историки еще спорят о том, как долго продолжалось обращение римских монет после полного прекращения их притока, и даже о том, в какой мере римские монеты вообще могли служить платежным средством и средством внутреннего обращения для древнего населения Восточной Европы, в том числе и для ее древнейшего славянского населения. Чрезвычайное обилие находок и интенсивное образование многочисленных монетных кладов-сокровищ, преимущественно не очень крупных, само по себе говорит в пользу того, что однородные и равновесные кусочки серебра - римские монеты, в какой-то хотя бы и очень ограниченной уровнем экономического развития мере, уже являлись деньгами, т. е. выступали в той или иной, свойственной именно деньгам, роли. Функции накопления здесь, по всей вероятности, принадлежало основное место.

Сомневающиеся в возможности самого существования денег на столь раннем этапе общественного развития упускают из вида мощную роль контактов и внешних влияний, способных приводить к самым причудливым отступлениям от классических норм примитивного хозяйства и быта. Однако несомненно, что как бы медленно ни шло истощение накопленного ранее фонда монет и затухание их обращения, все же между последним и возникающим на пороге IX в. обращением восточных монет существует вполне определенный разрыв. Отдельные римские монеты встречались в позднейших кладах восточного серебра, но поскольку вовсе нет римских кладов с отдельными восточными монетами, первое приходится рассматривать только как случайность, вполне объяснимую.

Широкое и достаточно длительное знакомство древнейших славян Средней и Восточной Европы с римскими монетами позволяет предполагать зарождение у них уже тогда определенного круга элементарных представлений о счете и весе монеты и о качестве металла, а также и некоторых терминов, что могло получить дальнейшее развитие уже на Руси при возобновлении притока серебра в конце VIII в. Новейшие исследования и относят еще к римскому времени зарождение наиболее ранних общеславянских денежно-счетных и весовых понятий. Сохранению этих представлений и названий мог способствовать народный быт, в котором вполне могло длительно удерживаться какое-то количество монет, ставших уже только украшениями. Вещи требуют названий.

Куфические монеты. Изучение денежного обращения Киевской Руси находится в относительно более благоприятных условиях: мы располагаем не только материальными памятниками этого обращения, но и памятниками письменности, отразившими в себе эту область экономики. Исключительно большая роль в развитии денежного обращения принадлежит серебряным восточным монетам - дирхемам арабского Халифата и других возникавших на его территории государств. Приток восточной монеты, начавшийся в конце VIII в., быстро приобрел очень интенсивный характер, а обращение ее протекало в разноплеменной среде на огромной территории, значительно перекрывавшей границы расселения славянских племен, образовавших древнерусское государство. Наиболее ранние из этих монет русских находок датируются концом VIII в.

Одной из наиболее неотложных по своей научной важности задач нашей нумизматики является создание новой топографии находок куфических монет. Со времени опубликования А. К. Марковым последнего такого обзора прошло 50 лет и с тех пор накоплен и в значительной части тщательно изучен огромный новый материал находок, введение которого в научный обиход стало совершенно необходимым. Если путь римского серебра в Восточную Европу можно назвать юго-западным, то путь дирхемов был юго-восточным. Основной поток их шел вверх по великому Волжскому пути, но едва ли от самого устья Волги. Топография находок кладов и некоторые письменные источники показывают, что важнейшим узловым центром, из которого поток серебра растекался по разным направлениям, был древний Болгар. Отсюда дирхемы шли даже и на юг - к Киеву, Переяславлю и Чернигову, а также проходили и более дальний путь - в Прибалтику и славянскую Пруссию. Слабо прослеживается более ранний путь дирхемов по Северскому Донцу и днепровский.

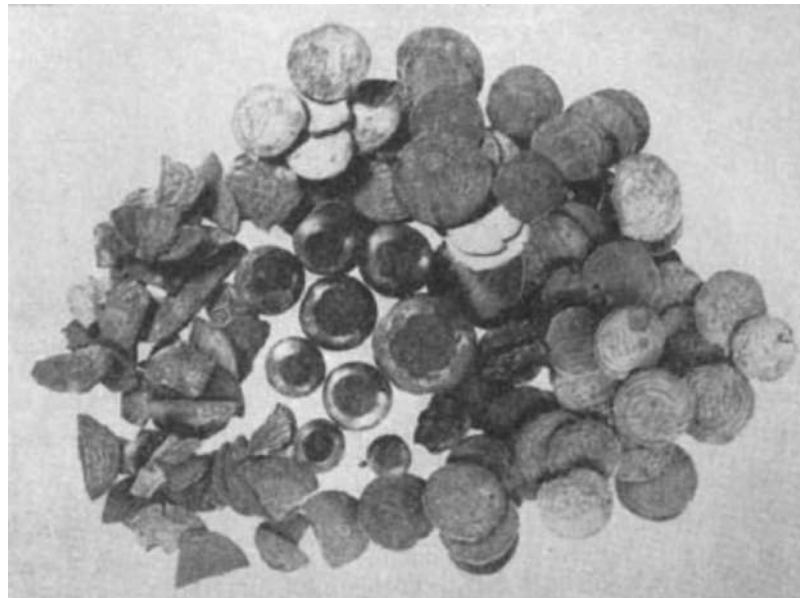

Рис. 17. Клад куфических монет IX-X вв. Находка 1934 г. в. Подборка Старорусского района Новгородской области. Среди монет - 10 весовых гирек.

Роль государства волжских болгар как «ворот», через которые вливался основной поток восточной монеты, подчеркивается тем обстоятельством, что в X в. здесь возникла самостоятельная чеканка подражательных монет, более или менее точно повторявших общий тип восточных дирхемов. Вместе с последними болгарские дирхемы уходили из Поволжья на запад и юго-запад. По-видимому, второй центр подобной же подражательной чеканки местных дирхемов существовал где-то на юге, в степях Хазарии. Большой клад таких подражательных монет, хранящийся теперь в Харьковском университете, добыт в 1930 г. близ села Безлюдовки при вскопке дюны, у подошвы которой было случайно найдено несколько «просочившихся» сквозь песок монет. Вековое движение дюны повалило горшок и растянуло вытекшие из него монеты длинным шлейфом, конец которого пробился наружу!

Количество открытых на Руси кладов восточных монет огромно. В отличие от римского времени, они гораздо больше разнятся между собой в количественном отношении, за чем стоит значительная имущественная дифференциация общества. Известны пудовые клады из многих тысяч монет. Богато представлены превратившиеся в украшения дирхемы и в славянском погребальном инвентаре IX-XI вв. Временное превращение монеты в украшение не лишало ее потенциально-платежного значения. Поэтому и в кладах можно встретить монеты с отверстиями или следами ушка, вернувшиеся в обращение с уборов.

Без знания арабского языка и даже без умения читать то особое письмо, которым передавались надписи на дирхемах (так называемое куфи, почему и монеты называются куфическими), многочисленные их типы трудно различать между собой. На тонких и довольно широких кружках этих монет в соответствии с некоторыми требованиями магометанской религии нет никаких изображений. Зато покрывающие обе стороны надписи особенно важны, так как, помимо благочестивых изречений, в них, как правило, содержатся указание года выпуска (по хиджре - магометанскому летосчислению) и места чеканки, а также имена правителей и других лиц.

Дирхемы, приходившие в русское обращение с Востока, чеканились на огромной территории - во множестве городов Средней Азии, Ирана, Закавказья, Месопотамии и Малой Азии, на африканских берегах Средиземного моря и даже в арабской части Испании.

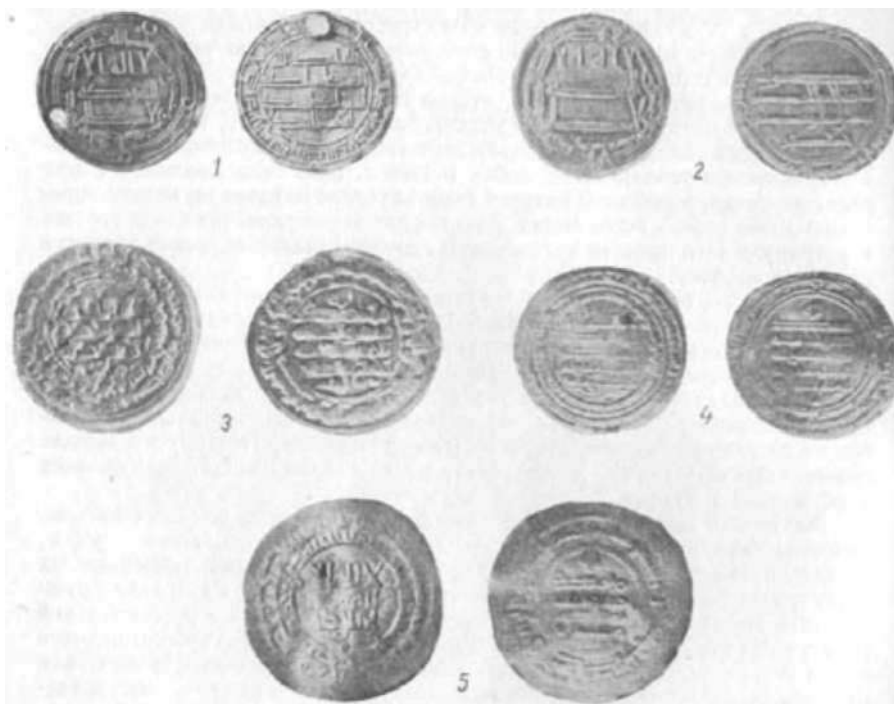

Рис. 18. Куфические дирхемы. 1 -Омейяды. Анонимный, г.Васит, 122 г.х. (739/40 г. н. э.). 2 -Аббасиды.Харун Рашид, г.Мединат-ас-Салам, 185 г. х. (401 г. н. э.). 3 -Саманиды.Нухбн Наср, г. Бухара, 335 г. х. (946/47 г. н. э.). 4 -Бувейхиды. Рукнад-дауля Адудад-дауля, г.Арраджан, 347 г. х. (958/59 г. н. э.). 5 - Волжские болгары. Микаил ибн Джафар, 918-921 г. н. э.

В течение двухвекового непрерывного притока их на Русь имели место различные династические перемены и политические перегруппировки на Востоке, происходил распад Халифата и образование новых государств на его территории, что сказывалось и на вновь выпускавшейся монете. По именам приходивших к власти династий различают группы омейядских, аббасидских, саманидских, бувейхидских дирхемов и другие.

Куфические монеты составляют огромный фонд, освоение которого наукой далеко еще не закончено. То и дело за счет монет новых кладов расширяются хронологические рамки отдельных правлений - когда находятся монеты с датами более ранними или более поздними, чем на известных ранее; открываются новые названия городов, чеканивших монету, и новые имена правителей, выпускавших ее.

Редкими спутниками куфических монет, вместе с дирхемами попадавшими на Русь, были отдельные экземпляры серебряных драхм сасанидских царей Ирана IV-VII вв. На них находится с одной стороны погрудное изображение бородатого царя в пышном венце и с другой - жертвенника. Для Восточной Европы и Древней Руси они по существу являются памятниками времени куфического обращения. Но в ограниченном районе северо-востока, в Приуралье на Каме, эти монеты встречаются сравнительно чаще и в более ранних находках. Сюда они попадали непосредственно из Ирана еще до возникновения потока куфических монет. Возможно, что, постепенно притекая в Болгар и надолго оседая в нем, они в основном там и присоединялись к дирхемам, направлявшимся на Русь.

Различается несколько периодов в обращении дирхемов на территории Восточной Европы и на Руси, в течение которых область их распространения, охватившая в целом огромную территорию от Верхней Волги до Украины, Белоруссии, Приладожья, южной и северной Прибалтики и Скандинавии, постепенно изменяла свои очертания и временами сокращалась (IX в.) за счет прекращения притока и угасания их обращения на юге (Украина) и западе (Белоруссия, Смоленщина).

Рис. 19. Драхма сасанидского царя Хосроя II (590-628 г. н. э.), 15-й год правления.

Временем максимального распространения дирхема на русских землях был X в. Но в последней его четверти уже снова происходило быстрое сокращение этого обращения за счет южных земель. В северной полосе от Волги до Прибалтики обращение дирхемов сохранялось всего дольше и закончилось в начале XI в., сомкнувшись с обращением приходивших им на смену западноевропейских монет.

Прекращение притока восточных монет не было порождено какими-либо внутренними причинами. Оно было результатом так называемого «кризиса серебра» на Востоке. Его объясняют как истощением и прекращением разработки наиболее богатых месторождений серебра, так и политическими событиями, распрями и войнами на Востоке. Чеканка серебряной монеты там почти повсеместно прекратилась в XI в.; ее место в обращении заняли имевшая кредитный, т. е. внутренний, характер медная монета и золото. Пригодной для вывоза на север монеты не стало.

Вес и качество серебра дирхемов не оставались неизменными в течение IX и X вв., когда они обращались в Восточной Европе. Возможно, что чеканка подражательных дирхемов в государстве волжских болгар в X в. была своего рода попыткой преодолеть расстройство весовых норм привычной монеты, необходимой для торговли с соседями на Западе, тем более, то при отсутствии собственных естественных запасов серебра в Поволжье сырьем для этой чеканки могли служить в основном сами восточные дирхемы. Трудно объяснить иначе эту переделку, не ставившую перед собой задачу создать новую монету, резко отличную от прежнего вида.

На Руси на перемены качества вновь приходившей монеты реагировали, изменяя определенным образом денежный счет, а временами и вовсе отказываясь от него и рассматривая монету как весовое серебро.

Здесь следует заметить, что было бы крайне неверным упускать из виду исторический характер развития денежного обращения, и для рассматриваемого периода русской истории видеть повсюду единый подход населения к монете и совершенно единообразное понимание ее платежной роли. Нет сомнения, что существовали не только зависевшие от уровня экономического развития местные (территориальные) различия и особенности в этой области, но и достаточно резкие различия социального порядка - в крупных центрах и на периферии, в городе и в деревне и т. д. Опираясь на доступный нам материал (клады, древние акты), мы имеем возможность отмечать лишь наиболее четко проявляющиеся существенные изменения в процессе формирования товарно-денежных отношений. В исторической литературе можно встретить утверждение, что в течение всего периода обращения дирхемов на Руси их рассматривали в основном не как платежные единицы - монеты, а лишь как одну из форм измельченного серебра и что платежи серебром-монетой производились только по весу. При этом указывают на ряд случаев, когда вместе с дирхемами в кладах находили миниатюрные чашечные весы (вроде так называемых «аптекарских») и гирьки. Пользуясь ими, несомненно, *взвешивали* монеты, но как и для чего?

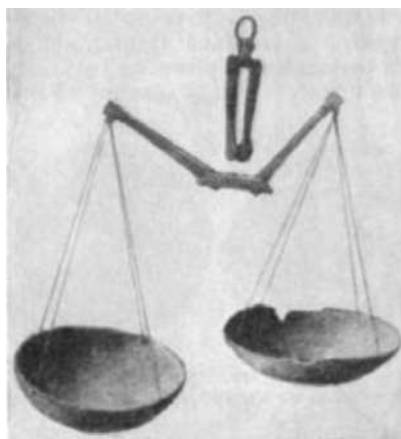

Рис. 20. Весы со складным коромыслом из могильника близ г.Люцина Витебской губ. Раскопки 1890-1891 г.

Ведь именно *монета* из драгоценного металла вообще немислима без строгого учета и *поверки* ее веса - особенно в тех случаях, когда в обращении находятся сходные по внешнему виду, но разновесные монеты.

Дошедшие до нас вместе с древними монетами маленькие вески по своему виду и емкости ближе всего к хорошо известным монетным весам со специальными наборами гирек, которые имели широкое применение в торговой практике даже еще в XIX в. и предназначались исключительно для *поверки* веса монеты, но не для *отвешивания* ее. Кто-нибудь может возразить, что монетные весы XVII - XIX вв. располагали специальными наборами гирек - «экзагиев», т. е. весовых эталонов для монет различных достоинств, тогда как в кладах XI в. гирьки никогда не соответствуют весу единичных монет. Но поздние весы предназначались, в основном, для поверки высокоценной золотой монеты, юстировка (выверка веса) которой во все времена стояла очень высоко, а средневековая серебряная монета никогда не знала юстировки и чеканилась аль марко, т. е. в среднем, в расчете на выход определенного количества монет из определенного веса серебра; поэтому и поверять вес такой монеты можно только по навеске, т. е. по средней пробе, взятой из массы монет. Здесь подход такой же, как, скажем, при определении сортности зерна по навеске, в которой подсчитывается количество зерен. Прикинув, сколько монет уравнивается той или иной гирькой, или двумя, тремя различными гирьками, поверяющий устанавливал, с какой монетой он имеет дело. Таким образом, присутствие весов и гирек в древних кладах по существу лишь служит лишним подтверждением того, что дирхемы для Древней Руси были монетами в основном смысле этого слова.

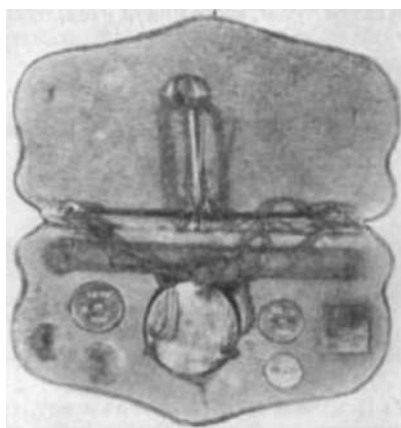

Рис. 21. Монетные весы менялы XVIII в. Голландия.

Высказывалось и такое мнение, что многочисленные клады дирхемов на Руси не являются в полном смысле памятниками ее экономики, а лишь служат свидетельством транзита через ее территорию, и что зарывание их «на торговых путях» имело будто бы чисто вынужденный характер в опасной обстановке путешествий через Русь восточных купцов, направлявшихся на Запад. Если сторонники этого странного мнения сравнят количество кладов, открытых на территории Руси и за ее западными рубежами, им ничего не останется, как признать, что, по крайней мере, половина этих купцов зарывала свои сокровища по дороге, и весь вопрос сведется к тому, на какой день пути упрямым путешественникам предстояло это сделать... Однако в действительности дело обходилось без разбойничьих засад, погонь и прочей романтики, да и без самих восточных купцов; важная роль внутренней русской торговли в транзите восточной монеты на Запад бесспорна, а древние восточные авторы, хорошо знавшие Болгар, о подобных путешествиях почти ничего не сообщают.

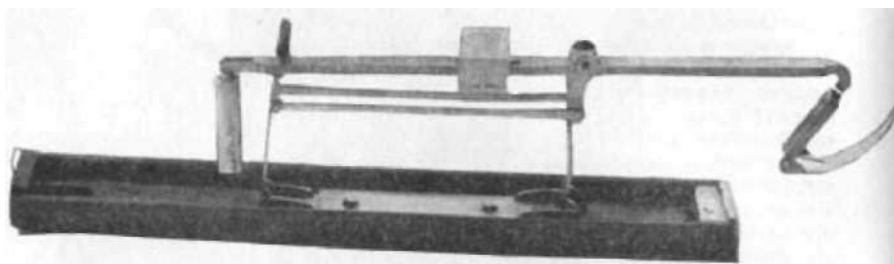

Рис. 22. Монетные весы первой половины XIX в. Франция.

Если некоторая часть дирхемов, как считают, приходила в Прибалтику и Скандинавию даже своим путем, вовсе минуя Русь, то западные (польские, прусские) клады дирхемов приходится все-таки рассматривать в основном как прошедшие через Поволжье и собранные из монет, которые притекали непосредственно из русского обращения. Только таким образом эти монеты могли «захватывать» с собой на запад и редкие древнерусские монеты, болгарские дирхемы сасанидские драхмы. Те и другие в данном случае играют роль своего рода «радиоактивных изотопов», позволяющих нам через века видеть, как перемещались некогда массы серебра на Руси. Клады русских находок нередко включают в себя типично русские предметы - монеты с ушками, обломки бытовавших здесь серебряных изделий, бусы и тому подобный местный материал. Нельзя исключать возможность и того, что некоторая часть восточных монет русских находок успела побывать в Западной Европе и уже оттуда вернулась на Русь. Ведь речь идет не о каком-то прямолинейном движении вроде полета пули, а об *обращении* монеты.

Византийские монеты. Очень редкими в денежном обращении Руси рассматриваемого периода были византийские серебряные монеты, чеканка которых в самой Византии была довольно ограниченной. Лишь в кладах конца периода обращения дирхема византийские серебряные милиарисии X -начала XI в. встречаются несколько чаще. На этих монетах чаще всего на одной стороне изображены два императора, другая занята надписью. Но известны довольно многочисленные находки кладов и отдельных экземпляров золотых византийских монет — номизм (солидов). Именно последние оказали влияние на создание типа древнейших русских золотых и серебряных монет периода наивысшего расцвета древнерусского государства, что после признания христианства господствующей религией на Руси и не удивительно. Но экономически этот замечательный раздел русской нумизматики теснейшим образом связан с длительным, периодом обращения восточной монеты на Руси.

Рис. 23. Византийские монеты. 1 - серебряный милиарсий, 2, 3 - золотыеномизмы(солиды)имп. Василия II и Константина VIII (976-1025).

Древнейшие русские монеты. В 1792 г. стала известна первая древнерусская монета - сребренник Ярослава, найденный собирателем в Киеве среди церковных привесок к иконе. Первая золотая монета князя Владимира была приобретена в 1796 г. тоже в Киеве, у солдата, хранившего ее как подарок матери. Она успела получить некоторую известность среди собирателей, прежде чем новый владелец потерял ее. Тем временем, еще в 1804 г. в Пинске нашли клад золотых византийских монет XI в. Среди двадцати монет, присланных находчиком в Эрмитаж, было несколько золотых монет Владимира. Никакого понятия о научном значении кладов тогда не существовало; отделив 8 «не представлявших интереса» дублетов, в коллекцию византийских монет вложили только 12, среди которых находились и 4 монеты Владимира. Принадлежность этих монет к Пинскому кладу удалось установить только недавно.

В конце 20-х гг. XIX в. появилось еще несколько монет: две серебряных монеты Владимира нашли в Борисполе на Украине, и по одной - на Цимлянском городище (древний Саркел - Белая Вежа) и в Польше - в составе Ленчицкого клада; еще несколько монет Владимира и одна Ярослава оказались у собирателей - без данных о происхождении. Они вызывали все больший интерес, и вскоре разгорелись споры относительно их принадлежности. Признанные авторитеты в области нумизматики считали их болгарскими или сербскими. В 1852 г. был найден ставший знаменитым Нежинский клад - около 200 серебряных монет, который и решил спор не в пользу «авторитетов». В настоящее время может быть установлена принадлежность к этому кладу около сотни сохранившихся монет. В 1876 г. разошелся по рукам собирателей еще один клад, найденный в Киеве. О последней крупной находке - Митьковской, сказано выше.

Попытка создать собственную монету за счет накопленного князьями запаса привозного металла была предпринята в конце X в., в то время, когда после первоначального широкого распространения дирхемов приток их в Южную Русь резко сократился. Но в выпуске этих монет наряду со стремлением пополнить обращение несомненная и немаловажная роль принадлежала и чисто политическим мотивам, поскольку выпуск собственной монеты был своеобразным провозглашением суверенности восточно-славянской державы: об этом ярко свидетельствует сам вид этих монет и их оригинальные декларативные надписи. При несомненном общем влиянии типа византийских монет X в. древнейшие русские монеты с их славянскими надписями, портретами князей и с обязательным помещением так называемого «родового знака Рюриковичей», хорошо известного по многим другим памятникам Древней Руси, представляют очень своеобразное самобытное явление.

Рис. 24. Златник Владимира I и его серебренник раннего типа. Конец X в.

В настоящее время известно примерно десять золотых и больше двухсот пятидесяти серебряных русских монет X-XI вв. По более или менее заметным особенностям композиции последние делятся на несколько типов, но штампы для чеканки (вероятно, бронзовые) были так нестойки, что их постоянно перерезывали заново, или почти заново. Отсюда и низкое качество чеканки многих монет множество мелких разновидностей. Многократное копирование неопытными мастерами, которые зачастую забывали даже о том, что на штампе нужно все резать в зеркальном порядке, прежде всего сказывалось на надписях, которые становились просто неузнаваемыми. Наши монеты X и XI вв. составляют наиболее обильную древнейшую группу памятников русской письменности, но изучение их в этом отношении еще далеко не закончено и надписи многих монет остаются непрочтенными [1].

Монетные надписи по самому их назначению не могут давать большой простор для полета фантазии. Они всегда очень однообразны, особенно у средневековых монет. Поэтому, располагая многими вполне четкими надписями разновидностей наших монет, мы можем составить достаточно ясное представление об общей эволюции эпиграфической формулы и не опускать руки, если на той или иной монете надпись плохо отчеканилась, или даже и при хорошей сохранности представляет набор непонятных значков. Иное дело имена, входящие в эти надписи: их не угадаешь. Не вызывает никаких сомнений чтение имен: Владимир, Святополк и Ярослав. Но последнее имя находится на монетах особого вида, отличающихся и фактурой и содержанием надписи. Еще одну надпись читают и «Георгий» Петрос», но и то и другое толкование далеки от полной убедительности.

В чеканке основной, наибольшей группы этих монет, принадлежащей собственно Киевской Руси, судя по составу кладов, эволюции монетного типа и некоторым другим наблюдениям, существовал небольшой перерыв. Они чеканились в конце X, а затем в начале XI в. Сперва чеканились золотые монеты - так называемые златники [2] и серебряные, которые принято называть серебренниками - те и другие с изображением на одной стороне Иисуса Христа, а на другой - князя, над плечом которого находится небольшой родовой знак. Надпись вокруг портрета имела две формулы: 1 - «Владимир, а се его злато» - для золотых монет и «Владимир, а се его серебро» - для серебряных и 2 - «Владимир на столе» (т. е. на престоле) - для тех и других. На другой стороне - «Иисус Христос». Позже, в начале XI в. золотые монеты уже не чеканились, а на серебряных одна сторона отведена портрету князя, сидящего на «столе», а другую целиком занимает знак - как печать или герб державы. Бросается в глаза четкое смысловое соответствие изображению надписи, получившей дальнейшее развитие: «Владимир (или Святополк) на столе, а се его серебро».

[1] В начале 1960 г. в газетах и передачах по радио неоднократно сообщалось о поразительных открытиях в области изучения надписей на древнерусских монетах. За этими сообщениями стоит одна из многих попыток с ходу справиться с загадками, которые ставит эпиграфика наших монет.

[2] Вес златника византийского солида X—XI вв. и русской золотой монеты (около 4 г) надолго стал русской единицей веса под названием золотник (4,266 г).

Многие монеты, принадлежащие к разновидностям описанного типа, как указывалось, имеют надписи или совершенно нечитаемые, или допускающие различные их толкования. Попыткам «разверстать» неясные монеты по нескольким центрам Древней Руси, опираясь на эпиграфические догадки, очень мешает слишком уж большая технико-производственная общность монет любых видов (кроме монет Ярослава). Все они чеканены сопряженными штемпелями, т. е. с применением щипцов, в которых штемпели крепились в постоянном положении, а кружки для чеканки не вырезывались, как обычно, из листа, а отливались в складных двусторонних формах; именно этим объясняется присутствие на многих кружках отверстий-«свищей».

Рис. 25. Сребреники Владимира I начала XI в. Намонетах 4-5 видны дефекты, возникшие при отливке кружков.

Идейная насыщенность изображений и надписей первых русских монет делается особенно очевидной при сравнении их с любыми другими первыми монетами средневековых государств Европы. Выше говорилось уже о болгарских дирхемах, повторявших в основном привычный тип иноземной монеты. Точно так же и варварские государства Западной Европы начинали чеканку собственной монеты с простого копирования типа позднее римской монеты, только постепенно приходя к пониманию пропагандистских возможностей собственной государственной монеты.

Некоторые ученые приписывали любые золотые и серебряные монеты с именем Владимира Владимиру Мономаху; другие предпочитали поделить их между Владимиром I и Мономахом, заполнив период между их правлениями остальными монетами с темными надписями. Но с точки зрения общих закономерностей развития денежного обращения Древней Руси чеканку всех видов этих монет едва ли можно уложить в срок больший, чем полстолетия, а метрология сребреников связана с метрологией дирхемов, сошедших на нет в X в. Последовательность чеканки монет разных типов твердо устанавливается благодаря находке нескольких перечеканенных монет: понятно, что наложенный сверху штемпель всегда моложе основного, а наиболее ранние типы композиционно накрепко связаны с византийскими монетами только X, но никак не XII в.

Наконец, сам «державный» характер этой чеканки делает более убедительным отнесение ее к эпохе наивысшего расцвета Киевской державы, а не ко времени ее распада; состав всех кладов иноземных монет, в которых были встречены сребреники, только подтверждает это. В настоящее время можно считать твердо установленным, что чеканку начал Владимир I в X в. и продолжал в течение почти всего правления. В таком случае к его чеканке примыкает и кратковременная чеканка монет от имени Святополка Окаянного.

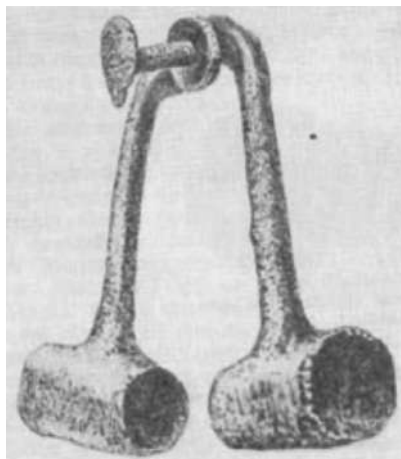

Рис. 26. Сопряженные штампы в виде щипцов (римские).

Принадлежность Ярославу хотя бы части многих остающихся без точного определения монет этой группы казалась бы вполне естественной, поскольку ясно написанное его имя находится на особой разновидности древнерусских монет. Однако именно особенность этого монетного типа и его топографических данных и позволяет оставить попытки приписывать какие-либо из не поддающихся точному определению монет киевской чеканке Ярослава, а относить их все ко времени княжения Владимира.

Рис. 27. Сребреники XI в. со спорными надписями.

Ясная надпись «Ярославле сребро» на монетах Ярослава вокруг знака вовсе не упоминает о «столе». Только одна монета найдена в Киеве, да и то не в земле, а как подвеска к иконе, тогда как все остальные тяготеют к северо-западному краю древнерусского государства: одна найдена в земле поблизости от древнего Юрьева (Тарту), другая - на острове Саарема; есть указания и о находке в Петербургской губернии. Известно несколько подражательных монет, происходящих из Скандинавии. «Ярославле сребро» и относят поэтому к периоду княжения Ярослава в Новгороде - под рукой Владимира, занимавшего русский стол.

Рис. 28. Сребреник с именем Святополка, XI в. Рис. 29. Ярославле сребро. Новгород, начало XI в.

Подобно тому, как на монетах описанного выше раннего киевского типа помещалось изображение Христа, здесь другая сторона занята изображением христианского покровителя Ярослава - святого Георгия.

В монетном производстве всей Европы XI в. сребреники Ярослава представляют своего рода феномен по мастерству исполнения монетного штемпеля. Превосходный по сохранности экземпляр эрмитажного собрания, несмотря на наличие точных данных о находке в земле, способен вызвать даже подозрения: не поздняя ли это подделка? Но Берлинскому музею принадлежит обрзок совершенно такой же по сохранности монеты. Он происходит из клада.

Еще одну наиболее редкую группу дошедших до нас древнерусских монет представляют найденные только на Тамани и известные всего в нескольких экземплярах монеты тмутараканского князя Олега-Михаила (около 1078 г.). Их тип совсем особый. Изображение архангела Михаила сопровождается на другой стороне строчной надписью: «Господи, помози Михаилу». Чеканку этих собственных монет в Тмутараканском княжестве, по-видимому, подготовило изготовление подражательных монет по образцу некоторых византийских X-XI вв.

Рис- 30. Монета Тмутараканского князя Олега-Михаила (около 1078 г.)

Большая самобытность наших древнейших монет подтверждается и наблюдениями как в области стили их изображений, так и техники изготовления. Штемпели для чеканки вырезались, без сомнения, русскими мастерами, имевшими свои художественные традиции и зачастую знавшими русскую грамоту.

Клады и отдельные находки древнейших русских монет обнаружены не территории Древней Руси (от Тамани до новгородских земель), а отдельные монеты - далеко за пределами Руси: в Скандинавии, Прибалтике, Польше, Германии. Они составляют очень важную группу памятников русской культуры и истории древнерусского государства. Но как экономическое начинание выпуск их был несостоятелен: возродить денежное обращение на юге они не смогли; в северной же Руси обращение дирхемов было сменено обращением западноевропейских монет X-XI вв.

Рис. 31. Западноевропейские денарии. 1 - Архиепископство Кельн, Оттон II (973-983). 2 - Англия, Этельред II (978-1013 и 1014-1016). 3 - Фрисландия, монетный двор Докум, граф Бруно III (1038-1057). 4 - Венгрия, Стефан I (1000-1038). 5 - Чехия, Бретислав I (1028-1055).

Западноевропейские средневековые монеты. В кладах северной Руси (примерно от верхнего течения Днепра и выше) монеты Востока встречаются с первыми монетами, пришедшими с Запада, и быстро уступают место последним. Серебряные денарии XI - начала XII в. многочисленных светских и духовных правителей феодальной Европы, главным образом германских государств и англосаксов, исключительно богато представлены в русских кладах, количество которых очень велико. Встречаются денарии и в погребениях - в качестве подвесок-украшений, или как деньги, необходимые умершему в загробной жизни. В южной Руси известны лишь единичные находки кладов с денариями.

На денариях помещались разнообразные, но грубо выполненные изображения - креста, людей, зданий, разных предметов, буквенные монограммы и т. д. Трудно читаемые латинские надписи содержат имена правителей, а на некоторых монетах бывает и имя монетчика или чиновника, ведавшего выпуском монеты.

Обращение денариев на несколько более ограниченной, чем прежде, территории сменило обращение дирхемов. Монетные клады более или менее ярко отражают этот процесс. В качестве небольшой примеси во многих кладах денариев могут встречаться оставшиеся от прежнего обращения дирхемы, иногда даже обрезанные под размер новых монет, вес которых значительно уступал весу среднего дирхема, а также немногочисленные византийские серебряные монеты, появившиеся на Руси еще в конце периода обращения дирхема. В одном лодейнопольских кладов оказалась даже древнегрузинская монета царя Давида Куропалата. Во многих кладах отмечено присутствие гладких серебряных кружков, имеющих размер и вес денария, но вовсе не подвергавшихся чеканке. Высказывалось мнение, что они попадали в обращение только по недосмотру при чеканке на монетных дворах Западной Европы; но нельзя исключить возможность, что они представляют собой попытки местного производства монеты в Восточной Европе за счет случайных ресурсов серебра.

Эрмитажу принадлежит самый, как кажется, крупный клад денариев: он найден в 1934 г. близ деревни Вихмязь Ладужского района Ленинградской области; больше 13 тысяч монет и серебряный слиток находились в медном котле, который, вероятно, был опущен в дупло большого дерева. Он был обнаружен внутри истлевшего пня, превратившегося в кочку. За несколько последних лет были найдены большие клады: в Лодейном Поле при копании могилы, близ г. Сланцы при разработке карьера и в Староладужском районе - при обработке капустного поля.

В XII в. приток денариев, а за ним и обращение их на Руси прекратились. На причинах этого удобнее остановиться несколько ниже.

Рис. 32. Клад западноевропейских денариев XI - начала XII в., больше 13 тысяч штук. Находка 1934 г. близ дер. Вихмязь Ладожского района Ленинградской обл.

Огромное количество кладов иноземной монеты, датируемых VIII- XII вв. и открытых на древних русских землях, свидетельствует о богатстве Древней Руси и об интенсивном товарном обращении, связывавшем ее с далекими странами и доставлявшем ей в виде монеты драгоценный металл из рудников Азии и Европы.

Весовое серебро и разрезанные монеты. Одновременно с серебром в виде монет платежным средством и средством накопления издавна служили и различные слитки, куски серебра самого различного вида и веса. Сама иноземная и даже русская монета, как уже указывалось, временами теряла специфически монетное значение и приобретала характер измельченного серебра-металла. Известны клады, состоящие из бесформенных обрезков монет; встречаются в кладах и куски изломанных серебряных изделий. Подобное дробление монеты, исходя из состава кладов, можно отнести к периодам, когда происходили заметные изменения в качестве поступавшей извне монеты, т. е. в ее весе и качестве серебра. Однако известны также клады с иноземными монетами, которые разрезаны на более или менее правильные части - половины, четверти и т. п. Здесь мы встречаемся, как считают, с созданием на месте малых платежных единиц путем дробления основной. За этим явлением могут стоять уже потребности развивающегося внутреннего рынка.

В некоторых случаях присутствующие в кладах целых монет немногие обрезки можно рассматривать и как довески, понадобившиеся при упоминавшейся выше проверке веса принимаемой монеты по навеске. Добавление, или, наоборот, изъятие кусочка приводило монеты этой навески к принятой в данный момент весовой норме.

Русские названия монет. Памятники письменности сохранили древнерусские названия металлической монеты - куна и ногата и названия меньших платежных единиц, равной половине куны резаны и веверицы, отношение которой к куне определяют по-разному, и др.

Рис. 33. Обрезки дирхемов.

Куна - монета. Куной был и дирхем, и сменивший его денарий, и русский сребреник, - это не может нас удивлять, так как переход к новому весу и даже виду платежной единицы вовсе не требует отказа от привычного названия. Древнейшее общеславянское название монеты созвучно отмеченному выше названию сот, появившемуся в языке племен Северной Европы на почве обращения римского денария. Вероятно, прежде всего ознакомились с ним западные славяне. Вытесняя термин «сребро», слово *куны* надолго закрепились в славянских языках в общем значении «деньги».

Название *ногата*, производимое от арабского «нагд» (хорошая, отборная монета), первоначально возникло в связи с необходимостью отличать более доброкачественные дирхемы от обращавшихся рядом с ними худших. Резану и веверицу рассматривают как различные части (обрезки) куны; но веверица в ряде случаев может быть и шкуркой белки, служившей платежным средством.

Гривна. Во время обращения иноземных монет сложилось старейшее русское денежно-счетное понятие гривна, прошедшее очень сложный путь развития и изменений и дожившее до наших дней в народном названии небольшой никелевой монеты гривенник.

Понятие «гривна», как полагают, первоначально было связано с шейным обручем - украшением из драгоценного металла, хорошо известным в материальной культуре славян и их соседей. Если считать, что название шейного обруча восходит к слову «грива», то гривной могло называться и иное шейное украшение - ожерелье, сделанное из монет. Затем это слово приобрело новое, весовое значение, соответствующее определенному количеству (весу) серебра (гривна серебра); поскольку же это количество могло слагаться из известного числа одинаковых монет, - рядом с весом стал штучный счет, число. Гривна, состоящая из монет (гривна кун), - это определенное их число.

Гривна серебра (весовая) и гривна кун (счетная) стали платежно-денежными понятиями: первой в XI в. и позже стали соответствовать платежные слитки-гривны разных типов, получившие уже вполне определенную форму и устойчивый вес.

Гривна кун. В начале своего существования гривна, по всей вероятности, была единым понятием в весовом отношении для серебра вообще и для монет в частности. Однако затем началось усложнение и разделение, обусловленное как переменами в весе приходившей на Русь иноземной монеты, так и эволюцией самой гривны как единицы веса. Вес отрывается от числа; в языке древних актов появляются «старые» и «новые» гривны, так же как и «старые» и «новые» куны. Весовое же различие гривен киевской и новгородской, по-видимому, явление очень древнего, а может быть и исконного порядка.

Что касается отношения гривны серебра к гривне кун, то памятники письменности засвидетельствовали, как можно думать, уже не начальное соотношение, существовавшее, быть может, еще в римские времена, а те соотношения, которые слагались в процессе эволюции гривны, под влиянием перемен в весе, составлявших в разные времена фонд монетного обращения кун-монет. Гривна серебра стала по ценности равняться нескольким гривнам кун.

Так, для XII в. установлено равенство ее четырем гривнам кун; сама же гривна кун при этом соответствовала определенному, но не постоянному, количеству платежных единиц: 20 ногатам в XI и XII вв. и 25 кунам или 50 резанам только в XI в., но уже 50 кунам - в XII в. Таким образом, на протяжении столетия одна единица системы оставалась как часть гривны кун неизменной, тогда как другая уменьшилась вдвое.

После прекращения кратковременной чеканки русских монет целям денежного обращения на Руси еще долго служили на севере западноевропейские денарии, а повсюду - серебро в слитках-гривнах. При этом последнее занимало все большее место, вплоть до полного вытеснения, вернее, поглощения монет, которые и служили сырьем и мерой для литья ранних слитков. Восполнение же запаса ходячей монеты в стране прекратилось в начале XII в. в связи с повсеместным прекращением на Западе чеканки привычного для Руси денария. Там на смену ему, разумеется, пришли новые виды монеты, однако на Руси они остались уже совершенно неизвестными.

Рис. 34. Деталь миниатюры конца XIII или начала XIV в. Человек с гривнами в руке.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В XII-XIV вв.

Прекращение притока серебра. Причины прекращения притока на Русь серебряной монеты из стран Западной Европы слабо исследованы. Определенную роль в перестройке денежного хозяйства и монетного экспорта Западной Европы, по-видимому, сыграли крестовые походы. Судя по усилению борьбы за «монетную регалию», т. е. за право производить чеканку монеты, заметно возрастала внутренняя потребность в ней на Западе. Разделить это право со светскими и духовными владельцами все больше стремились города. Происходило и несомненное усиление феодальной эксплуатации монетной регалии: знаменем времени стало *renovatio monetae* - обновление монеты: периодически производилась принудительная переделка всего наличного в обращении серебра - с удержанием «за услуги».

Можно думать, что не эстетические потребности, как считали некоторые, вызвали появление и быстрое распространение в XII в. монет-брактеатов. Вместо более или менее плотных монетных кружков для двусторонней чеканки изготавливались более широкие, но поразительно тонкие кружки, пригодные уже только для односторонней штамповки. Они, действительно, давали простор резчику штемпелей, но монету делали хрупкой, непригодной для сколько-нибудь длительного употребления и нуждающейся в частом возобновлении ее формы. «Обновление» в таких условиях выглядело как проявление заботы о благе подданных.

Перестройка денежного хозяйства Западной Европы в XII в. не была единственной причиной, надолго нарушившей регулярный приток серебра на Русь с Запада. Поскольку уже существовали давно сложившиеся прочные экономические связи, они неизбежно породили бы какие-то новые, удовлетворяющие обе стороны формы обмена.

Но вторжение в Прибалтику немецких завоевателей уже с конца XII в. создает тревожную обстановку на русских западных рубежах и затрудняет мирные торговые связи. В XIII в. западные русские земли делаются ареной длительной и ожесточенной борьбы русского народа с агрессорами. В то же время и для всей Руси складывается совершенно новая экономическая обстановка в связи с величайшим потрясением середины XIII в. - татаро-монгольским нашествием. Можно думать, что именно оно вызвало преимущественное, в ущерб другим, развитие одной из многих функций денег - функции накопления, способствовавшее катастрофически быстрому прекращению обращения старого запаса серебра.

Рис. 35. Брактеаты. Саксония, Мейсен, Конрад I (1127 - 1156). Ландграфствоюрингия, около 1200 г.

После установления татаро-монгольского владычества особенно возросла роль не испытывавшего ужасов нашествия Новгорода, как «ворот», через которые на Русь поступало серебро. Победа в 1242 г. на Чудском озере создала условия для восстановления регулярного обмена. В Новгороде привозное серебро принимает привычную и приемлемую для всей Руси форму новгородских гривен-слитков.

Безмонетный период. Так называемый «безмонетный период» XII, XIII и части XIV вв. в истории русского денежного обращения представляет очень странное, необычное явление. Уже обращение денария протекало на меньшей части страны, чем предшествовавшее обращение дирхема. На значительной части территории Руси для этого времени совершенно отсутствуют какие-либо находки монет.

После прекращения притока монет с Запада основной формой металлического обращения повсюду на Руси стало обращение крупных «неразменных» слитков. Оно, естественно, имело особый, ограниченный характер, находя применение лишь в очень крупных платежах. Вероятно, слитки гораздо чаще покоились в сокровищницах и в тайниках, чем находились в рыночном движении; поэтому и одиночные находки их редки, чего не скажешь о кладах. Эта форма денег сама по себе может свидетельствовать как о высокой степени концентрации богатства в ту пору в руках правящей верхушки, так и о возникновении в условиях феодальной организации общественного производства особых форм производственных отношений и общественного обмена.

Рис. 36. Киевские слитки XI-XIII вв.

Гривны-слитки. Характерные для обращения на юге домонгольской Руси, но заходившие и на север, так называемые киевские гривны XI-XIII вв. - шестиугольные литые бруски серебра - имеют устойчивый вес около 160 г. Известны клады, состоявшие только из таких слитков, и клады, в которых вместе с киевскими были и другие. Полуторапудовый верской клад 1906 г. содержал различные украшения и гривны разного типа, в том числе более ста киевских.

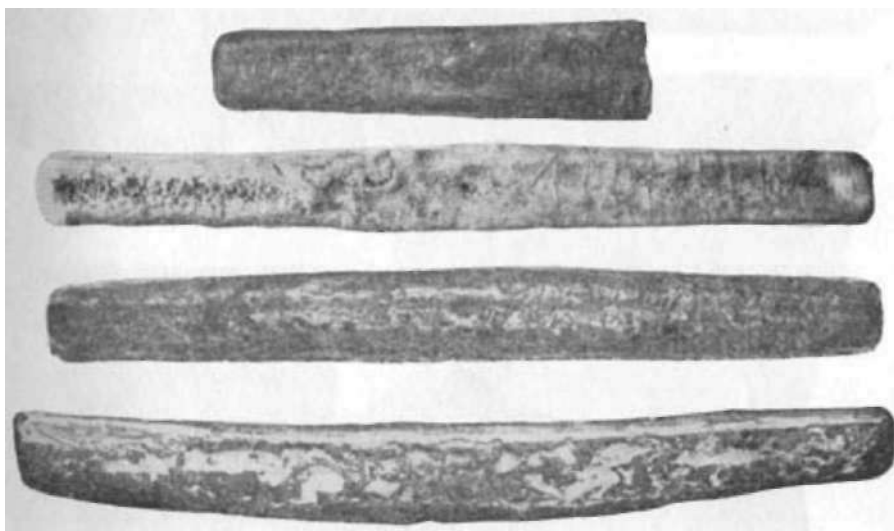

Рис. 37. Новгородские гривны XIII-XIV вв. и половинный обрубок гривны с выцарапанной надписью «Ониськова». На целой гривне нарезки, выражающие потерю металла при плавке.

Одиночные гривны встречаются в составе сокровищ, включавших различные драгоценности. Из монет, датирующее значение которых особенно важно, вместе с киевскими слитками в кладах встречены только немногие византийские монеты от второй половины XI до середины XII в. Обращение слитков на юге как бы шло по пятам обращения дирхемов. Его пресекло татаро-монгольское нашествие.

На севере гривна получила форму бруска - палочки большего веса (новгородская гривна, около 200 г). Известны и другие разновидности гривен северного веса; таковы встречающиеся главным образом в кладах Приволжья так называемые «ладьеобразные» слитки того же веса. Особый вес и вид имеют «литовские» гривны-палочки более мягкого очертания, чем новгородские, и с поперечными или косыми широкими вмятинами.

Новгородский слиток удерживался в обращении до XV в. Так же как киевские, новгородские гривны не встречены в кладах с куфическими дирхемами и даже с европейскими денариями: они приходят на смену монетам.

Помимо разного веса и различной формы, следует отметить очень существенное различие между киевским и новгородским слитками. Если эволюция и становление формы и веса второго прослеживаются довольно четко на обильном местном материале, то форма первого, уже связанная с вполне устойчивым весом, возникает как-то внезапно, ничем не подготовленная в предшествующем периоде. Название слитков «киевские» по всей вероятности соответствует основному центру их производства; однако некоторые разновидности формы (слитки плоские и горбатые) позволяют предполагать, что литье их могло производиться и в других центрах Южной Руси.

Рис. 38. Литовские гривны.

Рис. 39. «Черниговская» гривна.

Летопись сохранила упоминание о Волынском князе Владимире Васильковиче, по приказу которого в 1288 г. были перелиты в слитки драгоценные сосуды его сокровищницы. Это могли быть датируемые второй половиной XIII в. слитки особой формы, которые по месту нескольких находок получили условное название «черниговских». Имея вес новгородских слитков, они по своей ромбической форме имеют нечто общее с киевскими и представляют как бы промежуточный, переходный тип. Непременным признаком этих слитков служит то, что оба конца у них всегда бывают скованы, что придает им порою неряшливый вид.

Особенность новгородских слитков, вовсе не свойственная киевским, - присутствие на многих из них какого-либо выцарапанного имени. Эти одиночные надписи наносились на заказанные изделия в мастерских ливцов. Профессия ливца, который одновременно был и уполномоченным от государства весцом серебра, что может указывать на определенные требования и в части грамотности, засвидетельствована летописями. Сам «притязательный» характер этих надписей, называющий множество разных имен, позволяет объяснить их как деловые записи ливцов. Как и чеканка монеты в позднейший период, литье слитков производилось лишь время от времени, своего рода «сессиями», во время которых ливец в условиях определенного контроля со стороны государства встречался с заказчиками - владельцами «сырого» серебра. (Вероятно, еще в то время возник производственный термин «передел» - от «делать», а не «делить», удержавшийся на русских монетных дворах до начала XX в.). Нужно было как-то отмечать принадлежность изготовленных слитков определенным заказчикам, что было, как мы увидим, необходимо.

Кроме надписей, встречаются на этих же гривнах ряды процарапанных поперечных черт, обычно кончающихся наклонной. Это тоже своеобразное письмо, имеющее сугубо деловой, производственный характер, но выражающее чисто арифметические понятия.

Гривны всегда отливали в открытые формы, именно поэтому у них только верхняя плоскость застывала более или менее гладко, тогда как боковые стороны, образовавшиеся внутри земляной формы, - всегда пористые. Следовательно, форма сама по себе не могла ограничивать количество, а тем самым и вес залитого в нее металла. При разливании его непосредственно из тигля в несколько форм перелив и недолив сказались бы на весе слитков; последний же выровнен до такой меры, что делается несомненной определенного рода дозировка металла, выливавшегося в каждую форму. При этом на сотнях сохранившихся гривен нет никаких следов после отливочного выравнивания их веса путем удаления излишка или пополнения - доливки (на части новгородских слитков последняя наблюдается как наиболее поздний прием совсем иного назначения).

Рис. 40. Плавильный тигель и льячка из раскопок последних лет в Новгороде и маленький тигель из раскопок 1951 г. в Саркеле- Белой Веже.

При раскопках в Новгороде были обнаружены так называемые «лячки», т. е. своего рода «разливательные ложки» для жидкого металла. Емкость некоторых из них точно соответствует массе одного новгородского слитка. При переработке более или менее крупной партии сырого серебра того или иного заказчика ливец мог произвести разливку в формы из одного и даже нескольких больших тиглей, а остаток серебра возвратит владельцу - до следующего передела.

При выполнении малых заказов - на один два слитка - дозировка металла, быть может, производилась и до плавки по весу серебра - сырью для каждого слитка, в маломерном тигле и с «походом» на угар, предугадываемый ливцом.

Упомянутые выше нарезки на слитках объясняются как обозначения потери веса - разницы в весе «сырого» серебра до плавки и отлитого из него слитка, выраженной как часть веса сырья (седьмая, восьмая, двенадцатая и т. п.). Для более позднего времени известно, что вопросы потерь металла при его плавке постоянно занимали денежные дворы и «падеж» серебра после его плавки тщательно фиксировался. Слиток с его определенным числом нарезок как бы представлял именно то серебро, которое было принесено заказчиком; к последнему он и должен был вернуться.

Поскольку для Руси первичной и наиболее обычной формой серебра были монеты, то определенные количества одинаковых монет могли служить мерой веса и ценности ранней гривны-слитка, а слиток в свою очередь становился мерой ценности определенного числа монет и мерой количества их. По-видимому, именно таким образом складывался сложный комплекс понятий, связанных с гривной: гривна - вес, гривна серебра, гривна кун, хотя, как отмечалось выше, сколько-нибудь длительное обращение гривен-слитков одновременно с кунными-монетами не установлено. Процесс превращения накопленного запаса серебра в гривны, вероятно, имел весьма интенсивный характер как в южной, так и в северной Руси.

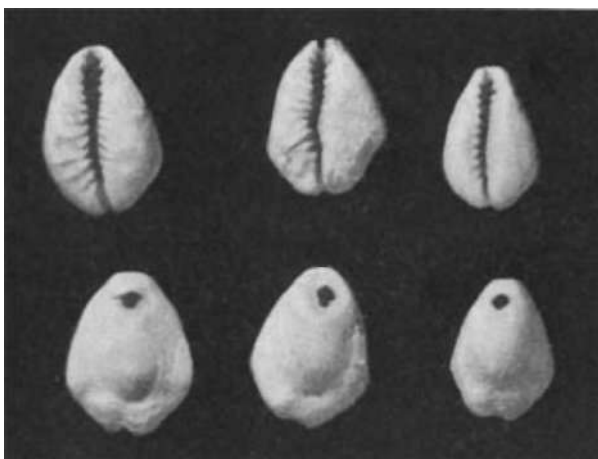

Рис. 41. Раковины каури. Из раскопок в Псковской области. Бескурганный могильник XI-XII вв. близ дер. Осминенка Печерского района.

Мелкие платежи. Для времени от середины XII до XIV вв. ни в многочисленных кладах слитков, ни вне их какие бы то ни было монеты на Руси не известны. Место металлических малых платежных единиц во внутреннем обращении ограничено, и только до известной меры могли занять некоторые виды наиболее единообразных по своей природе товаров, как это хорошо известно в отношении шкурки пушного зверя. В областях охотничьего промысла ими выплачивались подати и различные поборы - (главным образом белкой).

Изучение денежного обращения безмонетного периода представляет особые трудности. В памятниках письменности этого времени сохраняется терминология, сложившаяся ранее на основе обращения и смены различных иноземных монет, и наблюдается развитие гривенно-кунной системы в сторону обособления местных особенностей счета. Происходило увеличение количества гривен кун в гривне серебра - по крайней мере местами. Появляются и новые платежные понятия, например мортки. Прекратившие свое физическое существование малые платежные единицы прошлого упоминаются по-прежнему, как будто они стали арифметическими величинами, своего рода платежными коэффициентами. В отношении одного из видов реальных платежных ценностей - пушнины - это известно совершенно достоверно и засвидетельствовано документами (правда, несколько более поздними): платеж, выраженный в рублях, фактически производился шкурками белки, почему и указывалось иногда их количество, приравнивавшееся к рублю. Но куны, резаны и другие платежные единицы XII-XIII вв. все еще остаются для нас загадкой. Как и прежде, куны не перестают быть деньгами, но они не монеты, сделанные из металла.

Учение о «кожаных деньгах», которое смело подставляло под платежные термины любых древних летописей и актов защищаемые им лоскуты меха и кожи, в применении к этому трудному периоду долго выглядело наиболее убедительным [1]. Когда за несколько лет до начала чеканки собственной монеты в Новгороде летопись сообщает, что в 1410 г. новгородцы «начаша торговать промежи себе лобци гроши литовскими и артугы немецкими, а куны отложиша», как не сравнить это с воспоминаниями Г. де Ланнуа о его пребывании зимой 1412-1413 гг. в Новгороде, где, по его словам, мелкими деньгами служили «головы» белок и куниц? (Небольшой хронологической неувязке придавать значение не приходится: мемуарист мог отобразить то, что ему рассказывали о сравнительно недавнем прошлом Новгорода).

[1] Сами сторонники теории кожаных денег на такое ограничительное применение их теории не согласны, они настаивают на древнем, исконном характере «кредитного» обращения Древней Руси.

Сообщения разных летописей о начале обращения монеты в Новгороде и в Пскове не говорят о том, что вместе с кунами были «отложены» и векши (или белки). Последние, действительно, и позже служили платежным средством. Монетами были заменены куны. В то же время эти сообщения и некоторые другие документы позволяют до какой-то меры уравнивать между собою куну и мортку. В одном случае после упоминания куны имеется разъяснение «еже есть морд куней», «еще есть мордки куные», в другом - «оставиша торговати кунами мордками кунными»; а о псковичах в аналогичном случае сообщается, что, заведя серебряные деньги,- они «мортки оставиша».

Следует еще отметить, что многочисленные сообщения летописей XII- XIII вв. о рыночных ценах и различных платежах постоянно упоминают в неразрывном единении слиточное серебро и малые единицы - куны и векши (белки), присоединяя иногда и мордки, но не содержат никаких намеков на сколько-нибудь условный характер ценности малых единиц. Даже в тех случаях, когда из-за неурожая или по другим причинам цены катастрофически возрастали, это единство платежной системы заметным образом не нарушается - так, как можно было бы ожидать при наличии в ней знаков денег, не имевших никакой внутренней стоимости.

Обогатившие нашу науку замечательными открытиями планомерные и грандиозные по масштабам раскопки последних лет в Новгороде, который всегда считался главнейшим центром «кожаного» обращения, обнаружили больше ста тысяч превосходно сохранившихся изделий из кожи - целых, частей и обрезков, но не дали решительно ничего хотя бы сколько-нибудь напоминающего кожаные деньги в любом из их предполагаемых видов. А ведь считается, что кожаные деньги составляли платежные знаки самого низкого достоинства. Таковы же итоги раскопок, ведущихся в Пскове, Старой Ладогe и на Белоозере. Уже только это побуждает обратить особое внимание на изучение всех особенностей товарно-денежного обращения и реального денежного хозяйства Древней Руси XII-XIV вв. в части малых платежных единиц

Недавно в публикациях одного из участников новгородских раскопок В. Л. Янина были высказаны интересные соображения о платежной роли некоторых весьма массовых и притом предельно «стандартизованных» изделий древнерусской промышленности, распространение которых как бы идет по стопам монетного обращения предшествующей поры. Янин имеет в виду волынские шиферные пряслица, неоднократно встречавшиеся даже в кладах вместе со слитками, а также хорошо известные стеклянные браслеты и бусы. Но возможен, помимо этого, и еще один путь поиска и предположений - хотя бы в области выяснения сущности некоторых платежных единиц северозападной Руси.

Выше упоминались *capita martarorum* - «головки куниц», платежи в которых засвидетельствованы строго деловым документом - договором 1269-1270гг. Более чем через сто лет в Новгороде, по словам де Ланнуа, деньгами все еще служили *testes des gris et des martres*, т. е. «головки белок и куниц». Если воздержаться от «прямолинейного» понимания и считаться с исконной образностью русской речи, легко согласиться, что к этим понятиям, выраженным на латинском и французском языках, ближе всего русская мордка, «мордкуней». Понятие *caput* - «головка» - в нем вполне выражено.

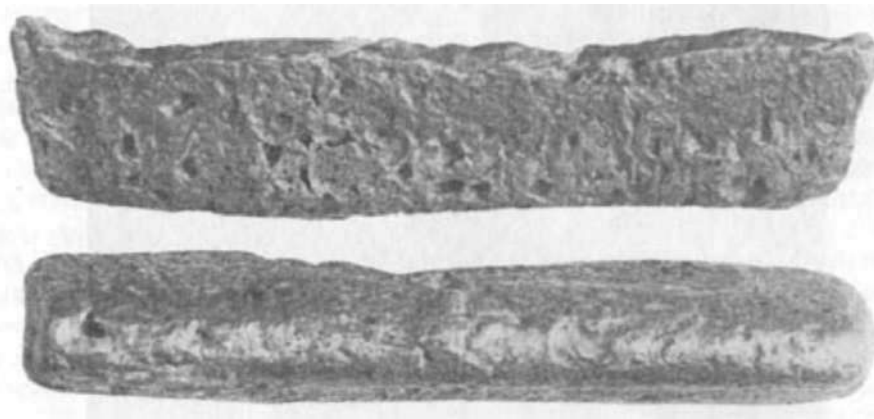

Рис. 42. Волжская «ладьеобразная» гривна XIV в.

В археологических комплексах северо-западной Руси XII-XIII вв., включая новгородские и псковские раскопки, как и в более ранних археологических находках, неоднократно были встречены раковины *Cypraea moneta* (каури). В погребальных комплексах Псковской земли они занимают место кун-монет; в некоторых случаях они были обнаружены даже в виде своего рода кладов. В северо-восточной Европе и на Руси отдельные экземпляры их были отмечены даже в кладах куфических и западноевропейских монет. Эти изящные маленькие раковины размером в небольшую сливу с незапамятной древности в течение тысячелетий транспортировались на огромные расстояния с островов Индийского океана, где имеются их месторождения, проникая в Африку, Азию и Европу; знали их Античный мир и Северное Причерноморье. Известно, что в Африке и в Азии они тысячелетиями служили платежным средством. Археологи и этнографы знают их в Сибири и среднем и верхнем Поволжье. В России свое товарное значение они дольше всего сохраняли в сибирской торговле - до начала XIX в., но трудно сказать, как рано русские купцы взяли в свои руки снабжение народов Сибири этим традиционным для нее товаром.

Русский народ хорошо знал эти миниатюрные раковины; иначе он не создал бы для них столько областных названий - *ужовка*, *жуковина*, *жерновок* (*жерновка*) и одно из наиболее употребительных - *змеиная головка*. Легко заметить, что все приведенные названия являются образными и определяют предмет лишь ассоциативно. Есть основания усматривать такую же образную природу интересующих нас древнерусских терминов, дошедших до нас в русских словах, по-латыни и по-французски, и поставить вопрос о платежной роли каури в безмонетный период денежного обращения северо-западной Руси.

Татарский дирхем. Татаро-монгольское нашествие с середины XIII в. катастрофически нарушило хозяйственную жизнь страны и затормозило неизбежное возвращение Руси к чеканке собственной монеты. Нашествие опустошило южную Русь, а на севере оборвало или ослабило древние экономические связи - как внешние, так и внутренние, и на время сильно сократило приток серебра. Много серебра было спрятано в землю в виде кладов. В результате прямого грабежа и установления даннических отношений драгоценный металл интенсивно утекал за пределы страны.

Так называемые «ладьеобразные» слитки в форме корытца, встречаемые в наибольшем количестве по берегам средней и нижней Волги, вероятно, являются продуктом переработки собранного татарами на Руси серебра.

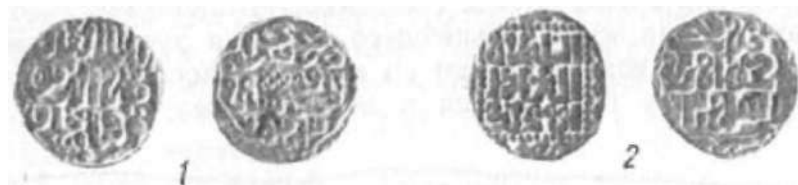

Рис. 43. Серебряные монеты Золотой Орды. 1 - Тохтамыш, г. Сарай, 782 г. х. (1380/81 г. н. э.). 2 - Узбек, г. Хорезм, 730 г. х. (1329/30 г. н. э.).

По особенностям приемов отливки они имеют нечто общее со знакомыми татарам китайскими слитками: можно подумать, что в момент заполнения формы расплавленным металлом она наклонялась в разные стороны для того, чтобы на открытой поверхности образовался характерный для этих слитков глубокий желобок. Один китайский слиток найден в 1894 г. в Вятской губ., другой был даже в кладе дирхемов, открытом в 1914 г. в Пермской губернии. Датируемые XIV в. «татарские» слитки имеют вес русского северного (новгородского) слитка; они назывались «сум» (саум). Впоследствии это название в татарском языке означало «рубль».

Во времена татаро-монгольского ига, около середины XIV в., в восточной части центральной Руси началось довольно ограниченное обращение монет Золотой Орды, так называемых джучидских монет. Оно засвидетельствовано рядом находок кладов татарских дирхемов, иногда вместе с новгородскими слитками. В ряде более поздних находок конца XIV и начала XV в. татарский дирхем встречается с первыми русскими монетами. Далее всего на запад и юго-запад находки кладов джучидских серебряных монет конца XIV и XV вв. распространяются на Курщине, и на севере Украины, встречаясь в Подесеньи и Поднепровьи. В этих кладах татарские монеты иногда соседствуют с пражскими грошами, приходившими с Запада.

Небольшие серебряные монеты ханов Золотой Орды покрыты арабскими надписями, среди которых встречаются и некоторые украшения - орнаментальные рамки, плетенки и т. д. Наиболее полные надписи содержат имена ханов, осуществлявших выпуск монеты, а также обозначение времени и места чеканки. Изображения людей, животных и предметов не свойственны этим монетам [2].

[2] медных джучидских монетах, которые служили преимущественно для целей местного, ограниченного обращения, некоторые изображения все же встречаются, вопреки религиозному запрету. Кроме тамги — родовых знаков различного вида, можно увидеть на них изображение цветка, некоторых животных; известен, в частности, и двуглавый орел.

Пражские гроши. Почти одновременно с друидскими монетами к западу и юго-западу от Москвы, на территории, ограниченной городами Полоцк - Калинин - Рязань - Переяславль-Хмельницкий, возникает обращение пражских грошей - довольно крупных серебряных чешских монет, на которых бросается в глаза изображение короны с трех зубцами в двойном кольце надписей. Название «грош» восходит к латинскому *grossus* - большой. В монетном деле Западной Европы оно привилось в период разложения системы средневекового серебряного денария, когда на смену последнему появились более крупные серебряные монеты, которые и стали называться «большими» - гро, гроссо, грот, грошен. По-видимому, в XVII в. через Украину и Польшу это слово попадает в Москву, чтобы со временем стать там названием монеты. Пражские гроши также встречаются в кладах со слитками. Они попадали в XIV и XV вв. на Русь главным образом через Литву.

Рис. 44. Пражский грош. Чехия, король Вацлав II (1278-1305).

Рубль и его производные. С начала XIV в. в памятниках письменности начинает упоминаться новое название крупной «монолитной» платежной единицы - рубль, явно относящееся к области обращения серебра. Берестяная грамота с упоминанием рубля недавно была найдена в Новгороде при раскопках в слое XIII в. Рождение этого понятия имеет особенно большое значение для всего дальнейшего развития русских денежных систем, так как после возобновления во второй половине XIV в. чеканки русских монет рубль превратился в меру определенного числа монет, т. е. стал счетным понятием; в качестве денежной и счетной единицы он сохранился до наших дней.

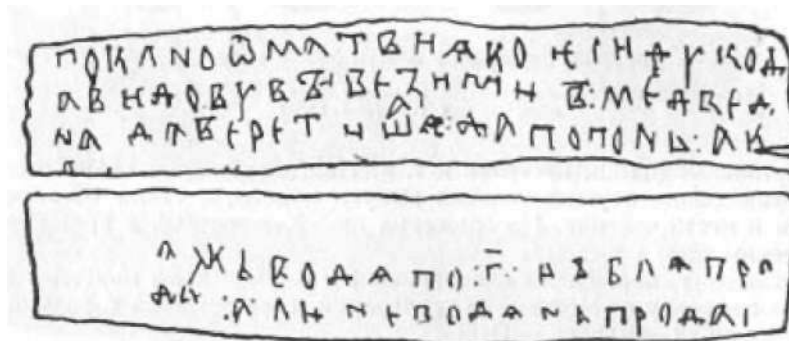

Рис. 45. Берестяная грамота XIII в. из раскопок 1952 г. в Новгороде. «Поклон от Матвия ко Есифу ко Давидову. Вывези ми 2 медведна да веретиш ада попонь. А к... ажь вода по 3 рубля продай, али не вода не продай».

В Новгороде появившееся в XIII в. слово рубль сменило прежнее название новгородского слитка - гривна (серебра). Новгородский рубль с XIII по первую половину XV в. - это все тот же серебряный брусок весом около 200 г. Вес серебряной гривны-рубля был особенно «прочным»: он соответствовал общепринятой весовой единице - гривне или гривенке. Гривенка (около 204 г) делилась на 48 золотников, а золотник на 25 почек (приблизительно 0,17 г).

Представления о древнем серебряном рубле и о его половине - полтине - сложились у русских историков и нумизматов XVIII в. исключительно на основании памятников письменности. Самый древний рубль, какой они знали, был круглой монетой царя Алексея Михайловича 1654 г. Поэтому настоящей сенсацией стало появление в 70-х гг. XVIII в. первого - и в течение многих десятилетий единственного - «рубля» у А. И. Мусина-Пушкина, который передал его Академии наук. Увидеть и подержать эту редкость в руках было счастьем для коллекционеров, и даже Екатерина II пожелала взглянуть на нее.

Это был продолговатый кусок литого серебра с выбитыми на нем клеймами, гладко обрубленный только с одного конца; другой оставался таким, каким вышел из литейной формы. Легко представить себе, какое давление оказывала на осмысление этой формы этимология давно знакомого слова «рубль». Было «совершенно очевидно», что это и есть рубль, и что рубли попросту отсекали от литого серебряного прута, а данный экземпляр лишь случайно был концевым, почему и имел только один рубленный край.

Рис. 46. Клейменные половины новгородских рублей - полтины.

Точно так же подошли и к решению вопроса о предполагаемой форме полтины; исходя из «полоти» - половины туши животного, которая рассекалась на двое *по длине*, решили, что для получения полтин подобный «рубль» рассекался по длине на две «полоти». Было достаточно времени, чтобы эти предположения превратились в полную уверенность, так как до 20-х гг. XIX в. новые находки не появлялись; зато после того они посыпались как из рога изобилия, и теперь уже по-настоящему стало очевидным, что все «рубли» представляют собою только половинки вдвое больших литых брусков - последних в кладах было не меньше, чем «рублей». В целых слитках правильно угадали новгородские гривны; это название и закрепилось за ними (тогда же появились и гривны особой формы - «киевские»), но рассеченных по длине «полтин» так и не нашлось... Еще тогда кое у кого мелькала догадка: уж не полтины ли рубленные слитки? Но этимология продолжала давить на сознание, да и наличие двух терминов - гривна и рубль - очень долго оказывало свое воздействие, даже после того, как стали известны подкрепляющие друг друга памятники письменности, которые непреложно доказывали, что новгородская гривна (т.е. целый слиток весом около 200 г.) и стала к середине XIII в. называться рублем. Отсюда следовало, что рубленные слитки - не «рубли», а полтины. Равенство слитка рублю засвидетельствовано новгородскими документами.

Литье слитков из поступавшего с Запада серебра в Новгороде имело организованный характер. Оно давало определенный доход в виде пошлины; производили его облеченные доверием города ливцы, отвечавшие за соблюдение законных веса и качества слитков. В виде рублей серебро уходило из Новгорода дальше на восток - в русские княжества. Новгород стал для всей Руси посредником в поставке западного серебра.

Рядом с рублем возникают произвольные и зависимые от него понятия полтина и четверть, соответствовавшие половине и четверти ценности рубля. Как реальную платежную единицу Новгород знал полтину; она упоминается летописями. Разрубленный зубилом на две равные части, рубль давал две полтины. Четверть оставалась счетным понятием. Наиболее широкие размеры рубка слитков приняла в позднейший период их существования, вероятно уже в XV в.

Замечательной особенностью наиболее поздних рубленных полтин является присутствие на многих из них одного или нескольких различных клейм, причем некоторые из них соответствуют даже изображениям на русских монетах, чеканка которых возобновилась во второй половине XIV в. Маленькое клеймо определенного вида часто «закрывает» обруб, защищая его от злоумышленного срезывания части серебра. Повторное же клеймение полтин, по-видимому, удостоверяло правильность деления целого слитка пополам, а судя по разнообразию таких клейм, они в большинстве своем выбивались разновременно и уже вне Новгорода, во множестве мест.

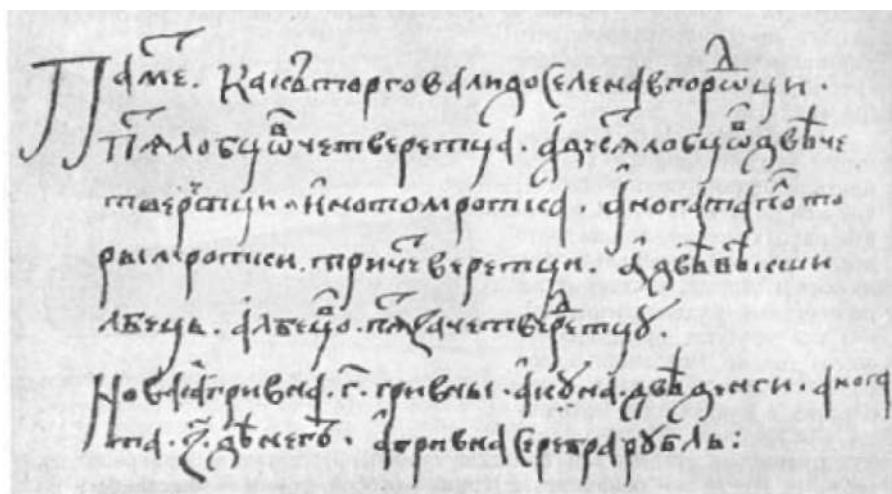

Рис. 47. Приписка в богослужбной книге (Минее) 1494 г. «Память как торговали доселе новгородци» с упоминанием равенства гривны серебра рублю. Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей, Сол., 587/518.

Насколько ясна история рубля новгородского, настолько же запутан вопрос о том, каков был рубль, упоминаемый в ранних памятниках письменности, составленных вне Новгорода и, в частности, в московских. Неопределенность этих упоминаний открывает широкое поле для разных догадок. В настоящее время наибольшее распространение получило представление, что рубленые слитки (т. е. новгородские полтины весом около 100 г) и были первыми московскими рублями. В основе этого мнения лежит все то же слишком прямолинейное и элементарное этимологическое толкование слова «рубль» (от глагола «рубить»), с одной стороны, и хорошо известные различия между рублями новгородским и московским в позднейшее время, когда рубль стал уже только мерой того или иного числа монет и его ценностное выражение целиком управлялось весом самих монет.

Учитывая главенствующую роль Новгорода в снабжении всех княжеств центральной Руси серебром в виде рублей в XIV в., очень трудно объяснить такое странное раздвоение одного понятия, связанного не только с конкретными предметами, но еще и с общепринятой весовой единицей. Гораздо более вероятным представляется, что до конца XIV в. рубль был единым для всей Руси понятием, а возникновение различных местных рублей - явление более позднее и целиком зависящее от местных особенностей чеканки и метрологии.

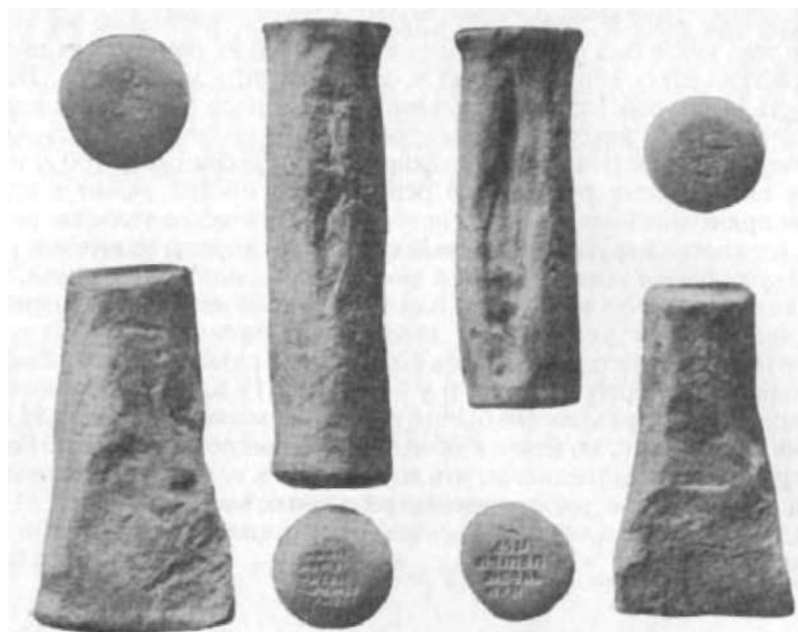

Рис. 48. Денежные штемпели для ручной чеканки. Конец XVII в.

РУССКИЕ МОНЕТЫ XIV-XV вв. И НОВЫЙ ДЕНЕЖНЫЙ СЧЕТ

Денга [1] . Во второй половине XIV в. в связи с потребностями восстанавливавшегося товарного производства Руси и в явной связи с усилением освободительной борьбы против завоевателей снова началась в ряде русских княжеств чеканка своей монеты - различного вида серебряных денег на весовой основе рубля. Некоторые ученые, основываясь на восточном происхождении названия «денга» и игнорируя ее непосредственную и преемственную связь с рублем, считали, что новая русская монета была попросту заимствована от татар. При этом никак не удавалось объяснить, почему же вес первых русских серебряных денег нескольких княжеств не имеет ничего общего с весом татарской « денги » (дирхема) того времени.

Денга, название которой породило вскоре после своего появления и собирательное русское понятие «деньги», долго была основным, а для некоторых центров и единственным номиналом. В некоторых княжествах довольно робко вводился и половинный номинал - полуденга, а в Пскове и Новгороде ему предпочли «четверетцу», соответствовавшую $1/4$ веса денги .

Центры монетного производства . Более или менее одновременно началась чеканка монеты в княжествах центральной и восточной Руси - сперва, как считают, в Московском, за ним в Суздальско-Нижегородском и Рязанском, а после 1400 г. - в Тверском княжестве.

С конца XIV в. и в первой половине XV в. производится чеканка «своей» монеты уже и многими младшими князьями, державшие уделы под рукой своего великого князя. В большей или меньшей мере это имело место во всех великих княжествах; по внешнему виду монет легко заключить, что в ряде случаев чеканку производил один и тот же денежник великого князя.

Для начального периода чеканки правильнее говорить как о центрах монетного производства о выпускавших свою монету княжествах, а не о денежных (монетных) дворах.

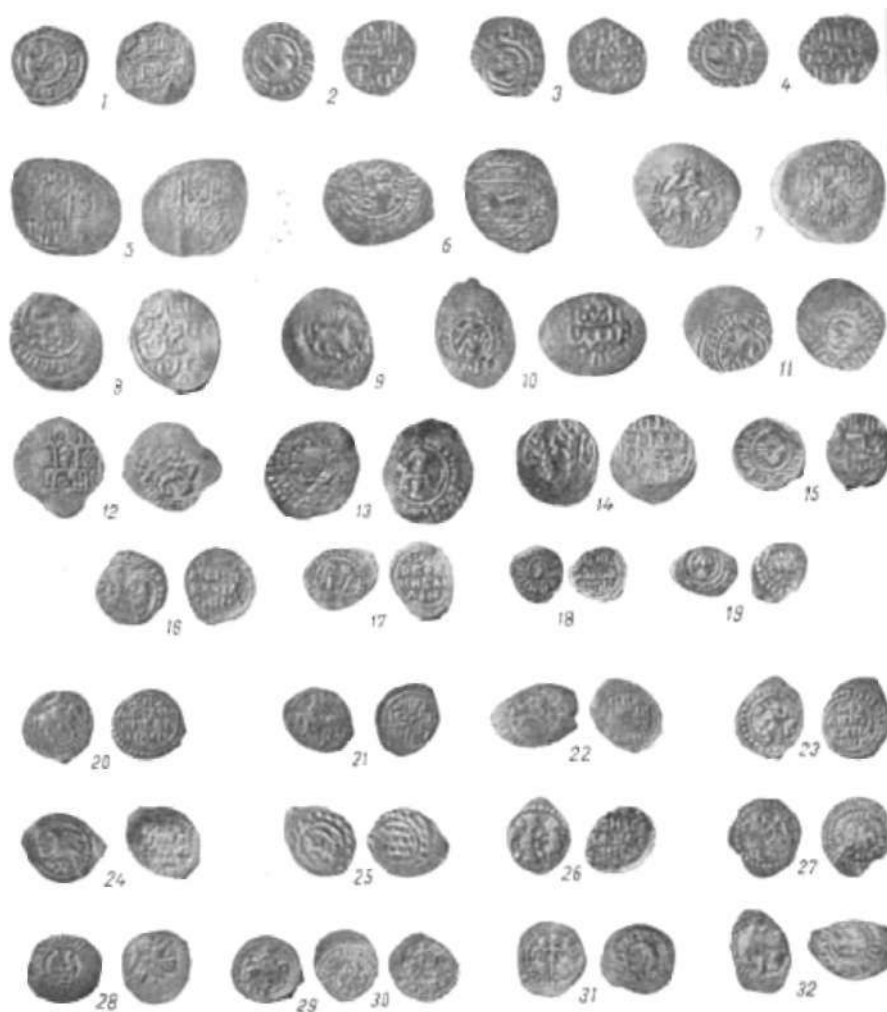

Рис. 49. Великое княжество Московское 1-4 - Дмитрий Иванович Донской (до 1389 г.). 5 - 19 - Василий Дмитриевич (1389 - 1425) 20 - 32 Василий Васильевич Темный (1425 - 1462), монеты до 1446 г.

Монетная чеканка начиналась в мастерских ремесленников - серебряников, работавших не столько по заказу, сколько по разрешению князей, так как забота о производстве и постоянном возобновлении запаса монеты в обращении предоставлялась тем, кто в ней нуждался, имея при этом в своем распоряжении сырье - серебро, т. е. в основном торговым людям. Великий князь имел собственного серебряника-денежника, или даже нескольких ремесленников, откупавших у князя право чеканить монету, т.е. принимать заказы на ее изготовление. Такой денежник со своим несложным набором инструментов мог время от времени приглашаться тем или другим удельным князем для проведения денежного передела, если в резиденции этого князя не было местного серебряника-откупщика. Постоянные денежные дворы, полностью контролируемые государством, возникают позднее.

Великое княжество Московское. Чеканку монеты в Москве начал в 1360-х или 1370-х гг. великий князь Дмитрий Иванович. Серебряные денги, которые он чеканил, относятся к числу редких монет. В более широком масштабе производилась чеканка монет его сына Василия Дмитриевича (1389-1425). Между монетами обоих много общего во внешнем облике, но в метрологическом отношении они существенно различаются, так как при Василии Дмитриевиче вес монет и содержание серебра в московском счетном рубле заметно уменьшились.

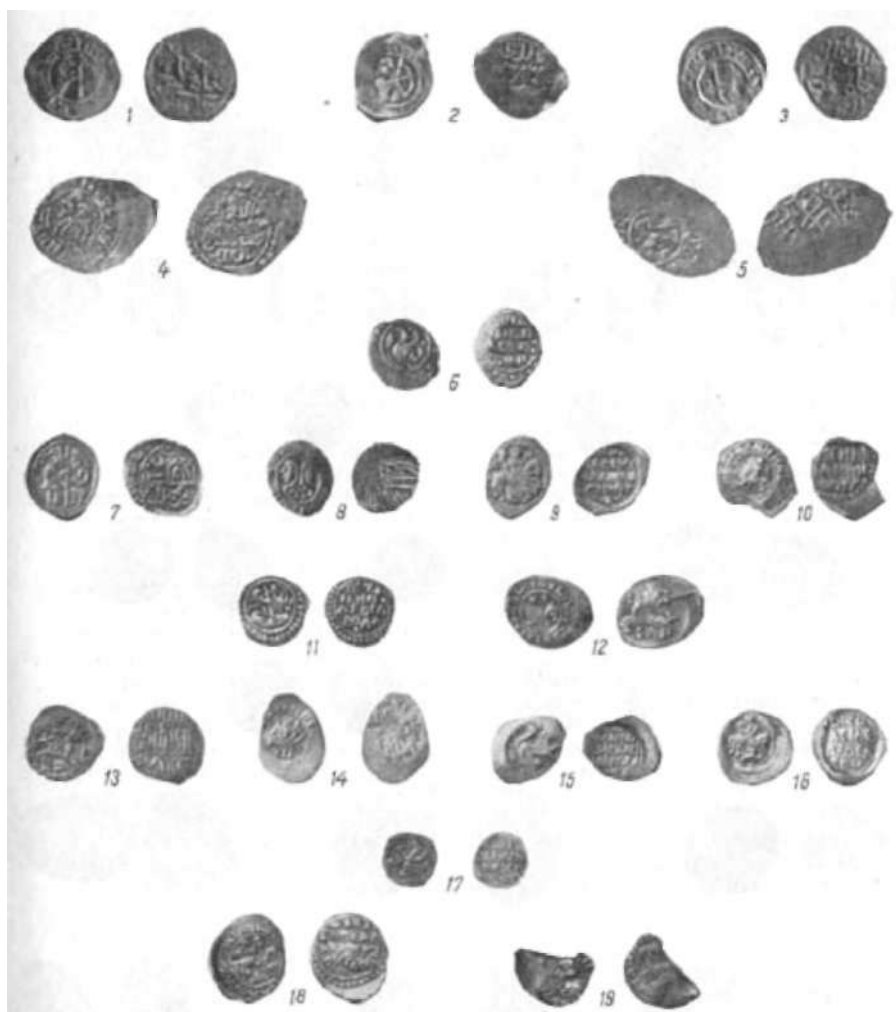

Рис. 50. Великое княжество Московское и Галичский удел. 1,2 - Юрий Дмитриевич, кн. галичский как великий князь (1433-1434). 3-6 - Дмитрий Юрьевич Шемяка как великий князь (1446-1448); титул «господарь земли Русской». 7-18 - Василий Темный после 1448 г. Галич. 19-22 - Юрий Дмитриевич (1389-1434). 23, 24 - Дмитрий Шемяка (1434-1453).

Нумизматическое наследие внука Дмитрия Донского - Василия Васильевича Темного огромно, а разнообразие монетных типов и весовых норм просто поражает. Первое, по-видимому, связывается с самой формой организации монетного производства - монетным откупом, т. е. сдачей права принимать заказы на чеканку государственной монеты из серебра заказчиков, быть может, нескольким откупщикам одновременно, за что обязывались платить великому князю обусловленную договором годовую плату. Заметные отличия выпускавшихся монет обеспечивали возможность контроля со стороны государства.

[1] С конца XVIII в. слово денга стали писать деньга. До этого надпись «деньга» иногда помещалась только на псковских монетах XV — начала XVI в .

На годы правления Василия Темного (1425-1462) падает прекращение чеканки в ряде московских удельных княжеств, которые перешли в собственность московского великого князя. Суздальско-Нижегородское великое княжество и зависевшее от московских князей небольшое Ярославское княжество постигла та же участь. Тогда же фактически лишилось самостоятельности великое княжество Рязанское и половина небольшого Ростовского княжества была куплена Василием Темным, а чеканка в Новгороде стала производиться под контролем Московского княжества, хотя и с сохранением местной метрологии. Ко времени Василия Темного, по-видимому, относится начало чеканки медной «городской» монеты - «пулов» в Москве и некоторых других городах.

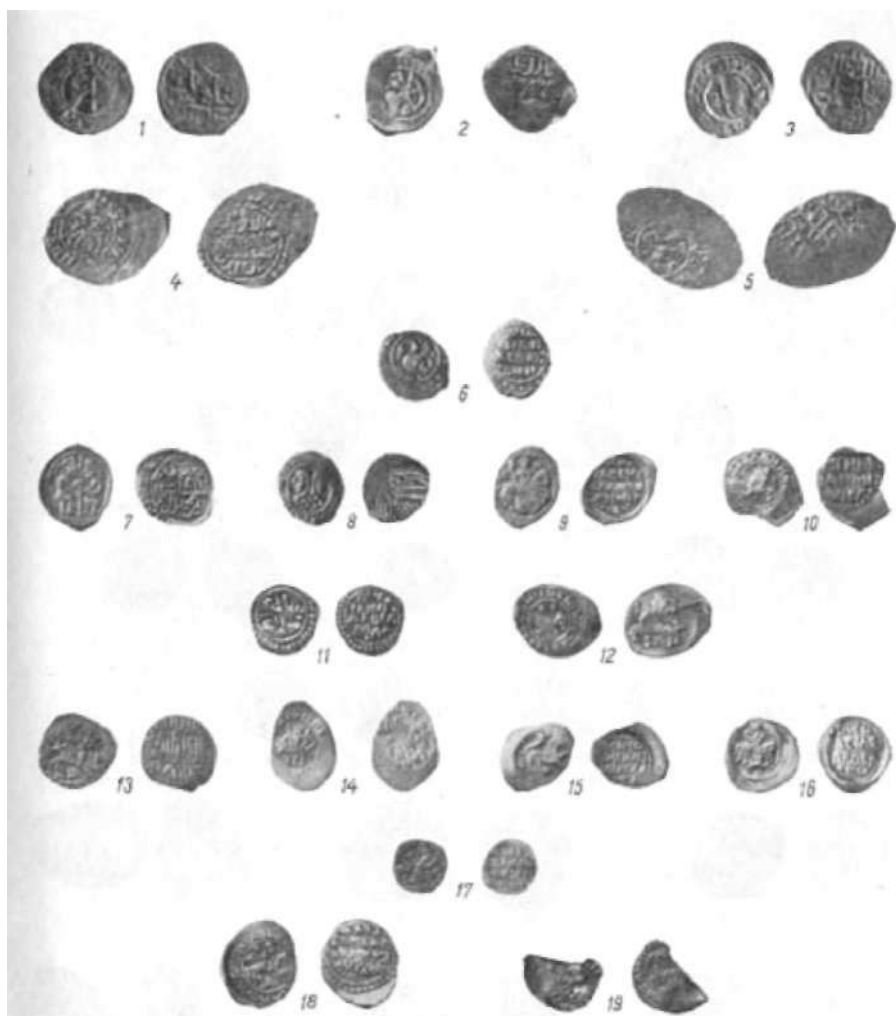

Рис. 51. Московские уделы. Серпухов. 1-5 - Владимир Андреевич Храбрый (до 1410 г.). 5 -Иван Владимирович (1410-1422). 7-10 - Семен Владимирович (с 1410г. князь боровский , 1422-1426 - серпуховский). Малоярославец 11, 12 - Ярослав Владимирович (1410-1426) - Серпухов. 13-17 - Василий Ярославич (1426-1456). Углич. 18 - Иван Владимирович (по 1422 г.). 19 - Константин Дмитриевич (20-30-е гг. XV в.).

Чеканка Василия Темного в Москве дважды прерывалась, сменяясь чеканкой враждовавших с ним галичских удельных князей, претендовавших на московский великокняжеский престол. В 1433-1434 гг., овладев Москвой, выпускал там монету как великий князь Юрий Дмитриевич Галичский, а в 1446-1448 гг. - сын его Дмитрий Юрьевич Шемяка (ослепивший Василия). Некоторые из монет московской чеканки обоих претендентов на великокняжеский престол в среде нумизматов долго носили весьма неудачное название «союзных» - по той причине, что они чеканились с частичным использованием штемпелей Василия и поэтому несут на себе два имени. Благодаря этой особенности, монеты претендентов позволяют относительно датировать некоторые типы монет Василия.

Чеканка великого князя Ивана Васильевича III (1462-1505) происходила в период окончательного крушения татаро-монгольского ига и продолжавшегося роста московских владений. Прекратилось существование великих княжеств Тверского и Рязанского, была прикуплена Московским князем оставшаяся часть княжества Ростовского; денежный двор лишившегося самостоятельности Новгорода начал чеканить монету великого князя. Монеты Ивана III по началу сохраняли внешнее сходство с монетами его отца, но в них постепенно намечается более ограничительный подход к выбору сюжетов; в частности, все большее предпочтение отдается «московскому гербу» - изображению всадника. По-видимому, в это время в Москве происходило превращение мастерской откупщика в более или менее постоянный денежный двор великого князя.

Некоторая пестрота типов монет может быть отчасти связана и с сохранением монетного откупа в Твери. Монеты новгородской чеканки отличаются наибольшим постоянством типа.

С 1505 по 1533 г. чеканились монеты великого князя Василия Ивановича, отца Ивана Грозного. В его правление лишился самостоятельности и Псков, денежный двор которого тоже стал периферийным монетным двором Московского государства. Многие денги Василия и часть монет Ивана III чеканились без обозначения имени великого князя. На них имеется только титул «государь всея Руси». Принадлежность их устанавливается по составу кладов и данным метрологии.

Московские уделы. В великом княжестве Московском собственная чеканка удельных князей была наиболее обильной и разнообразной.

В г. Галиче чеканку производили оба упомянутые выше князя - Юрий Дмитриевич (1389-1434) и Дмитрий Шемяка, который лишился своего княжения в 1450 г. Весьма вероятно, что чеканка Юрия началась еще в г. Звенигороде и только позже была перенесена в Галич.

В г. Серпухове по 1410 г. чеканил свою монету князь Владимир Андреевич Храбрый, один из главных участников разгрома татар в 1380 г. Его чеканка началась, по-видимому, еще в годы правления Дмитрия. После смерти Владимира Серпуховское княжество разделилось на пять малых уделов, доставшихся его сыновьям. Серпухов отошел к старшему - Ивану Владимировичу (по 1422), продолжившему чеканку. Ему наследовал Семен Владимирович, получивший в 1410 г. г. Боровск, который, таким образом, вернулся в состав Серпуховского княжества.

Судя по большой редкости монет Ивана Владимировича и обилию и разнообразию монет Семена Владимировича, который был серпуховским князем только четыре года (по 1426), наиболее вероятно, что последний начал свою чеканку как князь боровский и лишь продолжил ее в Серпухове. На части монет кроме его имени находится также имя великого князя Василия Темного, что довольно точно датирует их. Как и в других подобных случаях, это может быть объяснено двояко: либо контролем со стороны великого князя, либо попросту тем обстоятельством, что заказ на чеканку монеты передавался денежнику великого князя и при чеканке использовался один московский штампель.

Получивший в 1410 г. г. Малоярославец князь Ярослав Владимирович (по 1426) только как малоярославецкий князь мог выпускать свои монеты, которые дошли до нас в небольшом числе. Его сын - князь Василий Ярославич в 1426 г. объединил в своих руках все Серпуховское княжество и монетную чеканку, довольно обильную. В 1456 г. княжество прекратило свое существование и стало владением великого князя.

В г. Угличе имели свою монету два князя - Иван Владимирович (по 1422) и Константин Дмитриевич (умер в 30-х гг. XV в.). Монеты обоих очень редки.

В г. Можайске начал чеканку князь Андрей Дмитриевич (1389-1432). Среди его монет также имеются разновидности с именем великого князя Василия Темного. После смерти князя Андрея удел разделился на два - в г. Верее стал выпускать свою монету князь Михаил Андреевич, после смерти которого (1485) удел достался великому князю. Чеканка Михаила, вероятно, производилась как в княжение Василия Темного, так и Ивана III.

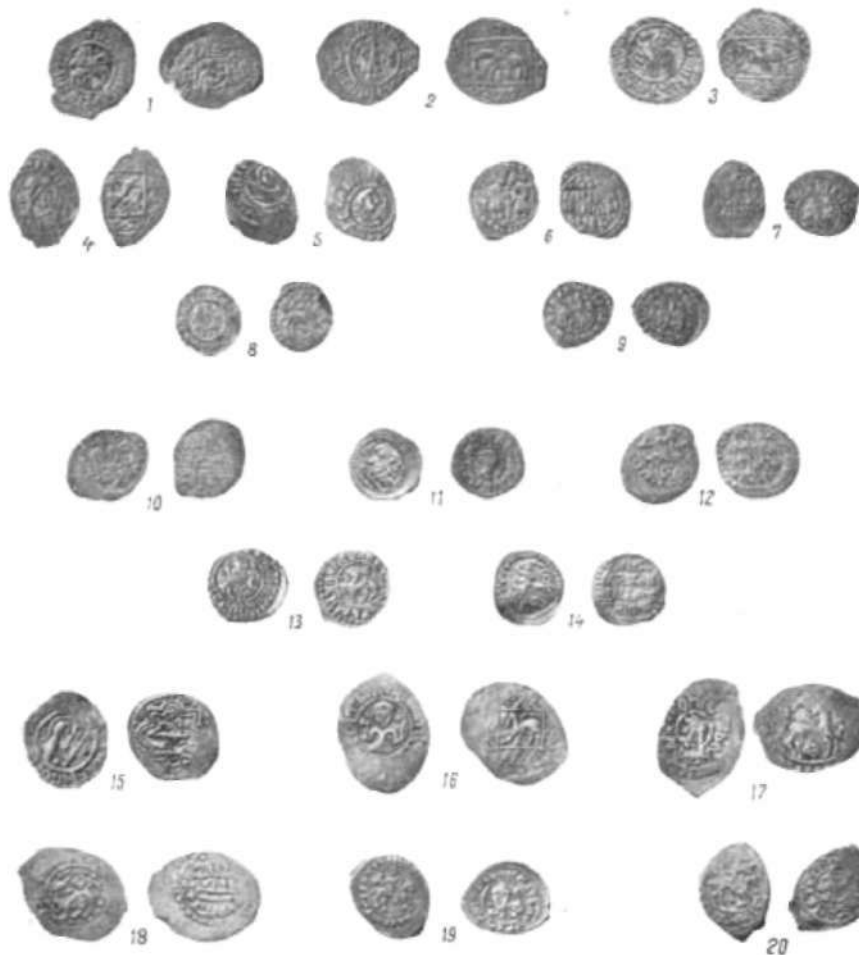

Рис. 52. Московские уделы. Можайск. 1-7 - Андрей Дмитриевич (1389-1432). 8, 9 - Иван Андреевич (1432-1454). Верея. 10-14 - Михаил Андреевич (1432-1485). Дмитров. 15-20 - Петр Дмитриевич (до 1428 г.).

В Можайске продолжил чеканку князь Иван Андреевич. В 1454 г. княжество Можайское прекратило существование. Вероятно, незадолго до этого на монетах Ивана Андреевича также появляется второе имя - великого князя московского.

В г. Дмитрове с 1389 по 1428 г. выпускал местные монеты только один князь - Петр Дмитриевич. Присутствие на части его монет имени великого князя Василия (Темного) датирует их в пределах трех лет.

Есть основание считать, что в правление великого князя Василия Дмитриевича (сына Дмитрия Донского) особая монета с именем великого князя чеканилась в г. Коломне или, во всяком случае, для этого города. Подобная чеканка великих князей в принадлежащих им младших городах княжеств, как мы увидим далее, наиболее характерна для великого княжества Тверского.

Великое княжество Суздальско-Нижегородское. Наименее конкретны хронологические представления о князьях, чеканивших монету в великом княжестве Суздальско-Нижегородском, а само приурочение многих монет, пожалуй, наиболее спорно. В главном городе княжества - Нижнем Новгороде начал чеканку великий князь Дмитрий Константинович (1365-1383). Судя по количеству дошедших до нас разновидностей монет с его именем, его чеканка началась довольно рано.

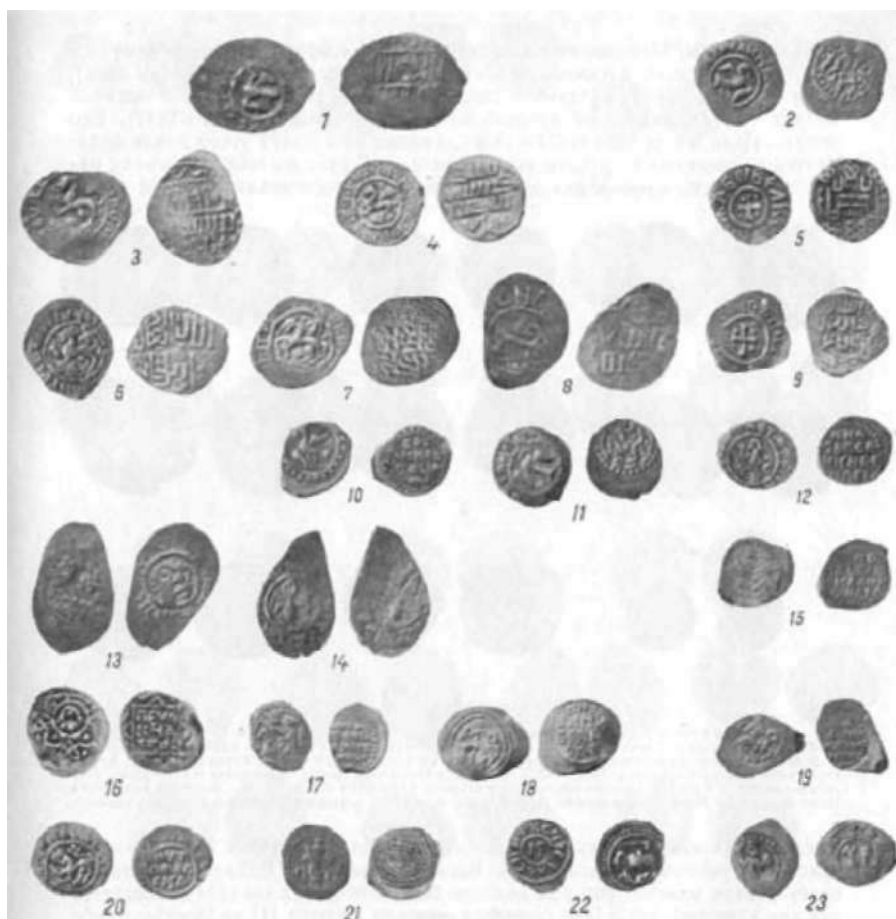

Рис. 53. Великое княжество Суздальско-Нижегородское. 1, 2 - Дмитрий Константинович, вел. князь (до 1383 г.). 3-5 - Борис Константинович (до 1383 г.) князь Городецкий, в 1383-1387 и 1391-1392 - вел. князь. 6-9 - Василий Дмитриевич Кирдяпа, 1377-1387 - князь суздальский, 1387 - городенский, 1387-1391 - вел. князь. 10-12 - «князь великий Василий» (суздальско-нижегородские монеты, обычно относимые ко времени Василия Темного). 13-15 - Даниил Борисович, до середины 2-го десятилетия XV в. князь суздальский, позже - вел. князь. 16-18 - князь Иван Борисович. 19 - князь Александр Иванович Брюхатый (умер в 1418 г.). 20, 11 - князь Иван Васильевич Горбатый, суздальский и Городецкий, (40-е гг. XV в.). 22, 23 - суздальские денги без имени князя. Все монеты с великокняжеским титулом - в правой колонке.

Наследовал Дмитрию его брат - Борис Константинович, который прежде был удельным князем в г. Городец и чеканил там свою монету. Княжение его в Нижнем Новгороде неоднократно прерывалось: около 1387 г. его устранил с великокняжеского престола племянник, князь Василий Дмитриевич Кирдяпа, который до того выпускал свою монету в г. Суздале. Едва Борис вернул себе великое княжение, как в 1392 г. Нижним Новгородом завладел на время великий князь московский Василий Дмитриевич. Возможно, что часть монетных типов последнего, обычно относимых к московской чеканке, выпускалась в его новом владении.

Как великий князь выпускал монету после 1414 г. Даниил Борисович, начавший свою чеканку тоже в Суздале. (Монеты удельных князей, переходивших на великокняжеский престол, различаются по титулам «князь» и «великий князь»). Известны также монеты князя Ивана Борисовича, имевшего прозвище Тугой лук, и довольно многочисленные монеты устойчивого типа его сына князя Александра Ивановича Брюхатого, умершего в 1418 г. Несмотря на княжеский титул, стоящий на его монетах, выпуск их может быть отнесен к Нижнему Новгороду. Наиболее поздние монеты самостоятельной суздальско-нижегородской чеканки - денги 40-х гг. князя Ивана Васильевича Горбатого. Довольно многочисленны анонимные суздальские монеты (с обозначением места чеканки).

Считается, что после присоединения великого княжества к московским владениям в 1451 г. в течение некоторого времени продолжалась чеканка монеты в Нижнем Новгороде или в Суздале от имени великого князя московского Василия Темного.

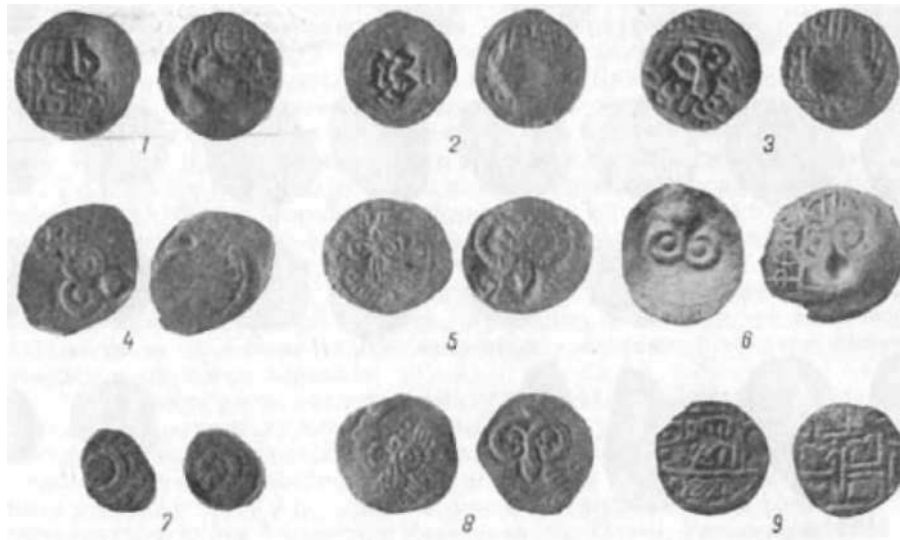

Рис. 54. Великое княжество Рязанское. 1,2 - татарские монеты с надчеканкой славянской буквы. 3 - татарская монета с надчеканкой рязанской княжеской тамги. Время вел. князя Олега Ивановича (80-е гг. XIV в.). 4 - надчеканка на московской денге Василия Дмитриевича. 5 - денга с надписью вокруг тамги «печать князя великого». Время вел. князя Федора Ольговича (1402-1427). 6 - денга вел. князя Ивана Федоровича (1427- 1456). 7 - рязанская денга Василия Темного после присоединения княжества к Москве. 8 - удельное княжество Пронское, князь Иван Владимирович (1408-1430). 9 - денга с надписью «спаская» (справа налево).

Однако суздальские монеты с надписью «князь великий Василий», пожалуй, слишком уж архаичны для середины и второй половины XV в. Они могли быть выпущены даже Василием Дмитриевичем после 1392 г., если не Василием Кирдяпой - как великим князем. Для него было бы наиболее естественным повторить с такой точностью на своих великокняжеских монетах эмблему, находившуюся на монетах его отца (птица).

Великое княжество Рязанское. В стольном городе Рязанского княжества Переяславле (который позже стал называться Рязанью) в 1380-х гг. начал контрамаркирование татарской монеты сперва буквенными пунсонами, а затем особой тамгой - великий князь Олег Иванович (по 1402). Таковую же надчеканку рязанской тамгой татарских монет и изготавливавшихся на месте подражаний им продолжал Федор Ольгович (1402-1427). Его сменил Иван Федорович (1427- 1456). Только на монетах этого князя появляется написанное по-русски имя правителя. С 1456 по 1462 г. чеканку рязанской монеты производил, судя по ее типу, московский великий князь Василий Темный, в руках и под опекой которого находился наследник рязанского престола великий князь Василий Иванович. Однако существуют очень редкие монеты, которые должны быть отнесены к чеканке последнего, так как известно, что в 1464 г. он был отпущен Иваном III из Москвы к себе в Рязань.

Рязанские монеты показывают наиболее непосредственную связь с татарским денежным делом. Серебряные джучидские монеты и русские подражания им известны с начеканкой различных славянских букв и рязанской тамги; они образуют раннюю группу монет княжества Рязанского, которое и в дальнейшем, перейдя к самостоятельному типу монет, сохраняло для них в течение некоторого времени вес татарского дирхема.

Примечательной особенностью рязанского денежного дела, за которой стоит, по-видимому, расчет на максимальный доход, является то, что и после установления самостоятельного русского типа рязанской монеты, сохранялось дополнительное клеймение ее тамгой. Если бы последнее не давало дохода, тамгу проще было бы вырезать на одном из штемпелей.

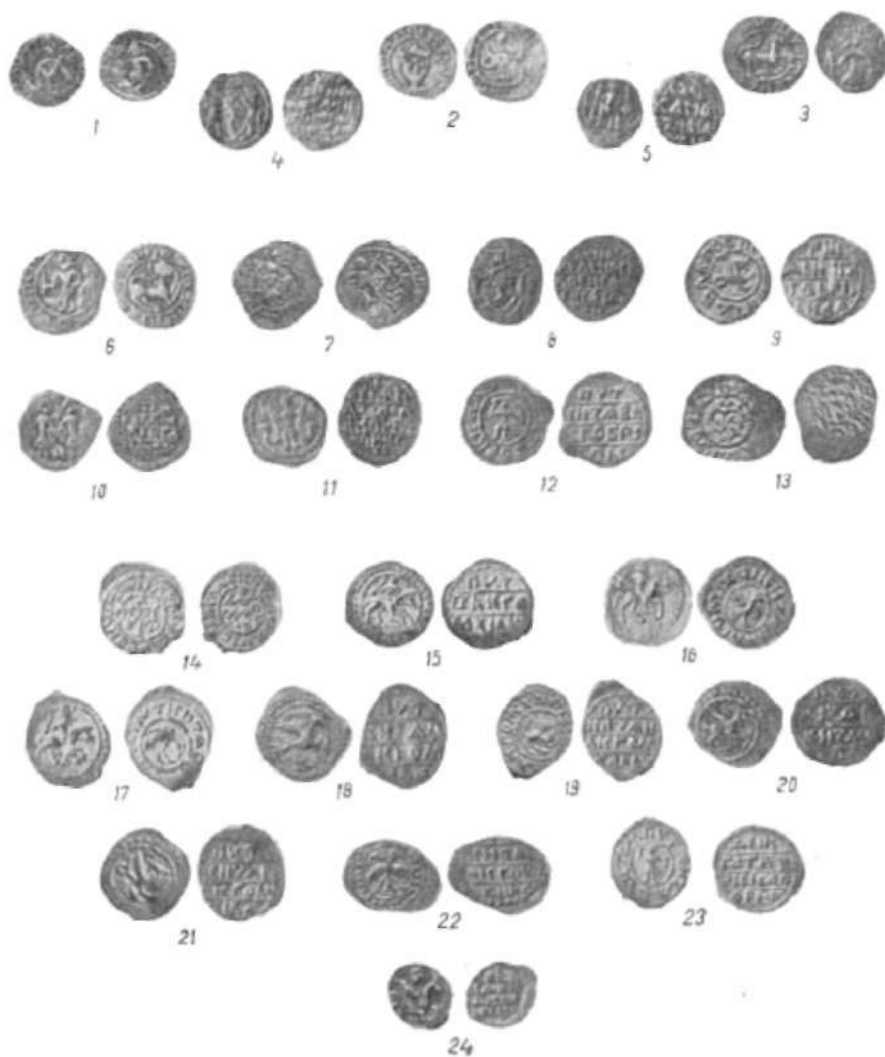

Рис. 55. Великое княжество Тверское. 1-5 - Иван Михайлович (до 1425 г.), № 5 - «сторожа на безумна человека». 6-13 - Борис Александрович (1425-1461). 14-23 - Михаил Борисович (1461-1486), № 23 с именем денежника Орефия в конце надписи. 24 - Ивав Иванович (1486-1490).

Сохранились редкие монеты, чеканенные, как предполагают, удельным князем Иваном Владимировичем (умер около 1430) в г. Пронске. К кругу рязанской чеканки предположительно и без достаточной аргументации относят очень редкие монеты, на которых читается слово «спаская». На них нет ни имени, ни титула выпустившего их князя, и только вес позволяет относить их к раннему периоду чеканки.

Чеканка монеты в Рязанском княжестве прекратилась, вероятно, в 60-е гг. XV в., задолго до окончательного присоединения его к московским владениям в 1520 г.

Великое княжество Тверское. Выше отмечено, что особенностью монетной чеканки в великом княжестве Тверском было то, что некоторые великие князья, одновременно с чеканкой монеты в Твери, от своего имени чеканили и монету принадлежавших им удельных княжеств. Чеканка тверских монет начата после 1400 г. великим князем Иваном Михайловичем (по 1425). Он же начинает чеканку городенских монет (г. Городен, как предполагают, теперь Старица), передав ее затем сыну Александру Ивановичу. Великий князь Борис Александрович чеканил тверские монеты с 1425 по 1461 г. и взял в свои руки и городенскую чеканку. Его преемник Михаил Борисович в 1486 г. бежал из княжества, перешедшего к московской династии.

Рис. 56. Тверские уделы. Городен . 1 - вел . князь Иван Михайлович, 2 - князь Александр Иванович (до 1425 г.). 3, 4 - вел. князь Борис Александрович (1425-1161). Кашин. 5 - 7 - князь Василий Михайлович (до 1426 г.). 8,9 - князь Иван Борисович (около 1412 г.). Микулин. 10 - князь Федор Михайлович, 11, 12 – князь Федор Федорович. Дорогобуж . 13, 14 - князь Андрей Дмитриевич (1407 - 1437).

Тверские уделы. Кроме Городенского княжества имели собственную монету другие тверские удельные княжества. В г. Кашине до 1426 г. чеканка принадлежала князю Василию Михайловичу. У сменившего его князя Ивана Борисовича ее отобрал великий князь Борис Александрович. В г. Микулине чеканили монету князя Федор Михайлович (по 1430) и Федор Федорович. Характерный для тверских тип монет с именем князя Андрея послужил основанием для отнесения их к чеканке Дорогобужа (Тверского) при князе Андрее Дмитриевиче (1407-1437).

После присоединения Твери к Московскому княжеству чеканка монеты была продолжена там от имени великого князя Ивана Ивановича (1486-1490) - сына и соправителя великого князя Ивана III, а после него - от имени великого князя Василия Ивановича. Окончательное прекращение монетной чеканки в Твери, о денежном дворе которой сведений вообще не имеется, произошло около 1534 г.

Княжества Ярославское и Ростовское. В середине XV столетия прекратили чеканку монеты вместе с полусамостоятельным существованием два маленьких княжества - Ярославское и Ростовское, находившиеся в зависимости от московских великих князей.

До недавнего времени были известны ярославские монеты двух князей - Федора Васильевича и его сына Александра Федоровича, в правление которого Ярославское княжество в 1463 г. отошло к Москве. Для установления даты начала чеканки данных не существовало. Согласно последним исследованиям, монетную чеканку в Ярославле начал после 1400 г. старший брат Федора - Иван Васильевич. Он умер в 1426 г. Хотя прямых сведений о его княжении в Ярославле не сохранилось, стилистический анализ позволяет отнести именно к его чеканке несколько типов монет, ранее приписывавшихся другим князьям, или вовсе не имевших определения.

Упомянувшееся выше княжество Ростовское, которое было по частям приобретено московскими князьями путем покупки, интересно в том отношении, что г. Ростов делился рекой на две «стороны» и постоянно управлялся двумя князьями. Они чеканили монету совместно, помещая на ней оба имени. Сретенская сторона была куплена Василием Темным, а в 1474 г. Иван III прикупил и Борисоглебскую.

Рис. 57. Княжество Ярославское. 1 - князь Иван Васильевич (до 1426 г.). 2-5 - князь Федор Васильевич (после 1426 г.). 6-8 - князь Александр Федорович (до 1463 г.), № 8 - с именем московского вел. князя Василия Темного.

Рис. 58. Княжество Ростовское. Князь Андрей Федорович (до 1409 г.) с князьями: 1 - Александром Константиновичем (до 1404 г.), 2 - Андреем Александровичем, 3 - Константином Владимировичем. 4 - князья Иван Андреевич и Дмитрий Иванович. 5 - неясные надписи.

На ростовских монетах имя «сретенского» князя Андрея Федоровича (по 1409) сочетается с именами трех «борисоглебских» князей: Александра Константиновича (по 1404), Андрея Александровича и Константина Владимировича. Имя названного князя Андрея Александровича, владевшего Борисоглебской стороной, сочетается с именем Федора Андреевича. Имеется еще пара имен - Ивана Андреевича и Дмитрия Ивановича. Возможно, что некоторые недостаточно четкие ростовские монеты чеканены от имени одного князя Борисоглебской стороны после продажи Сретенской.

Города Новгород и Псков. Несколько позже других, в 20-х гг. XV в., начали чеканку Новгород и Псков, через которые с запада шло на Русь серебро. Известны монеты зависевшего от Новгорода Нового Торга (Торжка). Чеканка в Новгороде началась в 1420 г. и имела вполне самостоятельный характер по 1456 г. Далее, по 1473 г., она производилась под контролем московских князей с соответственным изменением типа монеты, которое, впрочем, было, как кажется, очень недолговременным, а в 1478 г. Новгородский денежный двор стал периферийным монетным двором Московского государства и закончил существование в 1663 г., как и Псковский. На последнем самостоятельная чеканка производилась дольше, чем в Новгороде, - с 1425 по 1510 г.

Присоединение Пскова к Московскому государству в 1510 г. завершило объединение русских земель вокруг Москвы и централизацию монетного хозяйства государства.

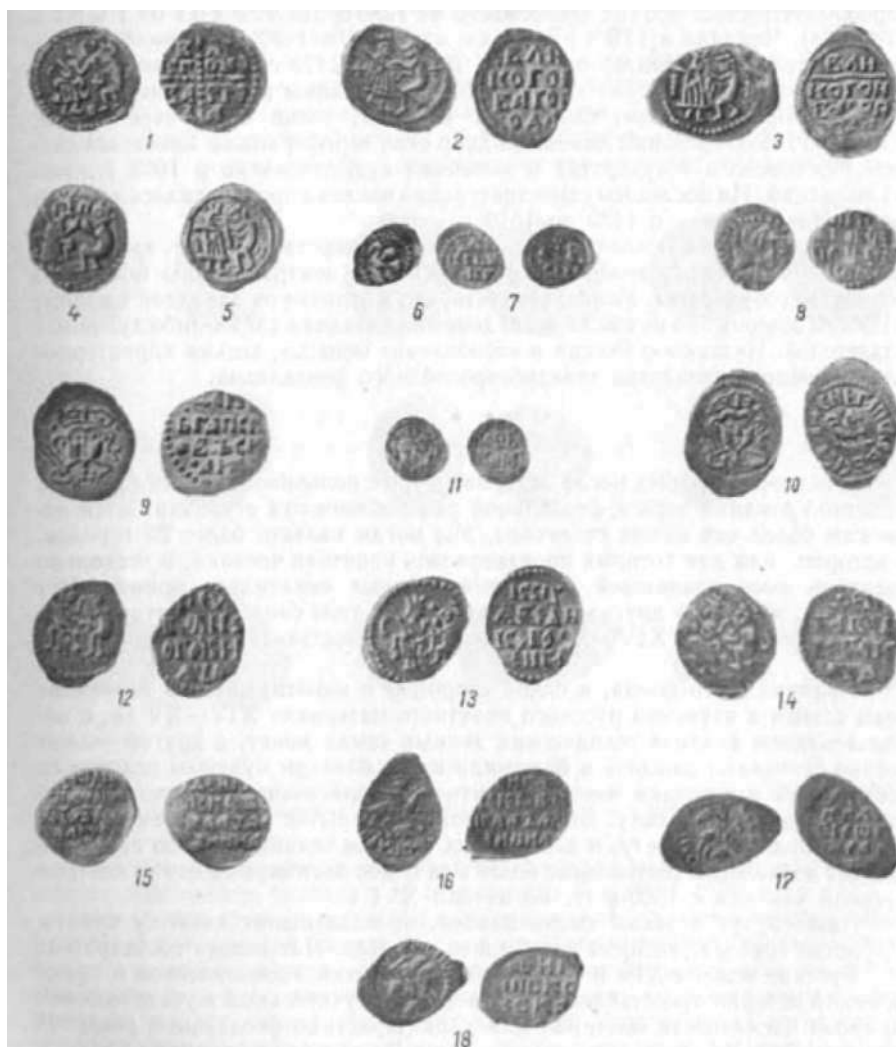

Рис. 59. Новгород и Псков. Период самостоятельности. 1-5 новгородские денги . 6, 7 - четвертцы (V денги) . 8 - денга новоторжская . 9, 10 - псковские денги . 11 - четвертца . После подчинения Москве. 12-14 – новгородские денги после 1456 г. 15, 16 - псковские денги (после 1510 г.), в надписи - имя денежника Замани. Василий Иванович на одной из них назван царем. 17, 18 - псковские денги перед 1533 г.

Можно заметить, что в отличие от Западной Европы, в России совершенно не имела места денежная чеканка каких-либо духовных владетелей. Незнакомо России и «обновление монеты», весьма характерное для денежного хозяйства западноевропейского феодализма.

* * *

Для возродившейся после перерыва в три с половиной столетия русской монетной чеканки период феодальной раздробленности ограничивается немногим более чем одним столетием. Мы могли назвать более 25 городов, в которых или для которых производилась монетная чеканка, и несколько десятков имен правителей, от имени которых чеканились монеты. Нет сомнения, что тех и других было больше. Об этом свидетельствует значительный фонд монет XIV-XV вв., все еще не поддающихся точному определению.

Наличие этого фонда, с одной стороны, и наметившиеся в последние годы сдвиги в изучении русского монетного материала XIV-XV вв. с использованием анализа технических данных самих монет, с другой - дают веские основания ожидать в более или менее близком будущем некоторых достижений и внесения многих поправок в обрисованную выше далекую от совершенства картину.

Рис. 60. Медные пулы. 1-2 - Тверь, 3 - Кашин (Тверской удел), 4 - Москва, 5 - Можайск (московский удел), 6 - Переяславль (Рязань), 7 - Ярославль, 8 - Псков, 9 - Новгород.

Вполне вероятно открытие новых имен князей, чеканивших свою монету, и даже новых центров чеканки, что со временем сделает возможным составление более или менее достоверной карты центров русской чеканки с 1360-х гг. по начало XVI в.

Ниже будут названы имена князей, производивших чеканку монеты в русских городах, которые находились в составе Литовского государства.

Русские монеты XIV и XV вв. как памятники экономической и политической истории представляют замечательно поучительный и убедительный по своей наглядности материал для характеристики феодальной раздробленности Руси и бурных княжеских усобиц. В московской чеканке не только падение веса денги, но и странные сочетания и смены монетных штемпелей отражают борьбу за великокняжеский стол галицких князей с Василием Темным. По мере присоединения соседних земель к Московскому княжеству имена московских князей сменяли имена прежних владельцев на местных монетах в тех случаях, когда монетное производство в присоединенных городах не прекращалось сразу.

Медные пулы. Кроме серебряной денги в ряде мест в XV в. началась чеканка разменных медных монет очень малой ценности - пулов (пуло или пул). В некоторых городах чеканились, по-видимому, только пулы, а своей серебряной монеты не было. Точных данных об отношении пула к денге не существует. Возможно, что оно не всюду было одинаково, а кроме того, не было постоянным и с течением времени изменялось. Сохранились позднейшие указания об отношениях 1 к 60, 1 к 72 и др.

Появление пулов в денежном обращении отвечало потребностям главным образом городской жизни. Как для монет ограниченного местного обращения для них характерно обязательное обозначение места чеканки, тогда как имя князя на них почти никогда не помещалось и поэтому точная датировка их затруднительна. На пулах чаще всего обозначалось и их название «пуло тверское», «пуло московское» и т. п., на денге же ее родовое название находится гораздо реже. Обильная чеканка пулов имела место только в крупных городах - Москве, Твери, Новгороде. Пулы удельных городов чаще относятся к числу редких и очень редких монет. Известен уникальный экземпляр пула г. Смоленска, строго говоря, относящийся к литовской нумизматике, но типологически самым тесным образом связанный с русской чеканкой.

Перешедшее в русский из татарского языка название «пуло» (пул) имеет сложную историю: во время одного из денежных кризисов в Римской империи порча серебряной монеты привела к такому обесценению ее, что в обращение пошли мешочки с монетами. Их название - фоллис (follis) перешло к византийской медной монете и, несколько видоизмененное (фулюс, фельс) попало в монетные системы Ближнего Востока и оттуда в джучидское монетное дело.

Внешний вид монет. На первых именных денгах Московского княжества стоит на одной стороне имя Дмитрия Донского, но на другой находится татарская надпись, занявшая довольно прочное место на ранних монетах многих выпусков как в Москве с ее уделами, так и в княжествах, расположенных восточнее ее. На более поздних по началу чеканки денгах Тверского княжества, а также Новгорода и Пскова, надписи с самого начала были русские.

Рис. 61. Монеты Ивана III с татарскими надписями.

Помещение татарских надписей (зачастую бессмысленных или даже нечитаемых) на ранних русских «двухязычных» монетах в прошлом часто рассматривали как прямой результат даннических отношений. В действительности же здесь сказалось прежде всего активное восстановление в новых условиях прочных связей Руси с рынками Ближнего Востока через Поволжье; восточная торговля определила и выбор самого названия «денга». Уже в начале XV в. вес татарской «денги», чеканившейся в торговых центрах Поволжья, приравнялся к установившемуся весу денги русской, а во второй половине XV в. русская монета вообще занимала господствующее положение на рынках Поволжья. Даже на некоторых монетах Ивана III, чеканившихся в то время, когда о каком бы то ни было вмешательстве в русское денежное дело и речи быть не могло, встречаются татарские надписи: «Это денга московская», «Ибан» (Иван). Но быстрое усиление роли денги как основного средства внутреннего обращения привело к установлению чисто русского оформления монет.

Потребовался большой труд ученых, чтобы разобраться в ранних русских удельных монетах XIV и начала XV в. Татарские надписи при их подражательном характере немного дают для точного определения монет, так как в качестве оригиналов для копирования брались любые татарские монеты без разбора и очень часто старые - с именем хана, уже принадлежавшим прошлому. Они могут лишь ставить одну, довольно расплывчатую границу во времени: монета выпущена после появления оригинальной. Основное, определяющее значение принадлежит надписям русским. Имена князей, их отчества (когда они указаны) и титулы - «великий князь» или только «князь» - позволили отнести большинство дошедших до нас монет XIV - начала XV в. к чеканке определенных лиц и, следовательно, к определенному времени, что особенно важно, так как даты выпуска на монетах не помещались. Однако до сих пор остается еще очень много неприуроченных типов русских монет XIV и XV вв.: находящиеся на них имена не удается надежно связать с историей, а на некоторых и вовсе нет имен - помещен только титул.

Большую определенность придает монетам обозначение места чеканки. Однако оно постоянно обозначалось только в Новгороде и Пскове на их однообразных и устойчивых по типу серебряных денгах, на денгах же княжеств указывалось далеко не всегда.

На немногих типах денег встречается имя денежника, которому князь (или город) поручали чеканку.

Рис. 62. Московские денги с именами денежников. 1,2 - Орнистотель (денежный откуп Аристотеля Фиоравенти), 3,4 - мастер Александро .

Тип русской надписи на денгах постепенно менялся. Сначала часто встречалась надпись: «печать князя такого-то. Далее слово «печать» отпадает, но кое-где надолго задерживается форма надписи, указывающая на принадлежность: «княжа...», «князя великого..», «Великого Новгорода» и т. п. «Притяжательный» характер имеют и надписи «денга московская» и подобные ей. Надпись подобного типа может сочетаться с обозначением титула и имени правителя уже в именительном падеже. Такая титулатурная надпись в конце концов получает преобладающий характер, занимая иногда обе стороны монеты; при этом следует заметить, что как на ранних, так и на поздних монетах наиболее обязательным остается именно титул правителя: «князь великий» или «князь», тогда как именем можно и поступиться - или частично (только отчеством), или даже полностью.

На московских денгах со времени борьбы Василия Темного с галицкими князьями за престол утвердилась имевшая глубокий политический смысл надпись-декларация «государь всея земли Русския» - по-видимому, в результате посягательств на этот титул претендентов. Позже великокняжеский титул несколько упростился - «государь (господарь) всея Руси» и сохранялся на монетах в таком виде до начала княжения Ивана IV. Следует заметить, что впервые он встречается на некоторых монетах Василия Дмитриевича, как бы предопределяя объединительную роль Московского великого княжества.

Чисто технические условия - крайне ограниченный размер монет и несоответствие между круглой формой штемпеля и произвольной формой пластинки - вели к лаконизму надписей и заставляли отдавать предпочтение строчной надписи, вовсе отказываясь от круговой.

Надписи некоторых монет до сих пор ставят в тупик; так, на многих монетах Василия Дмитриевича рядом с изображением воина находится вполне четкая, но совершенно непонятная надпись «Рарай». Много догадок, иногда очень забавных, было высказано, прежде чем удалось найти удовлетворительное чтение необычной предостерегающей надписи на одном типе ранних тверских монет: «сторожа (т. е. острастка) на безумна человека». С нею как бы перекликается или «перебранивается» такая же необычная надпись на московской монете Василия Темного: «оставите безумье и живи будете». Считается, что обе надписи адресованы фальшивомонетчикам; однако следует сказать, что фальшивых русских монет XIV-XV вв. мы фактически не знаем. Если бы деятельность фальшивомонетчиков имела сколько-нибудь значительное место, их изделия дошли бы до нас.

Довольно четкая тарабарская надпись находится на известном типе монет времени Ивана III или Василия Ивановича. Собиратели окрестили эти монеты «дозор».

Разумеется, и имена и даже обозначенное место чеканки не исчерпывают данных, к которым приходится прибегать, определяя трудные монеты; здесь на помощь приходят и метрологические исследования и учет всех особенностей техники изготовления монет, вплоть до поисков одинаковых оттисков одного и того же штемпеля на разных монетах, и, наконец, сравнительное изучение изображений, толкование их смысла, анализ их стиля и т. д.

В отличие от татарских монет, в оформлении которых основная роль принадлежит эпиграфике - надписям, на русских монетах сразу же появились разнообразные изображения. На монетах великих княжеств Московского, Тверского, Суздальско-Нижегородского они представляют поразительное богатство сюжетов; рязанские монеты всего беднее в этом отношении. Реже всего можно встретить на монетах XIV-XV вв. изображения религиозного содержания, тогда как круг сюжетов мифологических и бытовых очень богат. Наряду с изображением Китовраса (кентавра), Сирина, Самсона со львом, встречаются изображения всадников, всевозможных животных, сцены охоты с соколом, с собакой, с луком или рогатиной, изображения чеканщика монет за работой, дровосека и многие другие. Особенно поражают воображение некоторые тверские монеты: на них вполне отчетливо изображены какие-то двуногие существа с хвостами и рогами, вполне в духе народных представлений о чертях. Можно думать, что откуп иногда предоставлял значительную свободу денежникам в решении композиции монеты. По мере централизации монетного дела контроль над ним со стороны московских князей ограничивал круг допустимых сюжетов.

Стремление многих композиций к повествовательности, побуждавшее изображать сцены с двумя и более фигурами в полный рост, находилось в полном противоречии с реальными изобразительными возможностями; размер монет был слишком мал. Заметное развитие в раннем периоде получили изображения хищных животных; редкостью было чисто орнаментальное решение композиции. Совершенно не получила отражения на русских монетах архитектура.

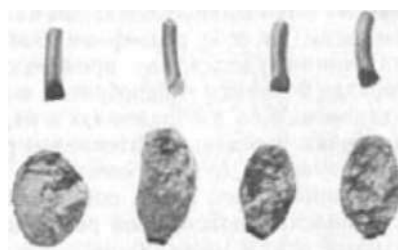

Рис. 63. Заготовка пластинок для чеканки денег (реконструкция). Обрезки проволоки до и после плющения.

Монеты Новгорода и Пскова представляют заметную особенность редкостной верностью однажды принятому типу изображения и его религиозной окрашенностью. На псковских денгах и четвертцах помещали портрет патрона Пскова - князя Довмонта с его мечом, на новгородских - вызывавшую много споров сцену, изображающую скорее всего поклонение Новгорода святой Софии, божеству главного новгородского храма - подобно тому, как на монетах другой республики, далекой заморской Венеции, веками изображался ее патрон - святой Марк, вручающий дожу эмблемы власти.

Техника чеканки . В XIV в. с возобновлением чеканки русских монет привилась своеобразная техника монетного производства, сохранившаяся неизменной до петровского времени. Вместо того, чтобы расковывать серебро в листы и вырубать кружки, как это было повсеместно принято в то время, его вытягивали в проволоку, которую делили на равные отрезки нужного веса. После их плющения в чеканку шли слегка овальные пластинки; этот способ избавлял от дополнительной переработки отходов, неизбежных при заготовке кружков, и обеспечивал сравнительно высокую выровненность веса монет.

Рис. 64. Тверские денга и пуло с изображением денежника.

До того, как будет основательно изучена техника монетных дворов Золотой Орды, говорить о самостоятельном возникновении на русской почве этой техники, по всей вероятности, преждевременно.

Некоторые тверские монеты XV в. сохранили изображение денежника. Он сидит у верстака, в котором укреплен нижний штемпель, и поднимает молот-ручник, чтобы ударить по верхнему штемпелю. Автор дошедшей до нас миниатюры XVI в. не имел правильного представления о монетном производстве и изобразил человека, который выбивает монеты прямо молотком на маленькой наковальне. Рассмотрение самих монет показывает, что они чеканились между несопряженными штемпелями - рука захватывала цилиндрический верхний штемпель как придется. От конца XVII в. сохранились и штемпели такого вида.

Каленые железные штемпели XIV-XV вв. были довольно стойкими и могли давать много оттисков на тонких серебряных пластинках, которые для придания серебру наибольшей пластичности после плющения «отжигались», т. е. подвергались нагреванию.

В XV в. вместо того, чтобы вырезать вручную каждый штемпель, углубленные изображения и надписи стали выбивать на разогретом железе многих штемпельных болванок каленым, особо прочным маточником, имевшим на себе рельефное изображение, как на монете. Употребление маточника удешевляло производство и давало возможность достигнуть гораздо большего единообразия монет. Сравнивая между собой совершенно одинаковые по изображению и надписи монеты XV в., можно заметить на их фонах переданные штемпелем ряды параллельных царапин, причем направление их (по отношению к изображению) может быть любым. Эти царапины в свое время оставил на зачистке болванки напильник. По их направлению можно иной раз подобрать 5-6 разных штемпелей, отформованных одним маточником.

Встречаются монеты, сохраняющие следы изображений или надписей, которые были недостаточно тщательно зачищены на вторично использованном штемпеле. Их легко принять за перечеканенные монеты; но настоящей перечеканки монет XIV-XV вв. неизвестно. Само качество чеканки было невысоким, а браковка монеты, по-видимому, отсутствовала полностью. Поэтому в обращение попадали даже монеты, отчеканенные по недосмотру застрявшей в верхнем штемпеле монетой: на одной стороне находится переданное нижним штемпелем нормальное изображение, а на другой стороне - его же углубленный след. Денежники называли такие монеты «односторонками».

Рис. 65. Миниатюра из летописи XVI в. Казнь виновных в расстройстве денежного обращения.

Порча монеты . В связи с рассмотрением возобновленной в XIV в. чеканки собственной русской монеты нужно остановиться на явлении так называемой *порчи монеты*, с которым население Руси встречалось в разных формах и раньше, еще в период обращения иноземной монеты. Внешне оно проявляется в том, что содержание драгоценного и даже малоценного металла в платежных единицах (монетных номиналах), существовавших более или менее длительно, с течением времени постоянно уменьшается, несмотря на частные случаи временного улучшения качества той или иной монеты. Достаточно сравнить первоначальный вес гривны серебра и вес серебряного гривенника XIX-XX вв. или рубль-слиток XIII- XIV вв. (200 г) с рублевиком XX в. (18 г), чтобы убедиться, какие поразительные перемены имели место в этой области.

Убывание количества металла в монете происходит, как правило, более или менее заметными частями и достигается очень различными способами, например, путем простого уменьшения веса вновь выпускаемой монеты без изменения качества металла или путем ухудшения последнего за счет малоценной примеси, сохраняющей или же увеличивающей вес, а также путем перехода от драгоценного металла к малоценному и т. п. Поскольку выпуск монеты всегда осуществлялся или контролировался государством, роль последнего в порче монеты наиболее очевидна, и мы встретим тому очень яркие примеры в русской истории. Но в ней же иногда имели место и совсем иные явления, когда правительство оказывалось бессильным остановить порчу монеты, возникавшую вопреки его воле.

Рубль в монетных системах Руси XIV и XV вв . Начало чеканки монет в ряде центров Руси было и началом их порчи, которая и предопределила повсеместно более или менее скорый конец существования рубля-слитка как платежной единицы давно установленного веса. Рубль, уже являвшийся и платежной единицей и весовым стандартом, вполне естественно, становился на первых порах мерой того или иного количества новых малых платежных единиц-монет и тем самым приобретал третье - количественное - значение и становился счетно-денежным понятием.

Достигнутая введением монет делимость рубля, сделав его разменным и способным обслуживать любые малые платежи, в то же время расшатывала его ранее непоколебимый вес. Весовой основой новых монетных систем с этого времени становится изменчивый вес монет. В конечном итоге рубль прекращает существование как платежная единица и сохраняет только счетную функцию, а вес его с этой поры - это вес определенного числа монет. Из трех прежних значений рубля его начальный вес отходит к области метрологии и живет несколько столетий в гривенке, а в сфере денежного обращения рубль остается только счетным понятием.

Порча монеты проявляется во всех ее формах, начиная от осуществленных правительством явных и тайных понижений веса серебра в монете и кончая обрезыванием монеты в процессе ее обращения. Само несовершенство техники монетного производства, не способной достигнуть точного веса отдельной монеты, не давало полного соответствия веса рубля «россыпью» весу слитка и открывало широкие возможности для злоупотребления князей и, вероятно, денежников, с одной стороны, и, с другой - потребителей монеты, которые производили ее сортировку для удержания более тяжелых экземпляров.

Особенно важно обратить внимание на одновременность выпадения рубля-слитка из монетных систем разных областей Руси XV в . Без этого наши представления о рубле были бы совершенно хаотические. Очень важно отметить, что для Новгорода, снабжавшего Русь слитками и начавшего чеканку своей монеты очень поздно - только в 1420 г., слиток оставался рублем довольно долго после того, как в других местах порча монеты уже вытолкнула этот слиток из их местных систем. В Москве это произошло, как считают, в самом конце XIV или в начале XV в ., в правление Василия Дмитриевича, в первый раз уменьшившего установленный его отцом вес денги.

По всей вероятности, и в Суздальско-Нижегородском княжестве начинали чеканку исходя из привычного весового стандарта новгородского рубля - гривенки серебра. Вес ранних монет позволяет предположить и здесь существование двухсотденежного рубля. Рязанское княжество начинало с контрамаркирования татарских монет, поэтому едва ли можно предполагать, что денежный счет там мог управляться гривенкой. Чеканка монеты в Твери началась поздно, после того как у соседей уже сложились местные счетно-весовые системы, поэтому и первоначальный тверской счетный рубль не обязательно мог идти от гривенки.

Московский счетный рубль. Выше уже говорилось о том, что в настоящее время более всего склоняются считать исконным московским рублем полуслиток . Отсюда соответствующие расчеты ведут к признанию того, что при Дмитрие Донском чеканили из такого рубля 100 денег и этот счет будто бы удвоился только в середине XV в. при Василии Темном, когда рубль стал двухсотденежным в связи с сильным уменьшением веса денги.

Арифметические расчеты по данным документов позволяют проследить существование неизменного двухсотденежного московского рубля в глубь веков - от времени реформы Петра начала XVIII в. вплоть до 40-50-х гг. XV в., т. е. непосредственно по период самого разгара борьбы галичских князей с московскими за великокняжеский престол, с которой и связывают начало ломки рубля. Более ранними документами, дающими материал для подобных расчетов, мы не располагаем, но никаких признаков нового рубля в самих ранних документах середины XV в. нет. Нельзя не задуматься и над тем, что после середины XV в. денга еще много раз уменьшалась в весе, что, однако, никак не отразилось на счете.

Денежный счет - это прежде всего своеобразная область арифметики, и произвольно менять значение и ёмкость того или иного счетного понятия так же нелегко, как постановить, чтобы «пять» сегодня значило «десять», а завтра - «двенадцать». Есть все основания признать, что и до середины XV в. московский рубль делился на 200 денег - с самого начала их чеканки при Дмитрие Донском. В таком случае вопрос о рубленном слитке-рубле отпадает, так как весу двухсот денег Дмитрия наиболее близко соответствует вес новгородского рубля-слитка, который в тот момент был, следовательно, и московским рублем, а перестал им быть при Василии, после первого же уменьшения веса денги. С той поры для Москвы новгородский слиток - только гривенка серебра. В течение некоторого довольно короткого времени его еще называют иногда старым рублем, тогда как новый рубль составляли 200 монет.

Новгородский рубль. В Новгороде слиток-рубль сохранил значение платежной денежной единицы на наиболее долгий срок. Уже в течение полустолетия шла чеканка монеты в Москве, произошло уменьшение веса московских денег и слиток перестал быть рублем для Москвы, когда в 1420 г. новгородцы решили отказаться от засвидетельствованного летописью кратковременного употребления иностранных (прибалтийских) монет и начали чеканку собственной монеты - денги. Для них слиток оставался рублем, и не было оснований лишать его этого значения. Счетный рубль у них получился странный: он плохо сходился со счетной гривной и делился на 216 денег, откуда ясно, что для денги обоснованно был принят какой-то привычный вес. Дальнейшие исследования покажут, идет ли он от «немецких» монет, или от существовавшего в 1420 г. веса московской денги.

Рис. 66. Новгородский рубль конца XIV - начала XV в. Заметный на боковой стороне «шов» свидетельствует о литье в два приема.

Наиболее обеспеченный в части регулярного притока серебра Новгород бережно относился к весу своей денги. Когда в 1447 г. обнаружилось, что качество серебра в денгах стало хуже, была произведена замена находившейся в обращении монеты новой монетой старого веса. Тогда же стало известно, что серебро в изготовлявшихся ливцами слитках в течение некоторого времени «разбавлялось» примесями, по-видимому с ведома властей. Делалось это очень тонко: основную часть слитков отливали из серебра пониженной пробы и только сверху приливался тонкий слой серебра высокопробного. Мятеж, вызванный обнаружением открывшихся злоупотреблений, решил участь слитков; литье их было прекращено.

Малый счет . С выходом в обращение денги ранее существовавшие местные особенности денежного счета не исчезли; напротив, сложилось несколько заметно различающихся разновидностей нового денежного счета. Документы последней четверти XIV в, позволяют проследить вступление в права новой платежной единицы - денги с присущей ей системой счисления, т. е. счета на алтыны. Возможно, что она впервые упоминается в 1375 г., еще под названием резаны. Под своим именем она встречается через 5-6 лет, но даже в московском документе 1399 г., когда денга уже заведомо существовала, все еще предусматриваются платежи в мортках. Кое-где мортка как местное название платежной или счетной единицы удивительно долго сохранялась в народной памяти: например, в окрестностях Петербурга ее знали еще в начале XVIII в.!

Феодальная разобщенность, традиции прошлого и вновь завязывавшиеся связи тех или иных центров с определенными внешними рынками Востока и Запада способствовали образованию местных денежных систем. Наиболее сильными и живучими оказались счетно-денежные системы Москвы и Новгорода. Почти все элементы нового денежного счета, ставшие над денгой, были уже знакомы Руси в прошлом: это рубль с его производными - полтиной и четвертью - и уже знакомая нам счетная гривна. Совершенно новым понятием был только алтын, постепенно занявший важное место в московском счете.

Алтын . Счет на алтын впервые появляется в последней четверти XIV в., когда в обращение поступает русская денга . Как указано выше, в наиболее раннем упоминании 1375 г. рядом с алтыном названа еще даже не денга, а резана. Существует мнение, что до середины XV в. алтын равнялся трем денгам, а во времена Василия Темного содержание денег в нем удвоилось. Это мнение так же неосновательно, как и упоминавшаяся выше теория относительно удвоения московского рубля: счетно-денежные понятия относятся к области арифметики, которая зиждется на постоянстве ее понятий.

В. Л. Янин, опираясь на сравнение веса рязанских и московских монет конца XIV в. (2 к 3) и их же и тверских в начале XV в. (2 к 3 и к 4), открыл в алтыне свойство платежного «переводного коэффициента» для монет трех княжеств. Исходя из своего бесспорно интересного наблюдения, В.Л. Янин доказывал, что московский алтын в указанное время мог быть только трех-денежным, с чем уже позволительно и не соглашаться, поскольку соотношение 2 к 3 и к 4 несколько не пострадает, если его выразить иначе: 4 к 6 и к 8. (Прямых указаний на ёмкость алтына в Рязани и в Твери не имеется).

Исконное равенство алтына шести денгам бесспорно. Корнем русского по форме слова «алтын» является татарское «алты» - шесть, и нет каких-либо оснований сомневаться в указанном содержании алтына, по крайней мере в Москве, с самого начала. Новое название, вероятно, зафиксировало более древний, традиционный русский счет. Высказывалось обоснованное предположение, что куне некогда соответствовали шесть вевериц. Алтын долго оставался местным счетным понятием центральной и восточной Руси; в Новгороде и во Пскове им не пользовались до начала XVI в.

Счетная гривна . Счетная гривна к концу XIV в. уже давно потеряла какие-либо непосредственные связи с весом и стала только своего рода практическим числовым понятием. Некогда соответствовавшая определенному количеству кун-монет, она стала служить для обозначения некоторого количества денег-монет и трудно найти какие-либо причины, которые могли бы побудить к изменению привычного значения гривны в конце XIV в., когда русская монетная система возникала заново. В документах XV в., впервые раскрывающих это содержание, московская гривна равна двадцати, а новгородская - четырнадцать денгам .

По-видимому, это и соответствует тем старым местным *счетным* гривнам, которые существовали в последний период гривенно-кунной системы. Выше отмечалось равенство гривны древнейшего периода двадцати ногатам.

Следует напомнить, что гривна-слиток сыграла определенную роль в возникновении рублевого слитка и, следовательно, рубля. После того, как в XV в. слитки сошли со сцены, еще долго продолжала совершенно самостоятельно существовать гривна как единица веса (скаловая гривенка, от «скалвы» - весы, около 200 г). Под названием гривенка она дожила в русской метрологии до XVIII в. и была сменена фунтом, половине которого равнялась. Памятником древних связей русского народа с его соседями она сохранилась в некоторых языках, например в армянском - «грванка». Но дольше и последовательнее всего сохранялась гривна в наиболее интересующем нас ее третьем значении - счетном, причем здесь ей суждено было стать *частью* рубля.

Возникшие для счисления денег сборные счетные «системы» не отличались четкостью структуры и сопряженностью составных частей. Так например, в новгородском рубле гривна не содержалась целое число раз (216:14). В Москве гривна, по-видимому, сразу же хорошо сошлась с рублем - как 20 к 200. Однако не она стала в Москве излюбленной промежуточной счетной величиной, а шестиденежный алтын, который не сходился с рублевым счетом: рубль составляли 33 алтына и 2 денги. Впрочем, между рублем и алтыном существует очень стройное, но только «тайное», соотношение: три рубля содержат ровно 100 алтынов. Гривна в Москве сохранила значение вспомогательного и необязательного понятия.

Некоторые, впрочем довольно сбивчивые, сообщения псковских летописей позволяют признать, что там существовал свой особенный денежный счет, отличавшийся и от московского и от новгородского по «ёмкости» гривны. Но псковский первоначальный рубль при тесных экономических связях Пскова и Новгорода едва ли мог быть отличным от новгородского.

Зарождение монетной системы Русского государства. Наряду с довольно развитой денежно-счетной терминологией реальное денежное обращение Руси в XIV и XV вв. в основном обслуживалось очень бедным набором монетных единиц - серебряными денгой и полуденгой (полушкой), а в Новгороде и Пскове денгой и четвертью денги (четверетцой) и кое-где медным пулом. Но монеты разных княжеств рано стали уходить за границы выпускавших их владений. Ввиду редкостной устойчивости типа и значительно большего веса новгородских и псковских монет по сравнению с монетами княжеств, в том числе и московскими, ко времени возникновения Русского государства во второй половине XV в. сложилась своеобразная «сборная» монетная система, обслуживавшая обращение на обширных пространствах русских княжеств, а затем и вне их - в Поволжье; это касается в основном только серебряных денег, так как обращение пулов имело местный характер. Чеканка собственной монеты в подчинявшихся Москве княжествах постепенно прекращалась, и во «всеобщем» денежном обращении основное место все более занимали денги московских князей и вдвое более тяжелые денги Новгорода и Пскова, сохранивших и после подчинения Москве денежные дворы, не подвергая существенной перестройке свои монетные системы. Однако после половины XV в. И новгородская денга, потеряв опору в слитке, стала легче; из гривенки серебра (т. е. из веса прежнего рубля) стали делать уже не 216, а 260 монет, но продолжали считать в рубле 216 денег.

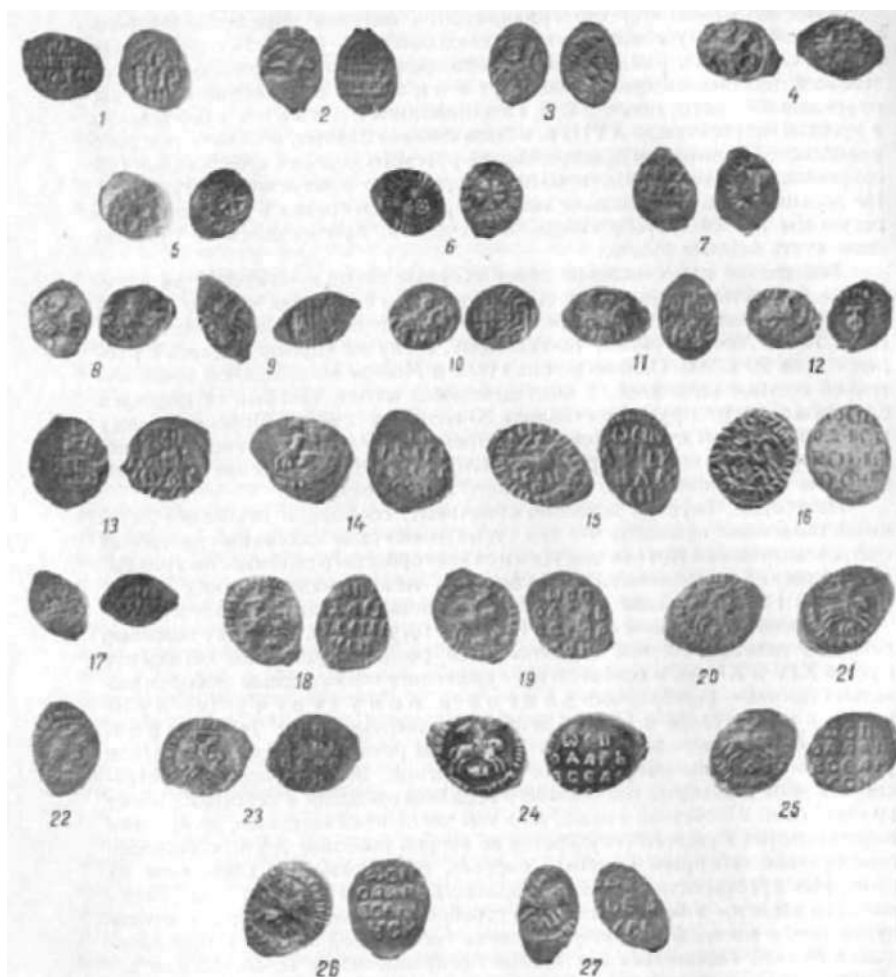

Рис. 67. Монеты Ивана III и Василия Ивановича. Московские денги . 1-5 - Ивана III (№ 4 - «дозор»). 5 - Василия Ивановича, 7 - его же тверская денга , 8-12 - московские и тверские анонимные денги времени Ивана III и Василия Ивановича. Денги новгородского веса. 13 - переходный тип (ср. рис. 59), 14-16 - с именем Ивана III, П - чет-веретца , 18 - переходный тип, 19-23 - новый тип. 24-27 - Василия Ивановича, чеканка в Новгороде и, вероятно, в Пскове (ср. рис. 59).

Монеты Ивана III и Василия Ивановича. В княжение Ивана III и Василия Ивановича от их имени выпускалась монета двух основных видов. В Москве, где еще существовал денежный откуп, денги сохраняли много общего с монетами времени Василия Темного. Один из типов денги , известный в обоих княжениях, имеет надпись «денга московская», а на еще одной разновидности денги Ивана III находится такая же надпись на татарском языке. На значительной части монетных типов нет имени князя, а надпись «Господарь всея Руси» зачастую сделана вязью. К весовой группе московских денег примыкают немногочисленные типы монет тверской чеканки, опознаваемые по монограмме, составленной из букв «Т» и «Ф».

Монеты новгородского веса составляют вторую группу. Они чрезвычайно единообразны: изображение всадника с саблей в руке окружено надписью, содержащей имя и титул князя. На другой стороне находится строчная надпись «Господарь всея Руси». Различные выпуски монет отличаются только по знаку денежного двора - какой-либо букве, поставленной на лицевой стороне под ногами коня. Не представляет труда в ранних типах этой единообразной серии монет Ивана III опознать работу новгородских денежников по жесткой, угловатой манере исполнения изображений и надписей. Соотношения штемпелей показывают, что в какой-то момент новгородского резчика штемпелей сменил мастер, воспитанный в совсем иных художественных традициях. Эта серия монет продолжается и при Василии Ивановиче. На Псковском денежном дворе после 1510 г. чеканились монеты того же типа, что и в Новгороде.

Рис. 68. Золотой «угорский» (дукат) Ивана III и его сына-соправителя Ивана Ивановича (около 1480 г.).

Начало русской золотой чеканки. В Эрмитаже хранится одна из наиболее замечательных русских монет - золотой угорский Ивана III. Это единственная дошедшая до нас русская золотая монета XV в., что свидетельствует об ограниченности этой чеканки. Сохранился документ 1484 г., в котором говорится о посылке великим князем двум вызванным им к себе на службу иноземным ремесленникам московского золотого «на проторь», т. е. на дорожные расходы. Следовательно, речь идет именно о монете в ее платежном назначении.

В то время на Русь приходили золотые монеты немногих западноевропейских государств, имевших регулярную золотую чеканку. Более тяжелые английские розенобли (и подражательные розенобли нидерландской чеканки) по находившемуся на них изображению назывались корабельниками (корабельными), а дукаты, т. е. монеты весом около 3,5 г, называли «венецскими», «цесарскими», «угорскими» и т. д. Ведущее положение Венгрии в поставке золотых в Россию в XV в. привело к тому, что вскоре слово «угорский» стало русским термином, служившим для наименования любой золотой монеты веса дуката - даже если она чеканилась в Москве. «Угорский» оказал самое непосредственное влияние на золотую чеканку Ивана III: подобно тому, как некогда Владимир Киевский чеканил свои первые золотые монеты, приняв за образец византийский золотой, Иван III полностью повторил тип венгерской монеты - вплоть до герба Венгрии на одной стороне и изображения св. Владислава на другой (принятого в Москве за изображение князя). Но русская надпись называет имя и титул великого князя Ивана и его сына - соправителя Ивана Ивановича.

Выпуск собственной золотой монеты Московского государства при Иване III, завершившем великое дело собирания земли Русской и окончательного освобождения ее от власти поработителей, во многих отношениях может сравниваться с золотой чеканкой Владимира. В обоих случаях это, несомненно, имело декларативный, политический характер.

После Ивана III золотая чеканка уже не прекращалась в Москве, однако служила она вовсе не для целей обращения. Русской ходячей золотой монеты не было. Золото в иностранной и русской монете, конечно, в ограниченной мере могло служить для целей накопления, но основным назначением золотых русской чеканки стало служить знаком «государева жалованья» - наградой за ратные подвиги.

Денежный кризис начала 30-х гг. XVI в. К началу XVI в. пополнение запаса монеты в обращении систематически производилось только четырьмя денежными дворами - в Новгороде, Пскове, Москве и Твери, выпускавшими монету уже строго согласованного веса из расчета 2,6 рубля из гривенки серебра (204 г), причем только в Новгороде и Пскове чеканилась монета двойного веса. Однако в обращении оставалось множество разнообразной и пестрой в весовом отношении старой монеты, не укладывавшейся в систему.

Рис. 69. Обрезанные новгородские и псковские монеты. Начало 30-х гг. XVI в .

В начале 30-х гг. XVI в. внезапно разразился денежный кризис, вызванный стихийно возникшим и быстро перекинувшимся во многие концы страны и даже за ее пределы (в Поволжье) обрезыванием монеты. Возможно, что оно началось с «подгонки» нестандартной старой монеты к основным единицам обращения, но затем безудержно распространилось на все виды, особенно же на новгородские и псковские, с которых срезали до половины металла. Известны клады этого времени, сплошь состоящие из обрезанных монет.

Не помогли энергичные розыски виновных и казни, при которых «руки секли, да олово в горло лили». Памятником этих репрессий является найденный в Старице интересный клад, состоявший не из монет, а из срезанных с них частиц серебра в виде полумесяцев. Что-то помешало владельцу воспользоваться его «добычей». Летопись сообщает о казнях во многих городах, *где никогда не чеканились монеты*. Отсюда ясно, что порчу монеты производили ее «потребители», а не производители-денежники, как иногда указывается. Выходом из наступившего расстройства денежного обращения послужила денежная реформа, осуществленная в 1534 г., почти одновременно с вступлением на престол малолетнего Ивана IV. Любая старая монета, обрезанная и целая, была запрещена.

Рис. 70. Миниатюра из летописи XVI в. с изображением работ, производимых на денежном дворе.

ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI-XVII вв.

Реформа 1534г. В 1534 г. возникла единая монетная система Русского государства, ознаменовавшая собой завершение длительного процесса объединения вокруг Москвы прежде разрозненных княжеств (так называемая «денежная реформа Елены Глинской», матери Ивана IV). С этого года началась чеканка новой общегосударственной монеты, вдвое более тяжелой, чем денга, - серебряной новгородки или копейки, в течение долгого времени оставшейся самой крупной русской монетой. Но сама-то московская денга стала легче: реформа сопровождалась наиболее обычным в таких случаях *уменьшением* веса новых монет. Из гривенки серебра теперь их чеканили уже не на 2,6, а на 3 рубля.

Уже в летописях, отметивших реформу 1534 г., новая тяжелая денга вследствие избранного для нее изображения (всадник с копьем), которое отличало ее от денги-московки (всадник с саблей), получила название «копейной денги», «копейки». Последнее название, сперва малоупотребительное, оказалось в конце концов более живучим, чем «новгородка», и дошло до наших дней, перенесенное Петром I с серебряной монеты на медную. Связь копейки с рублем отразилась в поговорке «копейка рубль бережет». Самой малой величиной в монетной системе 1534 г. была серебряная полушка, равная половине денги и четверти копейки; на ней находилось изображение птицы.

Монетная система. Новая монетная система была построена на основе предшествовавшего слияния двух наиболее мощных монетных систем конца периода феодальной раздробленности - московской и новгородской. Московская денга, получившая в дальнейшем название московка, вошла в нее из прежней монетной системы Московского княжества; самая малая единица была знакома Москве как полуденга, и Новгороду и Пскову - как четвертеца. Но в качестве основной и наиболее крупной единицы над полушкой и московкой была поставлена упомянутая только что «копейка» - вдвое более тяжелая, чем московка, новгородская денга, или, попросту, новгородка. Это название сохранялось за ней вплоть до петровского времени, указывая лишь на происхождение номинала. «Новгородки» после 1534 г. чеканились на всех денежных дворах Русского государства - в Москве, Новгороде и Пскове. Относительной самостоятельности последних двух в области денежного дела пришел конец, а чеканка в

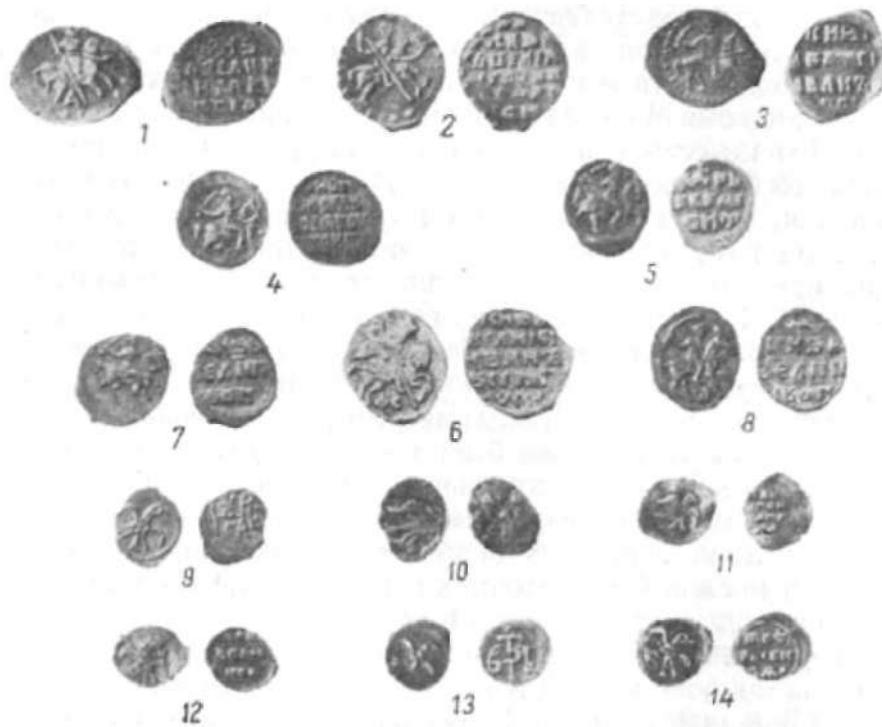

Рис. 71. Монеты княжения Ивана IV (1534-1547). 1-3 - копейки московской, новгородской и псковской чеканки; только на псковской обозначено имя князя, другие анонимные. 4, 5 - денги без имени князя, 6-8 - копейка и денги с именем князя, 9, 10 - московские полушки, 11 - новгородская, 12 - псковская, 13, 14 - тверские полушки.

Твери прекратилась в годы проведения реформы, оставив только полушки с надписью «тверская». Тогда же были выпущены полушки «новгородская», «псковская» и «московская», а в дальнейшем их чеканили только в Москве и без обозначения места чеканки. Денгу тоже выпускал только Московский денежный двор; лишь одна из ее наиболее ранних разновидностей - с лицевой стороной московского маточника, но с буквой «т» в конце надписи, может тоже принадлежать к тверской чеканке.

Только первая псковская « новгородка » в отличие от всех других имела изображение всадника с саблей, а не с копьем, и обозначение имени князя. Все другие ранние монеты Ивана IV были анонимными, как и последние монеты его отца. Надпись на копейках (князь великий и государь всея Руси) с неразделенными словами постоянно обманывала и до сих пор обманывает неопытных собирателей, которые принимают *д* за *о*.

Все следующие серии монет Грозного уже имеют обозначение имени князя (с 1547 г. - царя); на псковской царской копейке Грозного появилось обозначение денежного двора - *пс*, тогда как в Новгороде и Москве постоянный знак места чеканки (*н*, *но*, *м*, *мо* и т. п.) появился только на монетах следующего правления. На монетах Грозного, чеканенных в Москве и в Новгороде, знаком денежного двора служили самые различные инициалы - *фс*, *гр*, *ал*, *юр*, *к-ва* и многие другие, по-видимому, знаки денежников.

В Москве денежный двор находился в Китай-городе на Варварке, в Новгороде - на Торговой стороне, где-то между церквями Святых отцов и Николы на Дворище, а в Пскове - в Большом городе над рвом между Трупеховскими и Петровскими воротами. Сравнивая состав кладов времени Грозного, можно установить последовательность выпуска его монет и приблизительно датировать их. Новгородские копейки устанавливаются только через исследование соотношений штемпелей (знаки *Г-АН И К-Р*).

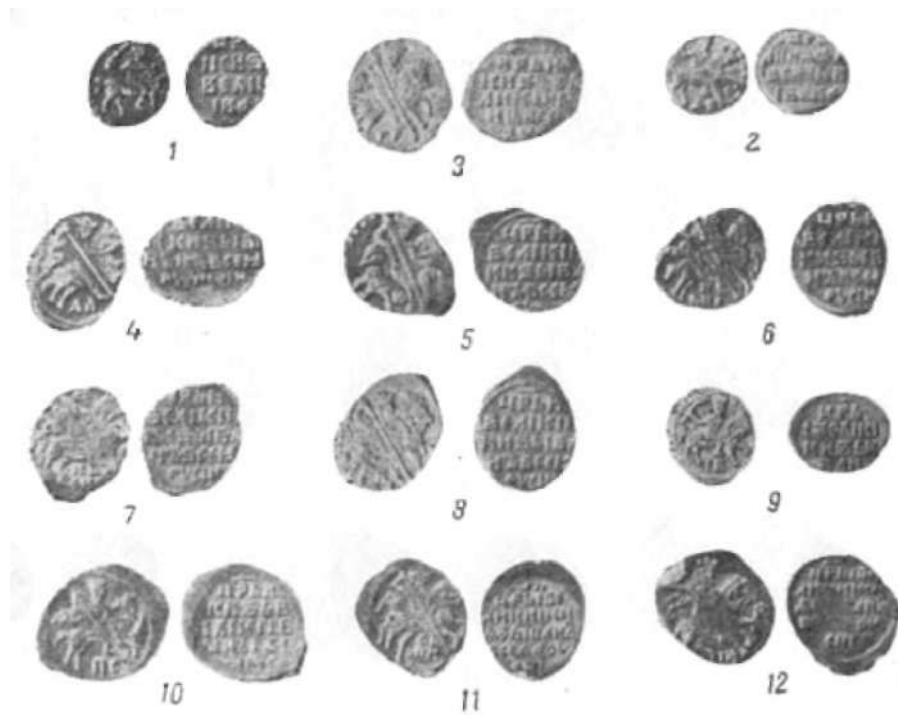

Рис. 72. Монеты царствования Ивана IV (1547-1584). 1-9 - Москва, копейки и денги, 10 - Псков, копейка, 11, 12 - Новгород, копейки

Весовое отношение новгородки к московке-денге определило то, что с 1534 г. в московском счетном рубле, уже и раньше делившемся на 10 счетных гривен, стало 100 реальных монетных единиц - новгородок, а в счетной гривне - 10. Создание копейки-новгородки окончательно определило десятичный строй московской счетно-денежной системы, заложив основу для построения в будущем русской десятичной монетной системы.

В течение XVI в. стирались пережитки местного денежного счета. Новгород постепенно отказывается от счета на 216 денег в рубле и 14 в гривне и начинает привыкать к московскому счету на денгу, алтын и 200-денежный рубль.

После Грозного (1534-1547 - великий князь, 1547-1584 - царь) и его сына Федора Ивановича (1584-1598) менее выгодная по большей затрате труда чеканка монет двух меньших достоинств часто прекращалась на долгие годы, тогда как выпуск копеек не останавливался ни при одном правителе. Только чеканенными в серебре копейками множества разновидностей и всех трех монетных дворов представлены правления царей Бориса Федоровича Годунова (1598-1605), Федора Борисовича (1605) [1], Лжедмитрия - самозванца, выдававшего себя за сына Ивана Грозного под именем Дмитрия Ивановича (1605 - 1606), и Василия Ивановича Шуйского (1606 - 1610).

Однако вплоть до начала XVIII в. народ и государственные учреждения признавали только старинный московский счет на денгу, никогда не упоминая копейку-новгородку как счетную величину. За денгою шел все тот же счетный алтын в 6 денег (т.е. в 3 копейки); 33 алтына и 2 денги составляли счетный 200-денежный рубль.

[1] Монеты Федора Годунова чеканились с использованием ранних именных штемпелей Федора Ивановича; на которых отчество последнего еще не было обозначено, и лицевых штемпелей времени Бориса, при Федоре Ивановиче еще не существовавших.

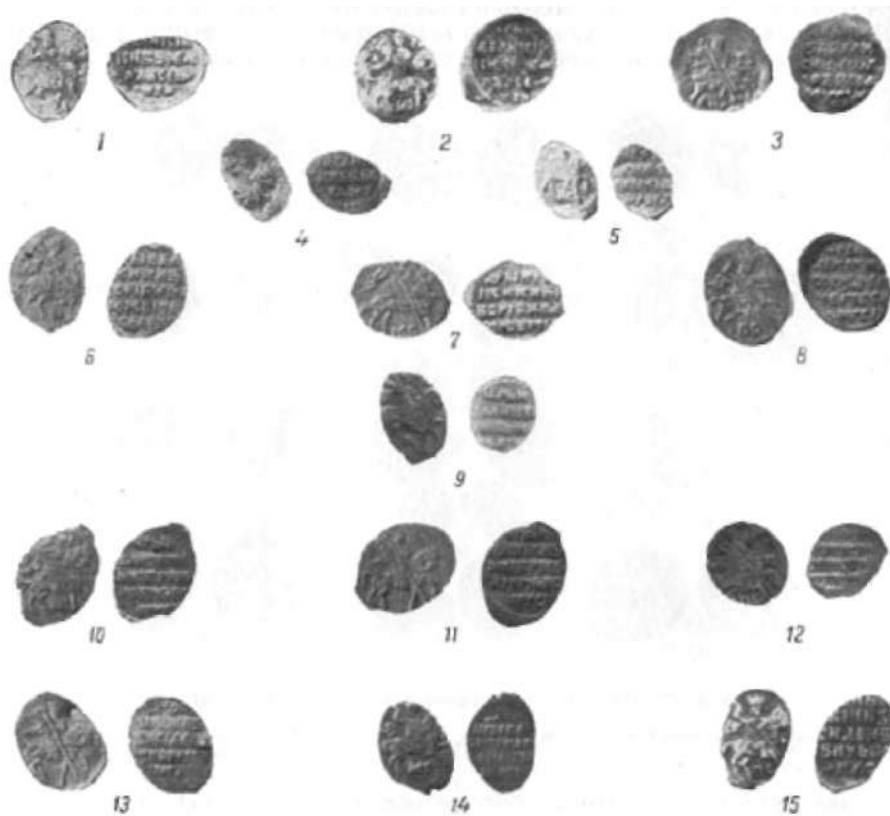

Рис. 73. Монеты конца XVI и начала XVII в., чеканенные в Москве и в Пскове. Федор Иванович. 1,2 - копейки московские, 3 - псковская, 4,5 - денги (Москва). Борис Годунов, копейки. 6,7 - московские, 8 - псковская . Федор Годунов. 9 - московская копейка. Лжедмитрий, копейки. 10, 11 - московские, 12 - псковская . Василий Шуйский, копейки. 13, 14 - московские, 15 - псковская .

Фракции счетного рубля - полтина, полуполтина и гривна - в общем денежном счете не участвовали, однако сохранялись в качестве частных вспомогательных понятий, позволявших иногда проще выразить ту или иную сумму без помощи алтына и денги. Существовало еще одно счетное понятие - грош, соответствовавшее четырем денгам . «Грошковые» хлебы и калачи упоминаются в документе 1626 г.

Серебро долго оставалось единственным монетным металлом в Русском государстве. Как уже говорилось, в предшествующий период феодальной раздробленности в ряде княжеств, в том числе и в Московском, выпускались медные пулы, около 60 пулов в последний период их обращения приравнивались к серебряной денге. По мере падения веса денги ручная чеканка этих ничтожных по ценности монет стала настолько невыгодна, что к началу XVI в. была оставлена; монетная система 1534 г. опиралась уже на одно серебро.

Копейка. В царствование Федора Ивановича впервые ненадолго появилось обозначение года выпуска на русских монетах, но только на копейках Новгородского денежного двора, тогда как на других монетных дворах этот обычай не привился. Известны самые ранние новгородские копейки с датами *РЛ*-104, т. е. 7104 г. «от сотворения мира», равный 1596 г. После *РМ*-118 (7118=1610 г.) помещение дат на монетах надолго прекратилось. Лишь на одном виде новгородской копейки Михаила Федоровича под конем имеются не очень хорошо сохранившиеся буквы *РКЕ*, которые можно прочесть как 125, т. е. 7125 = 1617г.

Рис. 74. Датированные копейки. 1- в - новгородские 1596 - 1598 гг., 4, 5 - новгородская и псковская 1599 г., 6 - 11 - новгородские 1600 - 1605 гг., 12 - 1608 г., 13 - 1610 г.

Почти сто лет копейка сохраняла вес около 0,68 г. Впервые он понизился в начале интервенции польско-шведских феодалов в 1610 г. В течение нескольких лет интервенты выпускали легковесные копейки русского образца (0,56, затем 0,48 г). В Москве чеканились в 1610 - 1612 гг., а в Новгороде - в начале 1611 г. копейки с именем польского королевича Владислава Жигимонтовича. В Новгороде шведы с 1611 по 1617 г. скупали старую монету и с выгодой переделывали ее в легковесную сохранившимися на денежном дворе старыми штемпелями Шуйского, а позже - поддельными штемпелями Михаила Федоровича.

Лишь в недавнее время исследование состава многих кладов, веса их монет и соотношений монетных штемпелей позволило разобраться в путанице монетных типов периода польско-шведской интервенции и, установив типы «шведских» монет, доказать, что Шуйский был непричастен к порче монеты. Еще больший интерес представляет установление типа монет Народного ополчения 1612 - 1613 гг. О существовании в те годы денежного двора в Ярославле было известно благодаря сохранившемуся документу, но самих монет не знали, что и не удивительно: на них находится имя последнего перед смутой «законного» государя - Федора Ивановича! Их знали давно, но никак не могли объяснить, почему только они среди добротных монет Федора имеют резко пониженный вес.

Руководителям Ополчения пришлось считаться с весом, к которому привели копейку интервенты, чеканя свои монеты по тем же весовым нормам. Последний вес (0,48 г), при котором из гривенки серебра чеканилось уже 400 копеек, был принят в 1613 г. правительством Михаила Федоровича и легковесные монеты постепенно вытесняли из обращения прежние копейки Грозного и его преемников, чеканенные по трехрублевой стопе. Идея «обновления монеты» была настолько чужда русскому денежному делу, что до тех пор, пока не изменялся вес монеты, в обращении оставались любые ранее выпущенные, хотя бы на них находилось даже имя самозванца. Поэтому клады конца XVI и начала XVII в. представляют собою целые коллекции любых монет, выпускавшихся в течение почти ста лет, начиная со времени Грозного.

Рис. 75. Копейки интервентов. 1,2 - московские 1610-1612 гг., 3 - новгородская польских интервентов 1611 г., 4-6 - новгородские периода шведской оккупации, 1611 - 1617 гг.

В течение XVII в. вес копейки еще несколько раз падал и в соответствии этим обновлялся монетный состав обращения. К петровскому времени серебряная копейка и денга сохраняли около половины своего первоначального веса. Несмотря на уменьшение содержания серебра в монетах, рост городов и возросшая потребность их в монете для повседневной рыночной торговли вынудили возвратиться к чеканке фракций копейки. В правление Михаила Федоровича (1613-1645) и Алексея Михайловича (1645-1676) чеканились даже серебряные полушки весом в 0,14 - 0,11 г.

Рис. 76. Ярославские копейки Народного ополчения 1611-1612 гг. Буквы «Яр» (с выносным «с») обозначают «Ярославль».

В 20-30-х гг. XVII в. в русское денежное обращение проникали с севера «корелки» - датские копейки с именем короля Христиана IV, которые с согласия русского правительства чеканились в Дании по образцу копеек - специально для торговли датских купцов в Лапландии, население которой предпочитало русские деньги. Но по качеству серебра копейки Христиана были хуже русских, чеканившихся из более высокопробного металла. Только первый выпуск « корелок » полностью повторял тип русской копейки. На них воспроизводилась и русская надпись с именем Михаила Федоровича. Они опознаются по знаку копенгагенского минцмейстера Р (Иоганн Пост) под конем и по несколько более высокому весу (0,52-0,53 г). Следующие выпуски уравнились в весе с копейками и получили «московский» знак М, но чеканились уже с именем и титулом Христиана, написанными русскими или латинскими буквами.

В самые лучшие свои времена серебряная копейка не превышала размер арбузного семечка. Вероятно, в петровское время возникла поговорка: «На Егория лист на берёзе с копейку». Действительно, копейки того времени могли напоминать только что распустившиеся березовые листики, так они были малы и неровны по форме. Техника чеканки оставалась неизменной, но в организации производства кое-что изменилось. Чтобы переделывать приходившее в страну серебро, денежные дворы должны были вмещать все больше денежников, в среде которых постепенно происходило разделение труда по основным операциям производства.

Рис. 77. Клад копеек времени Михаила Федоровича. Место находки неизвестно.

Организация денежного дела. Застойности денежного дела в Русском государстве способствовало длительное отсутствие собственной металлургической базы. Даже в годы проведения петровской реформы положение по существу еще не изменилось, так как начавшаяся лишь в конце XVII в. добыча серебра в Сибири исчислялась тогда несколькими пудами в год. Серебро в виде слитков и главным образом «ефимков» [2], как называли в России талеры, приходило в обмен на русские товары. Торговавшие с Западом купцы, разбираясь в талерах разных государств, ценили их лишь по качеству, т. е. по выгоде переделывать их в копейки. Таким образом, перейдя границу, иноземная монета становилась определенной формой сырья. Обращения какой-либо иноземной монеты на Руси теперь не существовало.

До начала XVII в. в русском денежном деле сохранялось старинное право свободной чеканки. Государственные денежные дворы отвечали за доброкачественность монеты и собирали пошлину, которая покрывала расходы по чеканке и давала умеренный доход казне. Доля государства в непосредственном выпуске монеты была очень невелика и значительно перекрывалась массой монеты, которую заказывали на денежных дворах из своего серебра торговые люди. Через их руки проходила основная масса монеты, вливавшейся в денежное обращение страны.

В XVII в., после польско-шведской интервенции, расшатавшей денежное хозяйство, государство стало прибирать к своим рукам производство монеты как предмет финансовой эксплуатации; право свободной чеканки постепенно ограничивалось.

Около 1648 г., накануне реформ царя Алексея Михайловича, к которым мы обратимся ниже, закупка серебра была монополизирована государством и категорически запрещена частным лицам. В эти же годы была прекращена очистка от примесей талерного серебра (посредством специальной плавки), при которой из талера прежде выходило 52-54 копейки, и началась чеканка из серебра пробы талера. Выход копеек из одного талера увеличился до 64 штук. Таким образом был введен новый рубль с пониженным содержанием серебра. В 30-х или в начале 40-х гг. были закрыты денежные дворы в Новгороде и Пскове и вся чеканка производилась только в Москве.

Имеются сведения, что в середине XVII в. наряду с ефимками в Москву поступала из-за границы и готовая серебряная проволока «чистотою против ефимка».

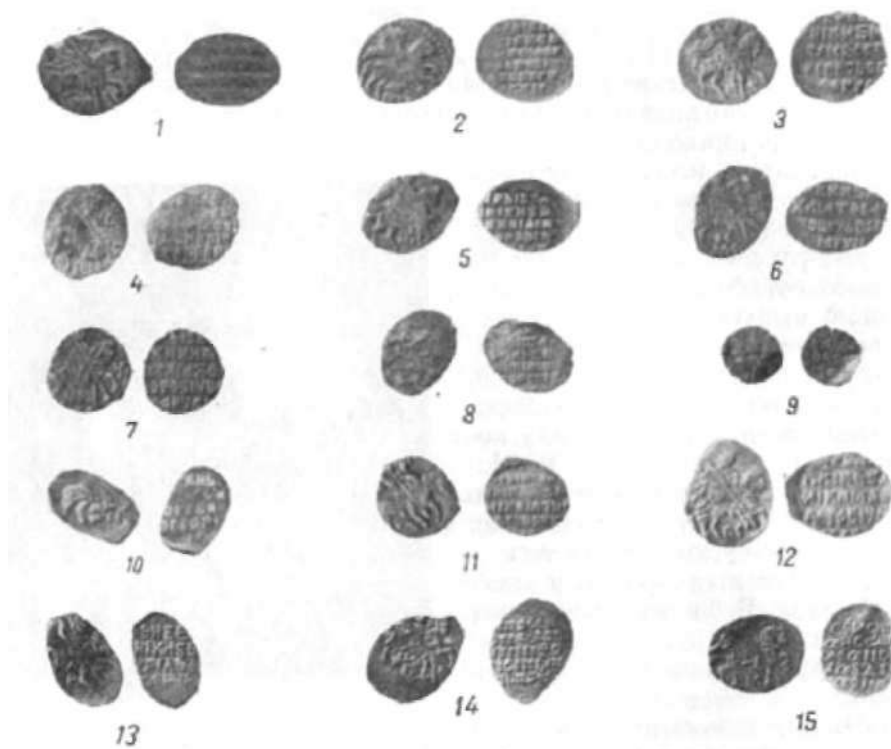

Рис. 78. Монеты времени Михаила Федоровича. 1-7 - московские копейки, 8 - денга, 9 - полушка, 10, 11 - новгородские копейки 1617 г. и без даты, 12 - псковская копейка, 13-15 - датские денниги - копейки.

[2] Переделка на русский лад старинного немецкого названия «иоахимсталер» (по месту старейшего центра чеканки талеров Иоахимсталя - Яхимова в Чехии).

Рис. 79. Сцена у лавки сапожника. Гравюра в книге А. Оллария о России (1-е издание 1647 г.).

ПОПЫТКИ ИЗМЕНЕНИЯ МОНЕТНОЙ СИСТЕМЫ В XVII в.

Десятичный принцип. Десятичную монетную систему в том виде, в каком она повсюду существует, пожалуй, правильнее называть «сотенной». Ее определяют в сущности только две «крайних» монетных единицы - в данном случае копейка и рубль, относящиеся как 1 к 100. Все остальные номиналы как стоящие между ними, так и вне их (т.е. части копейки и монеты достоинством больше рубля) имеют уже второстепенное значение, и их подбор в свое время определялся лишь арифметикой расчетов, при которых легко, как на счетах, слагаются любые нужные суммы. Все промежуточные номиналы поглощаются без остатка основной крупнейшей единицей и в счете не участвуют. Любая сумма выражается не более, чем двумя числами.

После денежной реформы 1534 г. в русском денежном счете налицо были все элементы для естественного возникновения развитой десятичной монетной системы. Основная счетная единица делилась на сто частей, и существовал круг понятий, соответствовавших половине, четверти и десятой рубля. В виде монет существовали фракции основной единицы - денга и полушка.

Счёты. Замечательным союзником десятичного счета в России оказались счёты. Этот старинный русский счетный инструмент, которым пользовались все - и неграмотные и грамотеи, был десятичным и тогда, когда считали на денгу и алтын. В XVI - XVII вв. он сосуществовал со «счетом костями», представлявшим ближайшую аналогию западноевропейской системе инструментального счисления посредством счетных жетонов («рехенпфениги»). Счетные фишки, которыми на Руси служили зачастую плодовые косточки, раскладывались на расчерченной линиями таблице или прямо на столе. Но к середине XVII в. «досчаный счет» (счёты) взял верх.

Распространенное в западной историко-математической литературе мнение о заимствовании Россией во времена татарского владычества китайских счётов (суан-пана) не основательно: русским счётам совершенно чужд пятиричный принцип последних. Они появились на Руси, самое раннее, в XVI в.; предание связывает их изобретение со строгановскими факториями, и нельзя полностью отбросить возможность влияния суан-пана на создание счётов — но только конструктивного, а не арифметического.

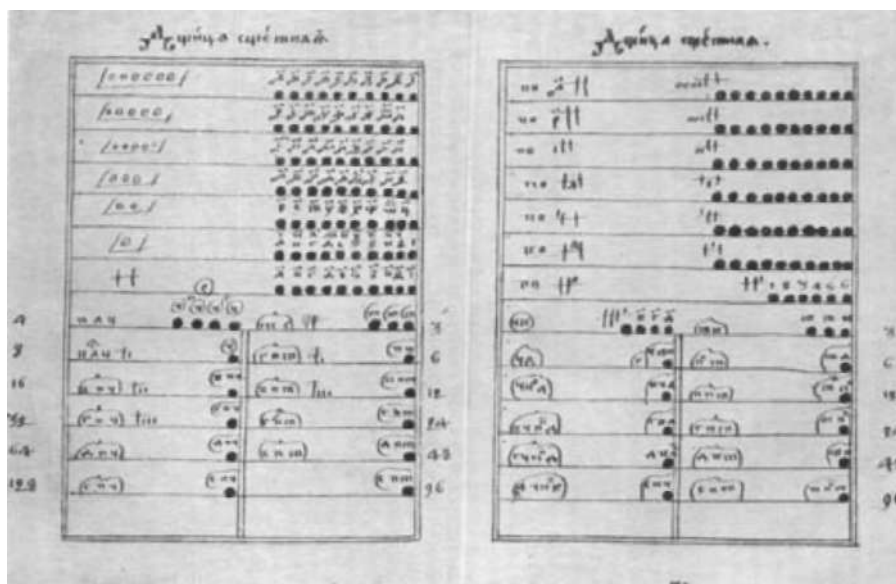

Рис.80. Чертеж счетов в рукописной Арифметике середины XVII в. До начала XVIII в. ввиду особенностей денежного счета прибор состоял из двух складных ящиков - для общего и для денежного счета (правый, где имеется ряд для алтынов)

Сохраненные чертежами в рукописных «Арифметиках» XVII в. наиболее древние образцы «досчаного счета» имели даже не два, а четыре счетных поля; последующая рационализация прибора позволила ограничиться в XVII в. двумя полями («досками») для общего и специально для алтыно-денежного счета, а после петровской денежной реформы начала XVIII в. — одним. Только в то время счёты и приобрели некоторое сходство с суан-паном.

Наиболее характерным в «досчаном счете» был специальный «аппарат» для счисления дробей (к слову сказать, совершенно не выраженный в суан-пане). Согласно положениям древней русской сошной (налоговой) арифметики дроби конструировались по принципу последовательного деления пополам двух исходных дробных величин: четверти и трети; первая в свою очередь, конструировалась через деление пополам основной единицы. Таким образом, дробный счет велся как бы в двух «регистрах»: целое, половина, четверть, полчетверти, полполчетверти и т.д.; целое, треть, полтрети, полполтрети и т.д. В распоряжении древнерусской «бухгалтерии» были специальные переводные таблицы, позволявшие приводить дроби обоего рода к «общему знаменателю».

Именно наличие отмеченных двух «регистров» и объясняет то, что в древнейших приборах каждая «доска» делилась сверху донизу пополам на четвертной и третной ряды; но в XVII в. догадались, что, имея на «доске» один комплект для счисления целых, можно ограничиться делением пополам только нижней части «доски», где нанизаны кости для дробей. Именно такой прибор и изображен на прилагаемом чертеже. Наличие второго счетного поля давало запас косточек, полезный при действиях умножения и деления. Следует еще отметить, что, как показывают сохранившиеся чертежи, на протяжении всего существования прибора имелись две тенденции в выражении десятков: многие вполне резонно считали, что последняя — десятая (или шестая в «алтынном» ряду) косточка ни к чему и служит только помехой при счете. Даже еще в XIX в. опытные счетчики выбрасывали десятые косточки на своих счётах. Таков и прибор, изображенный на прилагаемом чертеже середины XVII в.

Уже Хавен подметил тесное родство русской монетной системы и счётов. Их прутья с косточками представляли как бы готовую схему, в которую оставалось вложить давно знакомые народу понятия.

Русская торговая практика уже в XVI в. осознала десятичную структуру нового рубля и сформулировала ее в конце века в «Торговой книге» - московском руководстве для торговых людей. Нет ничего удивительного в том, что все попытки изменений в русской монетной системе в той или иной мере исходили из мысли о необходимости воплотить в новых монетах десятичный строй рубля.

Монетной реформе Петра предшествовали в XVII в. две различных по масштабу и по последствиям попытки развить или перестроить монетную систему 1534 г. При полном отсутствии в ней крупных платежных единиц она скоро оказалась отсталой и все более тормозила развитие торговли. Сложившийся к XVII в. единый всероссийский рынок, вступающий во все более тесные связи с мировым рынком, настоятельно требовал перехода к более совершенным формам денежного хозяйства. Но тяжелые испытания, перенесенные страной в конце XVI и в первой половине XVII в., помешали своевременно провести основательные изменения и обрекли на неудачу предпринимавшиеся попытки.

Начинания В. Шуйского. В 1610 г. царь Василий Шуйский исчерпал все запасы серебра в казне на оплату шведских наемных войск, которые затем предали его в Клушинской битве. Силой обстоятельств Шуйский был вынужден начать переделывать в ходячую монету оставшееся в казне золото, что было большим новшеством. Русская земля почти не знала золотых монет в своем денежном обращении. Златники Владимира и угорские Ивана III чеканились так недолго, что занять сколько-нибудь заметное место в обращении не могли [1]. Очень редкие золотые монеты XV – XVI вв., отчеканенные зачастую обыкновенными денежными или копеечными штемпелями, до времени Шуйского тоже ходячими деньгами не были и предназначались исключительно для княжеских и царских пожалований, представляя подобие нынешних наградных медалей. Ратные люди обычно пришивали такие знаки отличия на шапку или на рукав кафтана. По древнему обычаю золотые копейки специально чеканились еще для царских венчаний - ими обсыпали царя по выходе из Успенского собора.

Рис. 81. Золотые монеты 1610-1612 гг. 1, 2 - золотые копейка и денга Василия Шуйского, 3 - копейка Владислава.

Шуйский выпустил в обращение золотые денги и золотые копейки того же вида и веса, что и серебряные, но в соответствии с рыночной ценой золота вдесятеро дороже серебряных. Таким образом, появились новые русские монеты достоинством в 10 и в 20 денег (т.е. в 5 и в 10 сотых рубля), а «угорский» (венгерский) червонный дукат, по весу соответствовавший пяти копеечным монетам (около 3,4 г), шел за полтину. Таким образом, первый «гривенник» и первый «пятак» были золотыми монетами. Через несколько недель после рассылки указа о новых монетах Шуйский был низложен. Чеканка золотых копеек в течение некоторого времени была продолжена в Москве интервентами, захватившими в свои руки драгоценности царских сокровищниц и храмов. Изгнание интервентов положило конец этому вынужденному начинанию в русском денежном обращении.

[1] Древнерусские золотые слитки известны и дошли до нас в небольшом числе памятники письменности позволяют признать и их платежными единицами.

Реформы царя Алексея Михайловича. Более широкой по масштабу, но очень неудачной и тяжелой по последствиям оказалась попытка перестроить русское денежное хозяйство, предпринятая отцом Петра, царем Алексеем Михайловичем.

Сперва, в начале 1654 г., было решено, оставив в обращении старые серебряные копейки, в дополнение к ним выпустить неполноценные рублевые монеты, перечекая у иностранных купцов талеры, на которых предварительно сбивались изображения и надписи. Кроме рублей, выпускались полуполтины (1/4 рубля = 25 копеек), которые чеканились на секторах разрубленных начетверо талеров. Таким образом, серебряный рубль 1654 г. фактически равнялся 64 старым копейкам, а полуполтина - 16 копейкам. Одновременно была начата чеканка «медных ефимков» - круглых полтинников (50 копеек). Авторы реформ 50-х гг., поверхностно знакомые с обращением медной монеты в других государствах, находили опору в наивной «теории» о всемогуществе царя, когда решили превратить медь в серебро. Кроме того, чеканились круглые медные монеты низших достоинств, кончая алтыном (3 копейки) и грошем (2 копейки). Из этих медных монет до нас дошли только полтины.

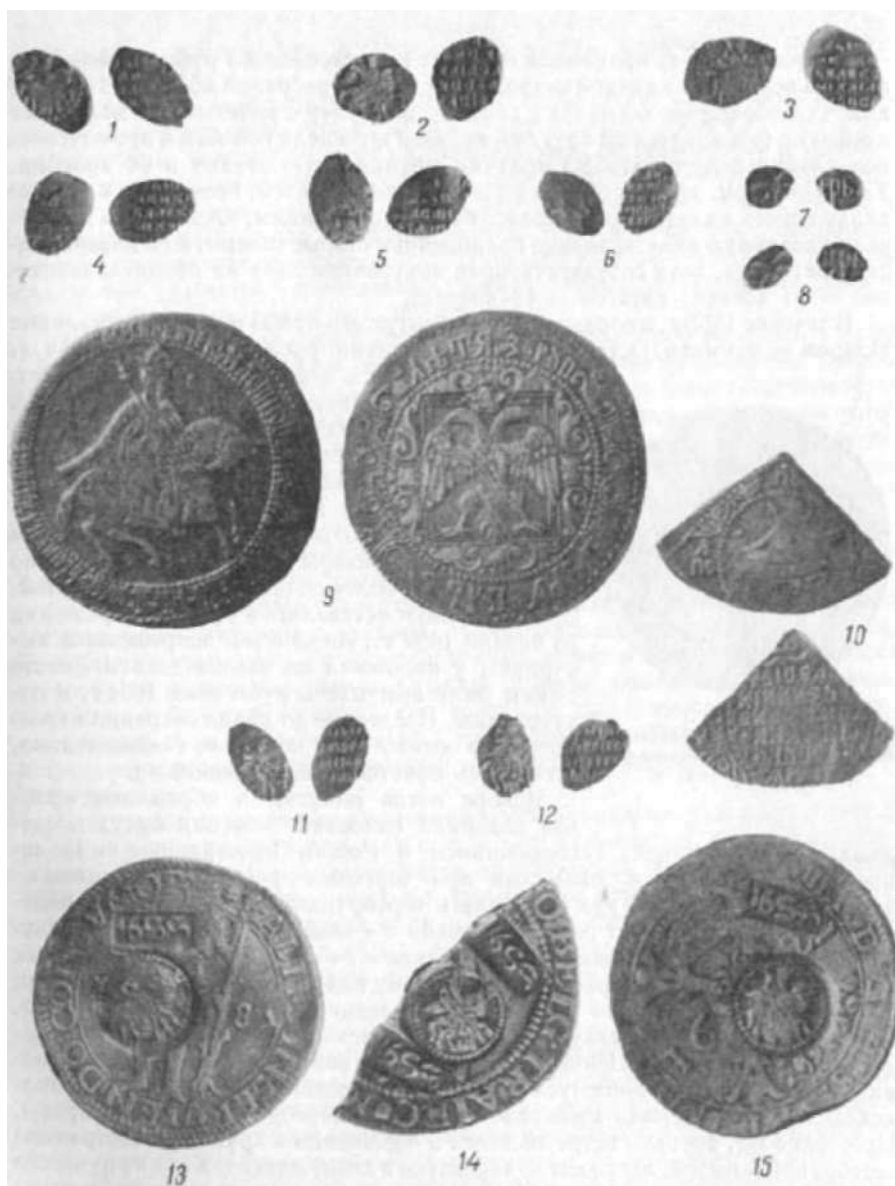

Рис. 82. Серебряные монеты царя Алексея Михайловича. 1-5 – московские копейки 1645-1676 гг., 6 – деньга, 7, 8 – полушка, 9 – рубль 1654 г., перечеканен из эльзасского талера эрцгерцога Леопольда, 10 – полуполтина 1654 г., 11, 12 – копейки Новгородского денежного двора, не ранее конца 1655 г., 13 и 15 – ефимки 1655 г. – Брауншвейг-Вольфенбюттель, герцог Юлий, 1587 г., и Брабант, Филипп IV, 1622 г., 14 – полуефимок.

Налоговые платежи за прошлые годы должны были уплачиваться только в старой монете. Обращение новой медной монеты допускалось лишь в европейской части России, но в Сибири любые платежи должны были производиться обязательно в серебре как старого, так и нового образца.

Московский монетный двор с его отсталой ручной техникой не сумел освоить производство круглых монет. Построенные для этого «молотовые снаряды», действовавшие силой падающей тяжести, быстро ломались и выходили из строя; очень быстро разбивались и штемпели. Чеканка любых круглых монет, серебряных и медных, вскоре была прекращена, а из меди делали только алтыны и гроши, но их стали чеканить по старому испытанному способу - на расплющенной проволоке.

В начале 1655 г. произошел отказ от неполноценного рубля и монетная система вернулась к единой метрологии старой серебряной копейки. Начался выпуск в обращение «ефимков с признаком». Талер с выбитыми на нем двумя клеймами (обыкновенный круглый лицевой штемпель копейки и прямоугольное клеймо с датой «1655») получил официальную оценку в 64 копейки. Таким образом, ефимок был уже полноценной монетой, поскольку и при чеканке копеек из него выделялось 64 штуки. Впрочем, клеймились и получали указанную цену не только полноценные старые талеры, но и нидерландские патагоны, хотя государственная закупочная цена их различалась (талер - 50 копеек, патагон - 48 копеек).

Рис. 83. Ефимок с фальшивым клеймом. Гельдернский левендальдер 1641 г.

В течение 1655 г. в обращение было выпущено от 800 тысяч до 1 миллиона талеров - ефимков. Оставшиеся в обращении рублевые монеты 1654 г. были приравнены в цене к ефимкам. На Монетный двор от поставщиков иногда поступали в партиях талеров их половинные обрубки. Они тоже получали клейма и ценились в половину ефимка, т.е. в 32 копейки. Надчеканка талеров прекратилась в том же 1655 г. или в самом начале 1656 г. Среди почти тысячи известных нам ефимков многие талеры датированы 1655 г., но нет ни одного с более поздней собственной датой. Однако ефимки оставались в русском обращении до начала 1659 г., когда были запрещены и выкуплены у населения на медные деньги. Вместе с ними были выкуплены рублевики 1654 г. и полуполтины. Последние до конца сохранили свою условную оценку в 25 копеек и, следовательно, оставались монетами неполноценными.

Вскоре после выпуска в обращение ефимков возникли опасения, что они будут подделываться за границей. Находящимся в России иностранцам было запрещено пользоваться ефимками при торговых расчетах; единственно законной монетой для них оставалась серебряная копейка. Известно несколько типов довольно редких ефимков с фальшивыми клеймами.

Большинство фальшивых ефимков надчеканено на левенталерах - крупных серебряных монетах, по размеру и внешнему виду сходных с полноценными талерами, но значительно уступавших последним по содержанию серебра. Русское правительство закупало и их, но главным образом для целей ювелирного производства. Ценились они около 38 копеек и имели особое название «лёвок» (по находившемуся на них изображению льва). От «лёвок» происходит русский термин «лёвковое серебро» - серебро пониженной пробы. Население же, впервые встретившееся в обращении с крупной иностранной серебряной монетой, легко могло вводиться в заблуждение. Хотя из русского обращения клейменные ефимки были изъяты, они надолго остались в обращении на Украине, в кладах которой встречаются довольно часто. В русских документах середины XVII в., кроме названия «ефимок», встречается термин «тарель».

В конце 1655 г., по-прежнему не отменяя обращение серебряных копеек и даже продолжая чеканить их вновь, правительство начало выпуск в обращение медных копеек, по виду не отличавшихся от серебряных и приравненных к последним в цене. Из пуда меди выдвигалось копеек на 400 рублей. В 1656 г. обращение медных копеек было распространено и на Сибирь, а производство их приняло огромный размах. На Монетном дворе, созданном в связи с проведением реформы и получившем название Английского, так как он был размещен в помещениях бывшей Английской компании, день и ночь работало несколько сот человек.

В отличие от новой серебряной монеты, которая производилась только в Москве, медные копейки и алтыны чеканились также на денежных дворах Новгорода и Пскова, которые специально для этой цели были восстановлены (известно, что в Новгороде чеканились и серебряные копейки). Кроме того, медные копейки в течение нескольких лет чеканились во взятой у шведов в 1656 г. крепости Кукенойс (Кокенгаузен), которая была переименована в Царевичев Дмитриев городок. На этих копейках под конем стоит знак ^\^

До 1663 г. медные копейки, выпускавшиеся в огромном количестве, находились в обращении, постепенно падая в цене по сравнению с серебряными и все же давая государству средства для ведения тяжелой войны за воссоединение Украины с Россией. Но финансовый крах был неизбежен. Спекуляция на разных курсах серебряных монет и обесцененных медных совершенно расстроила рынок. Серебро исчезло; появились и фальшивые копейки, к выпуску которых, как говорили, были причастны высокопоставленные лица, близкие к царю. Около 1659 г. необходимость вернуться к прежней дореформенной системе обращения стала вполне ясной для правительства.

Расстройство рыночных отношений особенно сильно ударило по городскому трудовому и служилому люду и по части купечества, занятой во внутренней торговле. Народ был доведен до отчаяния. Московское восстание 1662 г. - «Медный бунт», жестоко подавленное стрельцами, ускорило решение правительства возвратиться к оставленному за десять лет до этого порядку. Это произошло в 1663 г. ценою ряда чрезвычайных мер в области экономики. Монетная система 1534 г., расшатанная и ослабленная, сохранилась до времени Петра.

Хорошо известны золотые монеты в один и несколько червонцев или в доли червонца, выпускавшиеся при Алексее Михайловиче, Федоре Алексеевиче и при правительнице Софье. Однако платежными единицами они не являлись и служили по-прежнему только для награждений ратных людей. В зависимости от социального положения награждаемых, им вручались золотые разного достоинства - от «португала» в 10 червонцев до крохотной золотой денги, а самые низшие категории ратного люда получали только позолоченные серебряные копейки и денги.

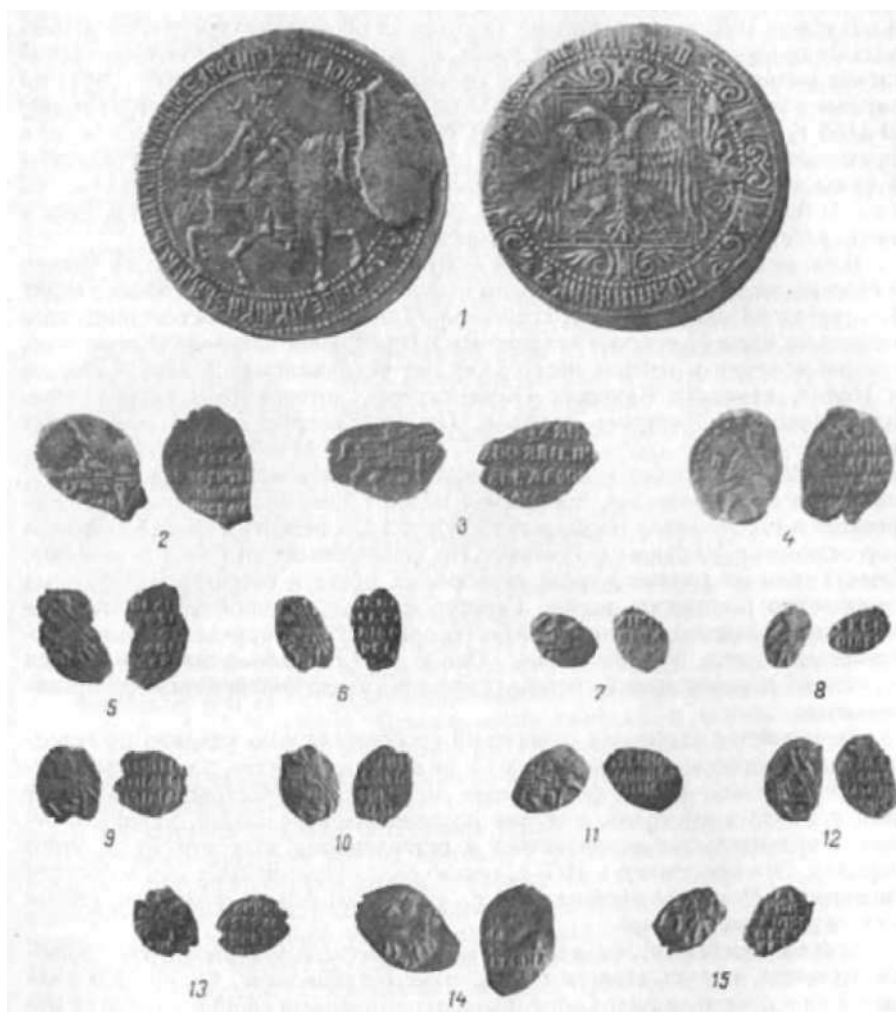

Рис. 84. Медные монеты царя Алексея Михайловича. - полтинник 1654 г., 2,3 - московские алтыны, 4 - псковский алтын, 5, 6 - московские копейки 7,8 - денги, 9, 10 - новгородские копейки, И, 12 - псковские копейки, 13, 14 - копейки Кукенойского денежного двора, 15 - копейка без знака денежного двора.

Золотые «монеты» Алексея Михайловича к его реформе никакого отношения не имеют, хотя на некоторых из них впервые встречается дата, обозначенная как и на «ефимках», по новому, цифирью - 1654: они предназначались для массового награждения казаков войска Богдана Хмельницкого.

Медные копейки были последней продукцией обоих периферийных денежных дворов Русского государства - Псковского и Новгородского. После восстановления серебряного обращения они свою работу уже не возобновляли, и Москва надолго стала единственным местом чеканки русской монеты.

Причины реформы 1654 г. В нашей исторической литературе в течение долгого времени начало реформы Алексея Михайловича по недоразумению относили к 1656 г., вопреки показанию самих монет, на которых обозначен 1654 г., а причину ее видели только в вызванных войной за Украину финансовых затруднениях. Но реформу 1654 г. нельзя рассматривать изолированно от важнейшего исторического события 1654 г. - воссоединения Украины с Россией. Хотя в так называемых «Статьях Богдана Хмельницкого» правительство подтверждало признание некоторых прежних «вольностей» и особенностей государственного хозяйства Украины, обновление денежной системы Русского государства диктовалось теперь новой политической обстановкой.

Рис. 85. Золотые - жалованные монеты за ратные подвиги XVI-XVII вв. 1-3 - угорские (дукаты) Федора Ивановича, Бориса Годунова и Алексея Михайловича, 4 - португал (10 угорских) Алексея Михайловича, 5 - золотой в $\frac{1}{4}$ угорского для войска - Богдана Хмельницкого. 6 - золотой для участников Крымских походов 1687 и 1689 гг.

Как ни неудачен был общий замысел реформы в целом, за ним все же угадывается совершенно правильное намерение русского правительства - без замедления приступить в 1654 г. к созданию такой монетной системы, которая способна была бы распространиться на Украину и заменить обращающуюся там польскую монету русской, что было совершенно неизбежно. Об этом намерении свидетельствует первоначальное решение ввести в обращение рублевый талер. Единственным реальным результатом реформы в части денежного обращения явилось допущение в него талера, но уже не в виде рубля, а в виде ефимка; а именно талер и был основной полноценной единицей денежного обращения Украины. На рублевике 1654 г. и на ряде типов других монет того же времени впервые был помещен новый «малороссийский» титул царя.

Неудачный исход реформы оставил нерешенным вопрос и о денежном обращении Украины и о преодолении привычки ее населения к польской монете, которой пользовались наравне с русскими копейками.

Севские чехи. К концу XVII в. относится несмелая попытка противопоставить обращению иноземной монеты на Украине подобную польской особую русскую «областную» монету, специально предназначенную для этой цели, - так называемые чехи. Наряду с соображениями политического характера сыграл в этом начинании свою роль и расчет на доход от чеканки низкопробной монеты, в которой серебро составляло бы только четвертую часть.

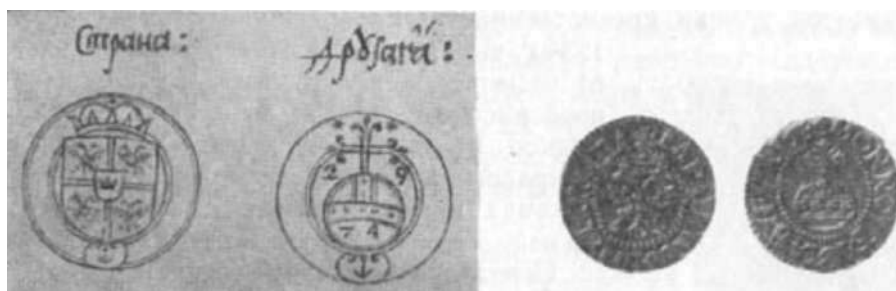

Рис. 88. Проектный рисунок «путивльского» чеха 1675 г., и севский чех 1686 г.

Выпуск чехов начали подготавливать еще при Алексее Михайловиче около 1675 г. в Путивле, но осуществить его удалось лишь в правление царевны Софьи в 1686 г. на устроенном в г. Севске монетном дворе. Для вырезывания штемпелей разыскали человека, ранее занимавшегося этим делом на службе у гетмана Дорошенко, который одно время имел монетный двор в с. Лысянка на Киевщине для чеканки поддельной польской монеты. На «чехах» обозначалось место чеканки - г. Севск, а длинная надпись - титулы и имена Ивана и Петра Алексеевичей - была передана латинскими начальными буквами всех слов. Кратковременная чеканка чехов производилась, по-видимому, способом «вальцверк», больше никогда в России не применявшимся (прокатка тонкой полосы металла между валками, на которых выгравированы штемпельные изображения лицевой и оборотной сторон).

Рис. 89. Серебряные копейки. 1,2 - Федора, 3 - Ивана к 4, 5 - Петра Алексеевичей (до 1696 г.).

Последствия реформ 1654-1663 гг. Народ надолго запомнил медные деньги Алексея Михайловича и сохранил недоверие и неприязнь к ним. Неудачный опыт 50-х гг. оставил будущей реформе дурное наследство, так как предстояло так или иначе ввести в обращение разменную медную монету. Однако, говоря о зависимости, существовавшей между реформами Алексея Михайловича и Петра, нужно отметить, что в некоторых отношениях между ними имеется полная преемственность. Возвращение к монетной системе 1534 г. выглядело как отступление правительства от намеченной программы. Но важнейшим завоеванием реформы было крушение старых порядков и правовых норм в денежном деле. С правом свободной чеканки было покончено. Чеканка монет стала государственной привилегией - исключительным делом государства. Переделка ефимков в копейки теперь давала казне более основательные доходы. Однако иностранные покупатели русских товаров, отдававшие в казну ефимки по цене в 40-50 копеек, тоже не оставались в накладе и получали свою долю барыша. Их доходы и доход государства от чеканки монеты основывались на свирепой эксплуатации крепостных крестьян и занятых в разных промыслах работных людей.

Рис. 90. Шведские медные монеты 1626 и 1628 гг. из клада, открытого в Колтушах близ Ленинграда.

Рубль в последней четверти XVII в . В годы правления старшего брата Петра I - Федора Алексеевича (1676-1682) сохранялся прежний вес копейки; серебряный рубль содержал около 46 г серебра. Очередное снижение веса произошло, по-видимому, в первый год регентства царевны Софьи: вес серебра в рубле понизился до 38 г. Серебряные монеты - копейки и денги - выпускались отдельно от имени каждого из братьев-царей, Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича. Вероятно, это объясняется тем, что традиционное изображение всадника на монетах считалось изображением государя, а монетная легенда - как бы истолкованием этого изображения. Эта же практика продолжалась, по-видимому, до смерти Иоанна Алексеевича (1696), когда Петр стал единовластным государем.

В последней четверти столетия вблизи Нерчинска была открыта серебряная руда и началась ее разработка. Новое производство осваивалось с большими трудностями, и добыча в течение многих лет оставалась совершенно ничтожной. Производство монеты по-прежнему полностью зависело от ввоза серебра из-за границы.

Смешанное обращение . К концу XVII в ., помимо сохранявшихся особенностей денежного хозяйства Украины, где существовало смешанное обращение иноземной и русской монеты, такое же явление, но в менее ярких формах, наблюдается на западе, в находившейся под властью Польши Белоруссии. Как показывает состав многих кладов, ее население знало русскую монету и пользовалось ею.

Длительная борьба Русского государства за исконные русские земли на северо-западе страны наложила заметный отпечаток на местное денежное обращение, в котором «переслаивались» то русские, то шведские монеты. Временами возникало и смешанное обращение, например, талеров вместе с копейками.

Такой смешанный клад происходит из Пулкова . Известно большое число «чистых» кладов серебряных копеек XVI - XVII вв. и кладов медных шведских монет XVII в., обнаруженных в Ленинградской области.

Мордовки. Во многих коллекциях можно встретить грубые подражания допетровским монетам, изготовлявшиеся из грязно-серого металла, а изредка и из серебра, и почти всегда проколотые. У собирателей они получили название «мордовки» - по имени одного из народов Поволжья. «Надписи» на них обычно не читаются: это просто орнамент, составленный из подобия букв. Производство их в Поволжье породило потребность в привычных, традиционных украшениях для одежды, ставшая ощутимой, вероятно, еще в XVII в., когда серебряная копейка сильно измельчала, и особенно возросшая после реформы Петра I. Восходя как к прообразу к монете, эти подражания в местной среде, в Поволжье, имели по-видимому, даже платежное применение (разумеется, неофициальное) и поэтому встречаются там и в виде кладов. Однако немногие виды наиболее старых «морденок» из хорошего серебра могут относиться еще к последним временам Казанского ханства, где потребность в русской монете временами вызывала производство полноценных подражаний за счет местных ресурсов серебра. Такие подражания встречались в кладах Поволжья времени Грозного.

Рис. 91. Кадашевский монетный двор. Открыт в 1701 г. Рисунок конца XVIII в .

РЕФОРМА ПЕТРА I и РАЗВИТИЕ РУССКОЙ МОНЕТНОЙ СИСТЕМЫ

Значение реформы. При Петре I эксплуатация «монетной регалии» получила характерные для абсолютной монархии черты. Борьба за монопольное обладание монетным металлом и за управление денежным обращением в интересах государства приобрела гораздо более последовательный и острый характер, чем прежде. Доходной и вполне безопасной статьёй стала чеканка неполноценной медной монеты.

Значение денежной и монетной реформы Петра в истории России начала XVIII в. огромно. Достаточно сказать, что она быстро положила конец обособленности денежного обращения Украины. «Монету старовечную польскую зо всей Малой России ... вывел и выгубил ; ... а на то место своею медной и серебряною , дробною и твердою (т.е. мелкой и крупной) красным кунштом изданною наполнил Малую Россию монетою» - записал о Петре украинский летописец XVIII в. С. Величко. Точно так же эта реформа смело решала вопрос и о быстрейшем включении экономики Прибалтики в русло экономики Русского государства. Военная обстановка, перевооружение армии, создание флота, строительство каналов и гаваней, большие закупки за границей, приглашение иностранных специалистов, посылка за границу в выучку русских людей и множество других небывалых прежде расходов требовали огромного напряжения государственного бюджета и создавали неблагоприятную обстановку для осуществления реформы. В то же время старая монетная система и вся организация денежного дела в стране стали уже совершенно нетерпимыми в новых условиях жизни.

Денежный кризис конца XVII в . К концу XVII в. серебряная копейка, ставшая в результате нескольких снижений веса крохотной монеткой, совершенно не в состоянии была удовлетворять требованиям рынка. Крупные платежи копейками требовали огромной затраты времени на счет; в то же время для рыночной мелкой торговли копейка была все еще слишком ценна; выпуск же более мелких монет (денег) при ручной чеканке делался все более невыгодным для казны, и их почти не чеканили. Поэтому в конце XVII в . для нужд мелкой торговли на рынках, в кабаках и т. п. население повсеместно стало резать копейки на части: легкие, новые - пополам, более тяжелые, старые - натрое; получалась денга. Кое-где появились как знамение кризиса выпускавшиеся по частной инициативе местные денежные суррогаты вроде «кожаных жеребьев» - клейменых кусочков кожи.

Рис. 92. Кожанный жеребей конца XVII в .

Допустимо предположение, что «кожаные жеребья» первоначально возникли в XVII в. как марки, которыми городское население отчитывалось перед властями в выполнении таких городских повинностей как, например, поддержание в порядке земляных укреплений и т. п. Подобные городские марки, причем не всегда даже металлические, хорошо известны в быту Западной Европы XVI - XVIII вв. На такое значение кожаных жеребьев может указывать весьма единообразный характер всех известных сообщений о их находках: кожаные жеребья находились каждый раз в большом количестве - то в Воронежском цейхгаузе, то при разборке городской стены в Серпухове, то в Новгороде, то в Александрове. Одно из сообщений касается находки в монастыре, что может указывать и на «вотчинный» характер этих знаков.

Вполне понятно, что в условиях замкнутой городской жизни подобные марки могли приобретать ограниченное местное платежное значение. Фактически такого же рода отчетными марками, только уже общегосударственного характера, были известные борозовые знаки 1699-1705гг.; позже такие марки получили широкое распространение на государственных и частных заводах под названием «угольных печаток». До того, как вошли в употребление металлические «печатки», на уральских заводах в первой половине XVIII в. они изготовлялись из бересты, а также и из кожи.

К сожалению, дошедшие до нас «кожаные жеребья» за немногими исключениями не внушают большого доверия, так как когда в 20-30-х гг. XIX в. возник запоздалый интерес к ним, один известный петербургский фальсификатор стал снабжать коллекционеров жеребьями собственного производства.

Для страны, вступавшей на путь больших преобразований, ее архаичное денежное хозяйство стало серьезной помехой, а обращение иноземной монеты на Украине, ставшей ареной активных происков враждебных единству русского народа сил, превратилось в проблему политического порядка. Только располагая совершенной и гибкой монетной системой, правительство могло установить единство русского денежного обращения на всей территории многонациональной России. Чтобы удовлетворить потребности крупной «коммерции» и обеспечить повседневную связь с рынком быстро возраставшей массы городского трудового люда, стала совершенно необходимой развитая монетная система во главе с крупной основной единицей типа международной торговой монеты того времени - талера, с разменной серебряной и с мелкой медной монетой наименьших достоинств. Реформа денежного хозяйства становилась одним из условий, определявших успех целого ряда преобразований начала XVIII в .

Рис. 93. Бородовые знаки 1699 и 1705 гг. и заводские марки («угольные печатки») Кончезерского завода 1772 г. и Екатеринбургского монетного двора 1826 и 1830 гг. Приписанные к промышленным предприятиям крестьяне отчитывались такими марками в выполнении «урока» по заготовлению и доставке древнего угля.

Подготовка реформы . Подготовка к проведению реформы началась во второй половине 90-х г. XVII в. За основу новой монетной системы были приняты, как и при Алексее Михайловиче, медная копейка и серебряный рубль. И та и другой вошли в систему последними, появившись «в натуре» только в 1704 г.; но ряд предшествовавших их появлению начинаний убедительно свидетельствует о том, что уже в конце 90-х г. XVII в. контуры будущей системы были вполне ясны, существовал довольно четкий план предстоящих операций и был окончательно решен вопрос о весе нового рубля: был избран тот же, на котором некогда остановилось правительство Алексея Михайловича - вес талера.

Таким образом, была вновь поставлена та же стратегическая задача, что и в 1654 г.: уменьшить количество серебра в рубле. Однако тактически она решалась совсем по-иному. Отложив на несколько лет введение рублевой монеты нового веса и медной копейки, Петр начал с уменьшения веса старой серебряной копейки, которая была реальной основой старого рубля. Вес рублевой монеты 1704 г. был предрешен еще в 1698 г., когда произошло последнее по счету снижение веса серебряной «проволочной» копейки: сто новых копеек 1698 г. по весу уже соответствовали талеру и будущему рублю (около 28 г; приблизительно 25-26 г чистого серебра).

Установление веса, а затем и типа талера для рубля - один из «неотразимых» доводов в пользу заимствования Петром монетной системы с Запада. На деле же в условиях установления все более прочных и постоянных связей русского рынка с рынками Западной Европы, где талер был основной единицей в международной торговле, приведение русского рубля к весовой норме международной торговой монеты было лишь мерой, которая утверждала самостоятельность новой системы и вводила последнюю в круг европейских монетных систем на правах равенства.

Для Европы русский рубль был полноценным талером; внутри страны рублевик Петра был принявшим материальную форму русским рублем. Структурно же рубль не имел ничего общего с талером.

Рис. 94. Датированные серебряные копейки 1696-1699 гг.

Введение медной монеты, так дискредитированной предшествовавшей реформой, явилось серьезнейшей проблемой политического характера. Именно в этой части реформа открылась народу ранее всего и затянулась на наибольший срок. Памятуя «Медный бунт», много свидетелей которого еще было в живых, Петр должен был проявить большой такт, чтобы преодолеть вполне понятное недоверие народа к медной монете. Еще в 1696 г. на всех крохотных серебряных копейках стали помещать дату их выпуска. Значение это малозаметного нововведения раскрылось, когда, начав в 1700 г. выпуск медных монет достоинством меньше копейки, Петр не прекратил обращение датированных серебряных копеек старого образца. Чеканились они и в 1704 г., когда в денежное обращение вошла новая, медная копейка.

Ход реформы. Предусматривая создание развитой монетной системы, включавшей много различных новых серебряных монет, и ведя энергичную подготовку их производства, вплоть до изготовления пробных образцов полтин в 1699 г., Петр, однако, начал с выпуска медной монеты и монетный двор для ее чеканки был создан ранее всего. В 1700 г. в обращение вошли круглые медные денги, полушки и полуполушки (1/8 копейки) машинной чеканки. Возможно, что выпуск новой медной монеты, прежде серебряной, диктовался еще и необходимостью высвободить таким путем из обращения и накопить некоторый запас крайне дефицитного серебра для нового производства.

Выпуску медных денег и полушек в 1700 г. предшествовало оповещение о нем населения. В людных местах были вывешены листы с текстом царского указа о новых монетах. Этот же указ читался после богослужений в церквях и в течение многих дней «кликался» бирючами на рынках. В указе говорилось, что новые монеты выпущены исключительно для облегчения мелкой торговли и гарантировалось полное равенство их и серебряных копеек перед казной. Названная в указе наиболее мелкая монета - полуполушка - в обращении не привилась, вероятно, вследствие невыгодности ее чеканки, но объявление о ее выпуске лишь подчеркивало ведущее положение старой, привычной народу серебряной монеты.

Указ 1700 г. совершенно не раскрывал дальнейших намерений правительства. Однако год спустя после появления медной «мелочи», в 1701 г., начал работать еще один новый монетный двор, и в обращение вышел ряд новых, на этот раз только серебряных монет — полтина, полуполтинник, гривенник (гривна) и десять денег (полугривна). Рубля все еще не было, как и медной копейки. Копейка 1701 г. и последующих выпусков оставалась серебряной и по-прежнему чеканилась из проволоки.

Лишь в 1704 г. появилась, наконец, медная большая копейка с таким же изображением и с такой же славянской датой, как на серебряной. В том же 1704 г. начался выпуск и первых серебряных рублевиков. На некоторых экземплярах этого и следующих годов заметны остатки заглаженных изображений и латинских надписей, которые принадлежат различным талерам; может встретиться и сохранившаяся гуртовая надпись талера. Перечеканка упрощала и удешевляла на первых порах сложное производство крупной монеты, так как талеры служили готовыми кружками для чеканки; отпадал ряд трудоемких операций, связанных с потерями и отходами металла.

Рис. 95. Пробные полтины 1699 г.

Таким образом, главные единицы новой монетной системы - медная копейка и серебряный рубль - заняли давно приготовленные для них места последними, когда в обращении находились уже все остальные монеты системы, если не считать круглый алтын, который тоже начали чеканить только в 1704 г.

Еще 14 лет продолжалось сосуществование старой, допетровской монетной системы в виде ежегодно выпускавшихся датированных «проволочных» копеек и вполне сложившейся к 1704 г. новой. Снова, как пятьдесят лет тому назад при Алексее Михайловиче, в обращении одновременно находились и серебряные и медные копейки, но на этот раз их взаимоотношение было совершенно иным: серебряная копейка стала «лидером» - своего рода гарантией медной, последняя же теперь была одной из многих медных и серебряных монетных единиц новой системы. Надолго затянувшуюся чеканку дореформенной монеты приходилось терпеть. Отношение самого Петра к этому лучше всего показывает посвященное вопросам реформы его письмо к Меншикову, в котором высказывается надежда «вскоре покончить со старыми вшами», т.е. с серебряными копейками.

Рис. 96. Медные монеты 1700 г. - денга , полушка и полполушки.

Медная чеканка удовлетворяла острую потребность в мелкой разменной монете, высвобождала из обращения часть серебра для чеканки более крупной монеты и в то же время открывала перед государством, почти не имевшим собственной добычи серебра, серьезные финансовые возможности. В течение многих лет «подбирался» наиболее прибыльный для казны и в то же время терпимый вес медных монет. В 1700 г. из пуда меди чеканили монет на 12,8 рубля. В 1702г. это количество было увеличено до 15,4 рубля, в 1704г. чеканилось уже на 20 рублей, а с 1718 г. - на 40 рублей из пуда!

Рис. 97. Серебряные монеты 1701 г. 1 - 4- полтина, полполтины, гривенник и десять денег.

Довольно рано начались серьезные затруднения, неизбежные при постоянном недостатке в казне денег. Они проявлялись в различных нормах отпуска медных и серебряных монет для тех или иных выплат из казны и приема их в казну. «Деньги медные держать в расход и давать жалованье тем, которые живут в Москве..., а монеты (т.е. серебро, - И.С.) на жалованье в полки посылать...», говорится в одном указе. Но маневрируя массами медных и серебряных монет, казна более или менее своевременно пресекала возникновение разных курсов для серебра и меди. Медные монеты завоевали равенство с серебряными. В начале 1718 г. чеканка серебряных копеек была, наконец, прекращена. Они сделали свое дело; выпуск их в последние годы носил чисто символический характер. Штемпели было приказано «перевести» - уничтожить. Самой мелкой серебряной монетой надолго, вплоть до XX в., стал серебряный пятачок, так как серебряный алтын быстро прекратил свое существование.

Начиная с 1713 г. состоялось несколько выпусков серебряных круглых копеечек нового образца. Это можно поставить в связь с намерением сократить расход высокопробного серебра на чеканку проволочных копеек, поскольку при машинной технике содержание его в монетах можно было уменьшать беспрепятственно, а проволока из низкопробного серебра очень плохо тянулась и обрывалась. Поэтому на чеканку старых копеек приходилось употреблять сравнительно высокопробное серебро.

Обстоятельства, сопутствовавшие полному прекращению выпуска серебряных копеек, напоследок с чрезвычайной наглядностью показывают избранную для них при проведении реформы роль «двойника» и проводника медной копейки. В 1718г. одновременно с прекращением выпуска серебряных копеек прекратилась и чеканка медных; известны лишь пробные экземпляры некоторых годов. Таким образом, «низвержение» серебряных копеек было замаскировано тем, что прекращалось существование самого номинала. Выпуск в обращение медных копеек возобновился при Петре II.

Рис. 98. Серебряный рубль и медная копейка 1704 г.

Рис. 99. Рубли 1704 г. 1 - перечеканка талера, 2 - перечеканка русского ефимка 1655 г.

Рис. 100. Алтыны. 1 - 1704, 2 - 1714, 3 - 1718 гг.

На 1718 г. падает наиболее серьезная перемена в деле выпуска медной монеты: как говорилось выше, из пуда меди вместо 20 рублей (копейки, денги и полушки 1704-1718 гг.) стали выделывать монеты на 40 рублей, при цене пуда меди, не превышавшей 5 рублей, причем чеканилась уже только тонкая и маленькая полушка, а в 1723 г. началась чеканка гораздо более выгодных для казны медных пятак. Новый вес оказался неприемлемым и позже был изменен, так как в стране появилось огромное количество поддельной монеты, которая главным образом ввозилась тайно из-за границы.

Хорошо известны медные денги Анны Иоанновны со следами их перечеканки из копеек 1704-1718 гг.: вес медной монеты был увеличен ею сразу вчетверо. В 1730 г. из пуда меди стали чеканить монеты только на 10 рублей.

Рис. 101. Круглые серебряные копейки 1714 и 1718 гг. и пробный серебряный грош 1727 г.

Появившийся в 1704 г. круглый серебряный алтын (3 копейки) после 1726 г. не чеканился. В виде медной трехкопеечной монеты алтын возродился в нашей монетной системе только в 40-х гг. XIX в.

В конце правления Петра в серии медных монет появилась (только в виде пробы) двухкопеечная медная монета, которая во второй половине XVIII и в начале XIX в. заняла очень заметное место в денежном обращении, даже оттеснив на время на задний план копейку. Впервые же двухкопеечную монету пытались чеканить, как указывалось выше, в серии медных монет Алексея Михайловича 1654 г. Ее упоминаемое в указах название тогда было «грош», хотя на самих монетах предполагалось писать «четыре денги». Название «грош» находится на первых круглых двухкопеечниках 1724 и 1727 гг. Народ предпочитал его и тогда, когда номинал стал обозначаться «две копейки».

Все основные номиналы новой монетной системы вошли в обращение с 1700 по 1704 г. включительно. В дальнейшем, при Петре, а отчасти и при его преемниках, продолжалось лишь развитие системы, имевшее целью придать ей наибольшую гибкость. В образовании этой монетной системы гармонично сочетались два арифметических принципа: родившийся в недрах русского денежного счета десятичный принцип соотношения номиналов (рубль-гривенник - копейка; производные - «пятигривенный» - полтина и двугривенный) и такой же традиционный принцип образования дробей по законам «сошной» арифметики, где линия дробей конструировалась путем последовательного деления пополам (рубль - полтина - четвертак; гривенник - десять денег и пятак; копейка - денга - полушка - полполушки).

Наиболее существенным пополнением петровской монетной системы явились введенные в 1760 г. серебряные пятиалтынный (15 копеек) и двугривенный (20 копеек). В правление Анны чеканка пятака прекратилась, но со времени Елизаветы он вновь утвердился в русской системе, не вытесняя из нее серебряного пятачка. Этот номинал дублировался в двух металлах в течение XVIII, XIX и начала XX в.

Денежный счет. Первое официальное название серебряного петровского пятачка 1701 г. «десять денег» было наиболее очевидным проявлением допетровского денежного счета. Однако десятичная монетная система скоро положила конец старому счету на денги и алтыны. В течение нескольких лет он сошел на нет. Имеется указание, что в 1721 г. Петр запретил государственным учреждениям упоминать в счете алтын. Только теперь, наконец, получила счетное значение копейка. Считать деньги стало гораздо проще: денежные суммы выражались только в рублях и копейках. Однако ни полтина, ни гривна, ни четвертак не перестали служить дополнительными счетными понятиями после появления соответствующих им монет.

Рис. 102. Грош 1724 г., копейки 1724 и 1726 гг. и гроши 1727 г. Пробы.

Чисто пережиточная форма счетного значения слова «полтина» сохранилась в выражении «два (три и т. д.) с полтиной»; при этом вовсе не предполагается целая монета. Точно так же в нашей речи сохранилась пережиточная древняя форма выражения некоторых именованных неправильных дробей - при определении времени («полвторого», «полтретьего» и т. д.). Когда-то половину всегда выговаривали прежде целого: «полтретья рубля» - два с половиной рубля. Этот способ выражения закрепился в слове «полтора» («полвтора»).

Следствием денежной реформы Петра была последняя реконструкция русского «арифмометра» - счётов: вторая «денежная» доска стала излишней и теперь любой счет можно было вести на косточках одного «ящика». Конструкция ящичных счетов сохранилась до начала XIX в., пока не была окончательно вытеснена рамной.

Рис. 103. Копейка 1728 г. и медный пятак 1730 г. - последнего года чеканки на 40 руб. из пуда меди.

Названия монет. Одновременно с появлением новых русских монет рождались и названия для них, которые подчеркивали различие между привычным счетным понятием и новым явлением - монетой. Некоторые из этих новообразований сразу же попали в монетные надписи. От слова «рубли», впервые написанного на монете, как мы помним, еще в 1654 г., произошло название «рублевик». Оно встречается на монете 1710г. и в гуртовых надписях разных лет («гурт», «гуртик» - кромка монеты в виде узора, надписи или гладкой грани). В XVIII в. для наиболее крупной серебряной монеты возникло народное название «целковый», «целковик» (в Сибири - «целкач»). Интересно отметить, что впервые название «целковый» встречается в украинских документах начала и середины XVIII в.; тогда как в русских употреблении его ранее начала XIX в. проследить не удалось. Слово «целковый» долго употреблялось в составе выражения «рубль-целковый», т. е. рубль не россыпью серебряных копеечек, как прежде, а в одной монете.

От слова «гривна» произошли названия «гривенник» (на монетах XVIII в.), полугривна (5 копеек) и двугривенный (существует до настоящего времени как народное название); от «алтын» - алтынник и пятиалтынный (также сохранившееся донныне название). Указ 1704 г. предписывал поместить на пятнадцатикопеечной монете, которая выпущена не была, надпись пятиалтынник.

Рис. 104. Рубль 1710 г. с надписью «рублевик» и полтина 1707 г. с надписью «полтинник».

Название полтинник появилось еще в 1654 г. на медной монете Алексея Михайловича. Оно встречается во многих гуртовых надписях первой половины XVIII в., а на самой монете только в 1707 г., но на других петровских монетах и на монетах многих следующих правлений надолго привилась надпись полтина. В конце XIX в. название вообще исчезает: номинал обозначается «50 копеек». Название один полтинник снова встречается только в 1924 г. в монетной системе СССР. За монетой с длинным официальным названием полуполтинник (полуполтина) прочно закрепилось народное название четвертак.

В тех случаях, когда помещалось неизменным принадлежащее счетной единице старое название, смысл надписи уточнялся добавлением слова «монета»: монета новая цена рубль, монета добрая цена полтина и т. п. Из таких монетных надписей слово «новая» исчезло вскоре, а слово «монета» - только в 1859 г.

На Украине, где наряду с внедрением общей терминологии приспособлялись к новым платежным единицам сохраненные народной памятью старые, привычные термины, создавались и местные новые названия, причем происхождение некоторых из них еще ждет объяснения, например шаг - 2 копейки (до середины XIX в.). Копейка в XIX в. стала шелягом; превратившиеся в чисто счетные понятия третак и шостак соответствовали трем и шести шагам, т.е. 6 и 12 копейкам. Крупный счет долго вели на копу (кіпник), т.е. на полтину - 50 шелягов, но постепенно возобладал рублевый счет с особым названием для этой счетной единицы.

Рис. 105. Гривенники 1704 г. Кадашевского и Красного монетных дворов и пятак 1714 г.

Украинское и белорусское название рубля «карбованец», подобно русскому слову «рубль», родственному глаголу «рубить», восходит к украинскому и белорусскому «карбувать», имеющему близкое, но далеко не тождественное значение - «делать зарубки, насечки» (немецкое Kerbe). Но поиски аналогии в этом, кажется, обречены на неудачу. Вернее всего, что это название появилось только в XVIII в., когда вместо гуртовой надписи на кромке рублевых монет иногда в течение нескольких десятилетий помещалась довольно грубая косая насечка.

Золотые монеты. Рубль в русской монетной системе остался самой крупной из серебряных монет. Попытки выпускать серебряные двухрублевки в конце правления Петра I и при Екатерине I не увенчались успехом [1], и монеты высшего достоинства чеканили из золота, а в XIX в. и из платины.

Рис. 106. «Карбованцы» XVIII в. - екатерининские рублевики с насечкой на гурте.

Неустойчивость цен драгоценных металлов на мировом рынке при ведущем положении серебра в большинстве монетных систем постоянно делал обозначенный на золотых монетах номинал более или менее условным, и они получали официальный или неофициальный биржевой курс. При Петре наиболее ходовой золотой монетой был сперва червонец без обозначения цены, соответствовавший стандарту золотого дуката (3,4 г), а затем двухрублевик весом около 4 г, т.е. очень близкий к золотнику 1/96 фунта). Вероятно с этой монетой связано возникновение поговорки «мал золотник, да дорог».

Рис. 107. Золотые монеты первой четверти XVIII в. 1 - Петр I, двойной червонец 1714 г., 2, 3 - червонцы 1710 и 1716 гг., последний с латинской надписью 4 - червонец Петра II 1729 г., 5-7 - двухрублевики Петра I, Екатерины I и Петра II.

Можно сказать, что только при Петре удалось создать русскую золотую ходячую монету. Петровские золотые решительно утратили наградное значение, когда был налажен выпуск специальных наградных золотых и серебряных медалей. Как воспитательное средство в армии система наградных медалей для поощрения воинских заслуг создана Петром I, который, впрочем, и здесь не был изобретателем, а лишь творчески развил древнюю традицию русского народа. В Западной Европе воинская медаль появилась лишь во второй половине XVIII в., а более широкое применение получила только во время войн с Наполеоном.

Рис. 108. Тинф 1707 г. Рис. 109. Персидский фулюс с русской надчеканкой XVIII в.

Особые монеты . Вне петровской монетной системы остаются выпускавшиеся с 1707 г. серебряные «тинфы» - монеты с русской надписью, но без какого-либо обозначения достоинства. Их чеканили, применяясь к весу и пробе польских тинфов , специально для платежей в Польше. К петровскому времени относят изредка встречающиеся персидские фулюсы начала XVIII в. размером с пятак, на которых выбито очень небрежно выполненное клеймо в виде двуглавого орла. Считается, что во время Низового (персидского) похода 1722-1723 гг. персидская монета на месте клеймилась русским военным командованием. Однако известен ряд документов 1731-1732 гг., из которых видно, что в то время правительство сильно заботил обильный приток фулюсов в южные области страны, так как были опасения, что это предоставляет возможность «ворам из тех кружков делать такие пятикопеечники, которые ныне в народе еще ходят». В этой связи высказывалось подозрение, что подделкой русской монеты занимаются в Дагестане - в Кубачах .

[1] В XIX в. имел место выпуск серебряных полуторарублевых русско-польских монет, равных 10 злотым.

Рис. 110. Медаль на Ништадский мир 1721 г., отчеканенная из «злата домашнего», полученного при переработке нерчинской серебряной руды.

МОНЕТЫ ПЕТРА I. НОВАЯ ТЕХНИКА И СЫРЬЕВАЯ ВАЗА МОНЕТНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Типы монет. Новые русские монеты существенно отличались от прежних более крупным и различным для разных номиналов размером и правильной круглой формой. Внешне они напоминали западные монеты, но их оформление продолжало традицию допетровских. Особенно это касается медной копейки, для которой было сохранено то же изображение, что и для серебряной - «воображение (т. е. изображение) великого государя на коне», как было сказано в указе. На всех остальных медных и серебряных монетах Петра одну из сторон заняло изображение государственного герба - двуглавого орла.

Другая сторона на всех медных и на мелких серебряных монетах Петра I занята строчной надписью с обозначением достоинства и даты выпуска, но на ранних медных кроме того имеются на обеих сторонах еще и круговые надписи, содержащие имя и титул царя, тогда как серебряные оставались анонимными.

На крупных серебряных монетах (от четвертака и выше) герб окружен надписью с обозначением номинала и года выпуска, а на другой стороне надпись (имя и титул) окружает погрудное изображение царя. Портреты Петра I на монетах 1704-1725 гг. представляют чрезвычайно богатый иконографический материал.

На золотых монетах также находится портрет царя. Червонцы чеканились с гербом на другой стороне, а для двухрублевиков было избрано изображение «патрона» петровской России и флота, - стоящего с косым «андреевским» крестом апостола Андрея, именем которого был назван учрежденный Петром в 1698 г. высший орден России.

В конце правления Петра произошли некоторые изменения в типе монет. На рублевиках с 1723 г. герб был заменен крестообразной монограммой, составленной из четырех «П». Народ назвал такие монеты «крестовиками». Такая же монограмма, составленная из начальных букв имени царя, позже помещалась на рублях Петра II и на всех крупных серебряных монетах Павла. На Украине «крестовики» часто употреблялись в качестве «дукача» - женского украшения, носимого на груди на монисте или на ленте.

В том же 1723 г. началась чеканка медных пятак, получивших очень скромное оформление: на одной стороне в центре кружка находится маленький герб, окруженный пятью точками, на другой - крестообразно расположенные надписи - «пять копеек» и год выпуска. Соотношение сторон монет показывает, что это все тот же косой «андреевский» крест.

В связи с уменьшением веса медной монеты полушка стала так мала, что на ней не осталось места для круговой надписи вокруг герба. Самый краткий титул в виде начальных букв **ВРП** («всёя России повелитель») присоединился к надписям противоположной стороны.

На алтынниках 1718 г. вместо герба государственного был помещен московский - всадник с копьём, как на копейках, но колющий змея. Только присутствие змея отличает это изображение от традиционного образа царя в виде всадника, которое по 1718 г. помещалось на копейках. Чеканка последних ненадолго возобновилась при Петре II - уже с московским гербом, а с 50-х гг. и до конца столетия он закрепился на медных монетах всех видов за исключением пятака.

На гурте более крупных серебряных монет Петра обычно обозначалось место чеканки - Москва - и название монетного двора, здесь же повторялась и дата, иногда отличная от помещенной на самой монете (бывало, что использовались старые штампы или старые гуртильные кольца). Помещение надписи или узора на гуртах монет придавало кружкам законченный вид и защищало их от преступного опилования драгоценного металла.

Новые монеты явились проводником нового гражданского алфавита в народные массы. Надписи на них служат доказательством стремления Петра сохранить русское обличье монет. В европейском денежном деле в то время господствовали латинские надписи, особенно на полноценных монетах. В записках ганноверского резидента в Петербурге Вебера сохранилось высказывание самого Петра по этому поводу: один иностранец советовал ему заменить на монетах русские надписи латинскими, которые, по его мнению, были бы гораздо более доступны пониманию в Европе. Петр, вполне в духе идей меркантилизма, возразил, что был бы гораздо более благодарен за совет - как достичь того, чтобы русских монет вообще никогда не видели за границей.

Рис. 111. Медные полушки 1718, 1719 и 1720 гг. с обозначением даты арабскими, славянскими и смешанными цифрами и пятак 1723 г.

За исключением немногих выпусков золотых, все монеты Петра имеют надписи на русском языке. Известны пробные экземпляры медных монет 1700 г. с латинскими надписями; они не были утверждены царем. Памятные и наградные медали Петра, предназначенные для распространения в России, также чеканились с русскими надписями, тогда как целые серии медалей, специально предназначенных для распространения за границей, получали объяснительные надписи на латинском языке. Петр широко использовал медали для провозглашения и истолкования за границей проводимой им политики.

Примечательной особенностью многих мелких петровских монет было двойное - для грамотных и неграмотных - обозначение достоинства - словом и соответствующим количеством точек. Этот прием удерживался еще и во второй половине XVIII в., например, на двугривенных и пятиалтынных Екатерины II, и даже в начале XIX в. - на медных монетах до 1810 г.

Несмотря на то, что еще при Алексее Михайловиче на клейменных ефимках и на некоторых наградных золотых монетах дата обозначалась уже цифирью, петровские монеты долго сохраняли более привычную народу датировку славянскими буквенными обозначениями. Подобно тому, как серебряная копейка служила проводником для медной монеты, славянские цифры вели за собой новую цифирь. На золотых монетах славянская нумерация встречается до 1709 г., но на серебряных и медных она удерживалась до начала 20-х гг. - попеременно с цифирью. Лишь на гуртовых надписях, имевших чисто служебное значение, даты с самого начала были только цифровые. Около 1720 г. на медных полушках встречается смешанная цифирно-буквенная нумерация, например 17К вместо 1720.

Новым в датировке всех петровских монет с 1700 г. было измененное летосчисление. С 1696 г. на монетах обозначался год «от сотворения мира». На части серебряных копеек 1700 г. еще находится дата СН-208 (7208). Но для всех новых монет и для выпускавшихся одновременно с ними проволочных серебряных были приняты даты ~~ацр~~ - 1700, ~~аца~~ - 1701 и т. д. Таким образом, надписи на монетах воспитывали у населения страны привычку к новому летосчислению, а затем и к новым цифрам.

До Петра в русском языке не было слова «монета». Металлические платежные единицы определялись словом «денги». Появившиеся в 1700 г. платежные единицы были чем-то новым, и только к ним сперва пытались относить новый термин. В первое время монетами часто называли даже медали. Однако одна из первых медных монет получила видовое название денга. Это уже вызвало некоторую неуверенность и путаницу понятий, с которой часто приходится встречаться в документах петровского времени.

Русская серия, вошедшая в начале XVIII в. в круг монетных систем Европы, представляла весьма своеобразную картину. В изображениях, надписях, цифрах, в исключительно русских названиях всех новых монет и в небывалой простоте их взаимоотношения очень разносторонне проявился вполне самостоятельный, национальный характер новой монетной системы. Для утверждений о сколько-нибудь существенных заимствованиях из денежного дела Западной Европы нет никаких оснований.

Рис. 112. Рубли 1707 и 1721 гг.

Монетные дворы. Выпуск новых монет разных видов и размеров, правильной формы и точного веса, с применением разных сплавов драгоценных металлов для монетного производства был невозможен без создания новых совсем не похожих на прежние, монетных дворов. Прimitивная ручная чеканка должна была уступить место машинной; чрезвычайно усложнялась работа по подготовке монетного металла. Нужны были соответствовавшие создаваемому производству технические кадры, гораздо более квалифицированные, чем прежде. Перестройка монетного производства была делом большой трудности. Деньги - какие угодно, лишь бы они давали возможность обеспечить ведение войны и большое строительство - были необходимы во все возраставшем количестве. При существовавшей технике производства увеличение выпуска монет достигалось только соответствующим увеличением числа рабочих - плавильщиков, резчиков проволоки, бойцов, которые плющили обрезки проволоки, и чеканщиков.

Рис. 113. Серебряные проволочные копейки. 1, 2 - 7208 = 1700 г., датированные по-старому и по-новому, 3-6 - 1702, 1704, 1712 и 1716 гг.

О монетных дворах Москвы второй половины и конца XVII в. имеется немало сведений, но упорядочение и осмысление их постоянно встречает препятствия в удивительной неустойчивости их названий. В особенности это касается определения «старый», которое в равной мере может относиться и к действующему денежному двору и к подворью, на котором когда-то в прошлом производилась чеканка монеты. Например, известно, что прибывшему в Москву в 1654г. украинскому посольству был отведен для жилья в Китай-городе «Старый денежный двор», где пришлось срочно произвести ремонт кровель, окон и ограды, откуда видно, что помещение перед этим пустовало. В том же 1654 г., но позже, упоминается второй «Старый денежный двор», на котором чеканили монеты: он стал «старым», когда начал работать вновь открытый в связи с реформой «Английский» (на подворьи, где прежде помещалась Английская Компания).

В 1663 г. с прекращением деятельности Английского денежного двора возобновилась работа «Старого», закрытого в 1654 или 1655 г. Но еще в 1660 г. упоминается как действующий «Дворцовый денежный двор», название которого показывает, что он находился на территории Кремля, а в документе, 1670 г. прямо говорится о «Денежном старом дворе» в Кремле. о всей вероятности, к территории Кремля относится и случайное упоминание 1686 г. о Нижнем саде, «что на Старом денежном дворе», так как там находились нижний и верхний Набережные сады. Название «старый» показывает, что в течение ряда лет был и какой-то «новый» денежный двор.

В то же время на плане Москвы 1674 г. показан денежный двор на Варварке, т. е. там, где он находился со времени Грозного. Когда будут разобраны по штемпелям копейки второй половины XVII в. решение вопросов, связанных с историей московских денежных дворов, заметно облегчится.

К 1696 г. относится первое упоминание о «строении Нового каменного денежного двора», здание которого существует доныне за Китайгородской стеной. На сохранившейся надписи над воротами указано, что постройка была завершена в 1697 г. Этот денежный двор вскоре стал называться «Китайский», «Красный», или «Двор, что у Воскресенских ворот». Однако в том же 1697 г. открылся еще один «новый» денежный двор в отобранном у Земского приказа старинном каменном здании на Красной площади - на том месте, где теперь стоит Исторический музей. Известно, что в 1699 г. на месте Земского приказа выросло новое, более обширное здание с высокой башней над центральной частью, но денежный двор оставался в нем; возможно, что старое здание было лишь достроено.

От 1701 г. сохранился перечень работавших монетных дворов, находившихся в подчинении Приказа Большой казны. Три из них были «серебряными» и *денежными*, так как чеканили только старые копейки: «Старый двор позадь Казанские богородици », «Новый, что был Земский приказ» и «Двор под Набережным садом». Таким образом, открытый всего четыре года назад стал «старым», как только несколькими месяцами позже появился «новый».

Четвертым в перечне назван «Медный денежный двор под Набережным садом». Этот сад находился внутри кремлевской стены, неподалеку от Боровицких ворот. По другим документам известно, что Медный двор в Кремле «возле дворца» был открыт в 1699 г. После 1701 г. он назывался то «Двор у Набережного сада», то «Набережный двор», то «Медный монетный двор». Действительно, он и был первым монетным двором, так как на нем начиналась чеканка круглых медных монет, пришедших на смену денгам в 1700 г. После 1704 г. на медных копейках появился его знак - буквы **НД** или **НДЗ**. В последний раз они встречаются на пятаках 1727 г. Как действующий он упоминается в документе этого года, а в 1734 г. - уже как «прежний».

Серебряные денежные дворы - Набережный в Земском приказе, вероятно, были совсем недолговечными. Упоминания о них позже не встречаются, а относительно второго известно, что в первые годы XVIII в. его здание заняла Главная аптека. «Китайский» еще несколько лет оставался «денежным» - на нем чеканились только серебряные копейки.

В 1701 г. в Москве появился еще один монетный двор. Он не был упомянут в приведенном выше перечне, так как, помимо Приказа Большой казны, к производству монеты было привлечено еще одно ведомство.

В старом «Хамовном» (ткацком) дворе в Кадашевской слободе в Замоскворечье был устроен второй монетный двор. «Заводные» деньги для его организации в мае 1701 г. дал Адмиралтейский приказ, который в течение десяти лет оставался его хозяином, полностью отвечая за производство и обращая весь доход от чеканки на нужды военного флота, на постройку кораблей и выплату жалованья офицерам и матросам. В документах петровского времени это предприятие упоминается под самыми различными названиями - Хамовный, Кадашевский, Замоскворецкий, Новый монетный, Монетный денежный, Адмиралтейский и Военно-морской двор.

Начиная с 1701 г. на «Военно-морском дворе» чеканились первые серии серебряных монет, а в 1704 г. он изготовил и первые рублевики. С конца 1701 г. на нем же производили чеканку золотых и готовились к чеканке «своих» медных, которая началась в 1702 г. Здесь делались и первые петровские медали, а также «бородовые наки», которые служили свидетельством об уплате подати, дававшей право носить бороду.

Увеличивать объем старого производства было поначалу проще, чем в короткий срок обеспечить полный переход на новую технику. Поэтому и Замоскворецкий монетный двор в первые годы, пока осваивалось машинное производство, перерабатывал почти все поступавшее серебро в «старые» копейки, тогда как «монет» выпускалось лишь по несколько пудов в год. Смешанным характером производства и объясняется одно из приведенных выше названий - «Монетный денежный двор». Лишь постепенно «молотовые снаряды» и станки вытесняли из производственных помещений наковальни бойцов и «стулы» чеканщиков.

Третьим монетным двором Москвы со временем стал «Старый» (Красный, Китайский) денежный двор, который постепенно тоже был переоборудован для машинной чеканки монеты всех видов, однако он быстро захирел. Опись монетных дворов 1727 г. показывает, что тогда он уже стоял пустой, под присмотром сторожа, а часть помещений была занята какой-то комиссией. Только в 1732 г. начались на нем большие строительно-восстановительные работы. «Заднее строение», примыкавшее к «Училищному» Спасскому монастырю, было разобрано до фундамента и выстроено заново, для чего монастырю пришлось потесниться. Заложенный в 1733 г. архитектором И. Гейденом новый корпус вырос на Красной площади напротив бывшего Земского приказа. Была разобрана часть Китайгородской стены, и после пожара 1737 г., расчистившего от деревянных строений Охотный ряд, там выросли, каменные здания для чеканки медной монеты, а на Неглинной еще в 1735 г. Гейден начал сооружение каменно-земляной плотины для серебряной плащильной. Такой широкий размах строительства объясняется, вероятно, тем, что в 30-х гг. Москва на время вернула себе положение столицы государства. В 1736 или 1737 г. Кадашевский двор был закрыт и Красный остался единственным в Москве.

Совсем недолго работал еще один монетный двор. В 1727 г. пороховая мельница на Яузе была перестроена в плащильню для производства пятаков, так как медное отделение Кадашевского двора в то время пришло в самое плачевное состояние - его обрушившиеся здания даже собирались разобрать на кирпич для строительства на Красном дворе. После прекращения в 1730 г. чеканки пятаков плащильня на Яузе несколько лет пустовала, но в 1734 г. в связи с критическим состоянием Кадашевского ее превратили в монетный двор с законченным производственным циклом, построив «на горе» у мельницы деревянные амбары для дополнительной конной плащильни для гуртильного и печатного отделений. С марта 1734 г. по март 1735 г. здесь чеканили медную монету - денги и полушки, и даже пожар, уничтоживший в начале 1735 г. мельницу, не прервал производство.

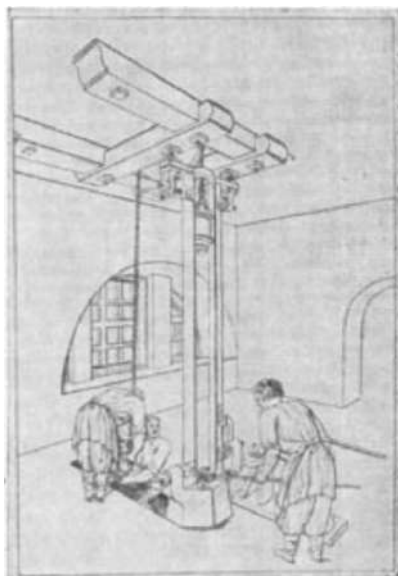

Рис. 114. «Молотовый снаряд» для штамповки мелких деталей оружия на Тульском оружейном заводе в начале XIX в .

После прекращения деятельности Новгородского и Псковского денежных дворов Москва в течение долгого времени оставалась единственным в стране центром монетного производства. Петру принадлежала идея приблизить последнее к пунктам поступления и добычи монетных металлов. В Петербурге, к которому перешла от Архангельска роль главного портового города и через который теперь поступала основная масса драгоценных металлов из-за границы, открыть монетный двор удалось только в 1724 г., хотя Петр, начиная с 1714 г., несколько раз назначал сроки его открытия.

Одновременно с подготовкой к пуску Петербургского монетного двора, размещенного в одном из бастионов Петропавловской крепости, в 20-х гг. спешно велось строительство большого двухэтажного здания для монетного двора в Шлиссельбургской крепости. По всей вероятности, здесь предполагалось поставить производство медной монеты на базе открытых в Карелии месторождений меди, которые затем не оправдали возлагавшихся на них надежд. Законченное здание было использовано для других целей, а чеканка основной массы медной монеты стала делом московских монетных дворов.

Петербургский монетный двор успел проработать только 3 года и в связи с переводом царского двора в Москву в начале 1728 г. был закрыт. Оборудование и мастеровых перевели в Москву на Кадашевский двор, который, несмотря на его аварийное состояние, оставался главным монетным двором страны, пока перестраивался Красный. Но в год окончания строительства Анна Иоанновна, возвратив Петербургу роль столицы, возобновила в начале 1738 г. и столичный монетный двор, который снова разместился в Петропавловской крепости. Половину московских денежников опять переселили в Петербург.

В последние годы жизни Петр занимался организацией монетного двора в Екатеринбурге, поблизости от уральских медных рудников. После Петра Екатеринбургский завод был приспособлен для заготовки медных монетных кружков, которые в бочках отправлялись для чеканки в Москву. В 1735 г. завод превратился в монетный двор, так как чеканку стали производить на нем.

Рис. 115. Здания бывш. Земского приказа после перестройки и Красного монетного двора (справа). Гравюра XVIII в

Если России в деле создания монетной системы нечего было позаимствовать за границей, то иначе обстояло дело с техникой монетного производства. В этой части приходилось брать у Западной Европы, все, что она могла дать. Еще во время своего заграничного путешествия Петр внимательно изучал постановку денежного дела, не упуская возможность осматривать серебряные рудники, монетные дворы и встречаться со специалистами - механиками, металлургами, медальерами. В частности есть основания считать, что, находясь в 1697 г. в Лондоне, он несколько раз встречался с И. Ньютоном, который в то время был смотрителем Королевского монетного двора.

Задолго до Петра практиковалось приглашение из-за границы в Москву мастеров разных специальностей; теперь заключались контракты с резчиками штемпелей, пробирерами, механиками. Им вменялось в обязанность обучать на работе определенное число русских учеников. Вынужденный широко использовать труд иностранных специалистов, Петр понимал важность воспитания отечественных технических кадров, выделял и ценил способных русских мастеров. Он лично испытывал гуртильный станок, построенный в 1709 г. медальером и резчиком штемпелей Ф. Алексеевым для тиснения надписей на кромке монет и тут же приказал увеличить его жалованье.

Необходимость контролировать предприятия, выпускавшие однородные монеты, вызвала установление знаков монетных дворов в виде буквенных сокращений, которые помещались на более крупных монетах. Знаки **МД** к **БК** встречаются как на медных, так и на серебряных монетах; это дает право поделить их между Замоскворецким (Адмиралтейским) и Красным монетными дворами, а поскольку второй подчинялся Большой казне, его знаком и можно считать **БК**. Нет оснований распространять последний и на Набережный, который, как указывалось, имел свои знаки. Сокращение **СПБ** появилось в 1724 г. на петербургских монетах.

Рис. 116. Знаки монетных дворов на медных монетах Петра I. БК - монетный двор Приказа Большой казны, МД - Кадашевский (Адмиралтейский), НД, НЗ - Набережный монетный двор.

Создаваемые монетные дворы оснащались станками нескольких типов, на которых производилось плющение полос, вырубка монетных кружков, их гурчение (накатка узора или надписи на кромке монеты) и чеканка. В основном это были механизмы, действовавшие силой падающей тяжести. Источником энергии для движения плющильных станков служили конные топчаки или вода, вращавшая мельничные колеса. На Петербургском монетном дворе делались попытки использовать для этого и энергию ветра; на Трубецком бастионе в 1724 г. была поставлена мельница. Монетные («печатные») станы приводились в движение руками рабочих, которые на блоках подтягивали тяжелую «бабу», «молотового снаряда» с укрепленным под ней верхним штемпелем. В работе участвовали дети-ученики, постоянно рисковавшие пальцами при подкладывании кружков под штемпели и уборке отчеканенных монет. «Молотовые снаряды» постепенно получили применение для штамповочного производства в промышленности, где сохранялись довольно долго, но в монетном производстве России они вскоре уступили место более совершенным винтовым прессам («балансир»). Многопудовый ворот, соединенный с винтом, который осуществлял штемпельный натиск, двигали несколько человек.

Уже в первые годы нового производства выдвинулось много способных русских мастеров своего дела. Работавший в «Купецкой палате» по скупке серебра И. Мокеев в 1714 г. по собственной инициативе занялся изучением состава серебра сибирских рудников и, вопреки заключению иностранца-пробирера, доказал техническую возможность и выгодность выделения золота из этих руд. В дальнейшем он до конца жизни работал в монетном производстве. Из «мокеевского» золота и серебра были отчеканены в 1721 г. специальные медали. Московские колокольные мастера и кузнецы успешно занимались отливкой и сборкой монетных станков. Над штемпелями для монет и медалей, требовавшимися в огромном количестве, работали многие русские мастера, не имевшие обыкновения ставить под работой свою подпись.

Сырье. Вполне естественно, что развитие добычи драгоценных металлов и меди, а также поиски новых месторождений в начале XVIII в. стали очередной и неотложной задачей. Были созданы специальные руководящие учреждения - сперва Рудный приказ, позже Берг-коллегия. За границу для изучения горного дела посылались ученики. Всячески поощрялась разведка недр. Однако результаты работ в этой области, начатых при Петре, ощутимо сказались только в 30-40-х гг. Реформа же осуществлялась под знаком постоянного и острого недостатка монетного металла.

Даже с медью для новых монет положение было неблагоприятным, и ее приходилось закупать за границей; иногда она ввозилась даже в виде готовых монетных кружков.

На Военно-морском дворе уже в 1701 г. при подготовке, к чеканке медной монеты занимались постройкой специальной печи для плавки негодных медных пушечных стволов, а в следующие годы в числе разных видов припасенной для производства монет меди упоминаются десятки колоколов.

Золото, поступающее в виде монеты с Запада, не всегда переделывалось в русскую монету и нередко сохранялось для заграничных платежей. Для чеканки червонцев и двухрублевиков на Монетный двор через Сибирский приказ поступало более выгодное китайское «коробчатое» (по-видимому, рассыпное, привозившееся в коробках) золото.

Рис. 118. Медаль в память Ништадского мира, 1721 г., отчеканенная из «серебра домашнего».

Снабжение основным монетным металлом - серебром - оставалось наиболее тяжелой задачей. По-прежнему поступление серебра в казну извне зависело от оборотов внешней торговли. Но и ефимки теперь приходилось частично резервировать для многочисленных расходов за границей. Поэтому заготовка серебра из любых источников была основной заботой правительства, как и борьба с вывозом драгоценных металлов за границу. В интересах монетного производства принимались также меры по ограничению потребления золота и серебра на немонетные цели - шитье, ювелирные изделия и т. п. На монетные дворы для переделки в монету отсылались золото и серебро, оказывавшиеся в конфискованном или выморочном имуществе. По-новому была организована скупка старого серебра и ефимков.

В первые годы реформы закупка серебра производилась самими монетными дворами. Она шла по нескольким линиям. Еще со времени снижения веса серебряной копейки в 1698 г. в обращении оставалось значительное количество старых, более тяжелых копеек, которые постепенно оседали в мешках толстосумов скоплялись в сундуках различных приказов. С 1701 г. было запрещено давать в расход старые копейки, и монетные дворы начали обмен их на новую монету с наддачей 10 копеек на рубль. За «сеченные» серебряные копейки, в большом количестве доставлявшиеся из разных городов в первые годы реформы, выдавалась медная монета. Покупали монетные дворы и другие виды серебра - изделия, лом, слитки, а также золото и медь.

Монетным дворам, кроме того, было предоставлено право заключать подрядные договоры на поставку им ефимков, «левкового» серебра, «чехов» (очень низкопробной западной монеты) и серебра в слитках, а также меди и золота. «Заготовительная цена» на ефимки в первые годы удерживалась около 50 копеек, тогда как копеек из одного ефимка получалось даже больше, чем на рубль. Но постепенно цена на серебро повышалась, несмотря на все усилия казны не допустить этого.

По предложению Сената, объяснявшего вздорожание серебра конкуренцией между двумя монетными дворами, была восстановлена деятельность «Купецкой палаты», существовавшей еще в XVII в. . Ей было предоставлено монопольное право скупать монетный металл во всей стране, в портах, городах и на ярмарках. Тогда же Сенат добился отобрания монетного двора у Адмиралтейского приказа и на некоторое время подчинил все денежное дело себе, но вздорожание серебра не прекратилось. В 20-е гг. за ефимок охотно давали уже больше рубля медью. Неумеренный выпуск медной монеты был одной из причин вздорожания серебра, которую Сенат до поры до времени не хотел замечать.

Рис. 119. Первая рублевая плата (плита) Екатеринбургского монетного двора 1725 г. с мемориальной надписью.

Довольно внимательно Петр присматривался к монастырским и церковным сокровищницам, где омертвлялось много драгоценного металла. Синод получил указание произвести изъятие драгоценных приношений, которые по древнему обычаю навешивались на «чудотворные» иконы. Особенно широкое распространение имел этот обычай на Украине; там длительно существовала своеобразная практика храмового «врачевания»: больной привешивал к иконе серебряную пластинку со своим именем и с изображением нуждающейся в исцелении части тела - уха, зубов, глаз, сердца, ноги, головы и т. п.

В указе Петра дипломатично говорилось о непристойных изображениях, которые могут случайно оказаться на привесках у икон, и об употреблении отобранных ценностей на церковные нужды. Но подчинение государству монастырей и церквей через Синод и Монастырский приказ было полным. Не случайно, что к петровскому времени относится сокрытие нескольких церковных кладов, в том числе упомянутого выше Лаврского.

Чтобы отвести возможные подозрения, в монастыре после сокрытия клада инсценировали пожар, будто бы уничтоживший казну и документы.

Рис. 120. Полтина, гривна, пять копеек и копейка Екатеринбургского монетного двора 1726 г. Чеканка на 10 руб. из пуда меди.

Как уже отмечалось, известное количество серебра высвободилось за счет уменьшения, а затем и полного прекращения чеканки серебряных копеек, по мере выпуска медной монеты. Некоторые резервы давало начавшееся впервые после чеканки «чехов» применение лигатуры в монетных сплавах, систематически вводившееся после 1711 г.

Полноценная медная монета. В последние годы правления Петра большие заботы вызывал избыток медной монеты в денежном обращении. Крупные платежи в серебре за границу вызвали слишком резкую диспропорцию в количестве серебряной и медной монеты; появлялась в обращении к тому же и фальшивая монета, производство которой при легковесности поздних монет Петра сулило большие доходы.

В начале 20-х гг. было решено выпускать, по примеру Швеции, медные полноценные монеты - плиты (10 рублей из пуда) в рубль, полтину и ниже. Предполагалось, что они позволят оздоровить обращение, так как вытеснят из него часть мелкой медной монеты. Подготовка к чеканке этих монет велась на Екатеринбургском заводе.

Выпуск новой монеты - квадратных пластин с оттисками штемпелей на углах и в центре - состоялся уже после смерти Петра и был вскоре же прекращен.

До конца своей жизни Петр не переставал заниматься делами монетного производства. Созданная им монетная система в основных своих чертах дожила до наших дней, а в конце XVIII в. стала образцом для других государств. В самый момент своего рождения она выдержала серьезнейшие испытания и доказала свою жизнеспособность.

Рис. 121. Монетный двор в Петропавловской крепости. Рисунок 1834 г.

МОНЕТНАЯ СИСТЕМА РОССИИ В XVIII-XIX вв.

Русская монетная система со всеми важнейшими ее элементами возникла с 1700 по 1704 г. Подготовка к реформе велась уже в последнем десятилетии XVII в., борьба за закрепление ее результатов растянулась на несколько лет.

В дальнейшем, как уже говорилось, система пополнилась лишь немногими второстепенными номиналами. Однако в течение XVIII и XIX вв. было немало временных явлений в русском денежном деле, которые вызывались теми или иными обстоятельствами и затем отпадали. Делались попытки ввести новые, необычные монетные номиналы, появлялись целые серии особых монет, а однажды создалась даже угроза и для существования самобытной русской монетной системы. Выпуск монет некоторых достоинств надолго прекращался, много раз проводились изменения веса, пробы, внешнего вида монет и т. д., в результате чего в обращении временно оказывались неравноценные монеты одинакового достоинства некоторые из них получали особый «курс». Так, петровские пятаки в 30-50-х гг. XVIII в. шли за 4, 3 и даже за 2 копейки.

Обращение старых серебряных копеек в XVIII в. Наиболее затяжной характер имело обращение монет отмененной системы - серебряных копеек, чеканка которых была прекращена в 1718 г. Расчеты показывали, что в стране должно находиться в виде копеек огромное количество серебра, представлявшего для казны большой интерес. Между тем, несколько раз объявлявшиеся правительством окончательные сроки обмена давали скромные результаты, несмотря на угрозы строго карать за удержание старой монеты. Более того, в сельских местностях, и в особенности в Заволжье, обращение серебряной копейки продолжалось как ни в чем не бывало - крестьянство предпочитало ее новым монетам. Не желая закрывать источник весьма прибыльного поступления серебра, правительство отменило прежние распоряжения и возобновило прием в казну серебряных копеек по податным платежам, продолжавшийся до середины 50-х гг. XVIII в. Одновременно скупка серебряных копеек сдавалась в откуп купеческим «компаниям». Но и после 50-х гг. копейка кое-где еще сохраняла значение местного платежного средства.

Серебро в XVIII-XIX вв. Дело выпуска серебряной монеты более или менее стабилизировалось еще при Петре, хотя ее вес и внешний вид подвергались неоднократным изменениям.

Рис. 123. Рубли Анны Иоанновны 1731, 1734 и 1739 гг.

До середины XVIII в. из мелкой серебряной монеты регулярно чеканился только гривенник, в 50-х гг. возобновилась чеканка пятачка, в 60-х гг. вошли в обращение пятиалтынный и двугривенный.

Проба серебра в монете младших достоинств до начала XIX в. по большей части не отличалась, или почти не отличалась от пробы крупной монеты, но разменная уступала последней в содержании лигатурного серебра: обычно из фунта ее выделяли на большую сумму, чем крупной. После 1810 г. проба начала ухудшаться и в 1867 г. остановилась на 50% содержания серебра в сплаве (49-я проба).

Знаки монетных дворов - *СПБ, СПб, СП, СМ* (Петербург) и *ММД* - (Москва) в первой половине XVIII в. помещались на серебре то под портретом, то под орлом. Но с середины века место под орлом заняли инициалы минцмейстеров - чиновников, отвечавших за производство на монетных дворах. До этого они «подписывались» только под золотой монетой, а в XIX в. завладели на время и медной. После прекращения чеканки серебра в Москве в 1775 г. и даже после того, как в 1876 г. в стране остался вообще только один монетный двор, буквы *СПБ* долго еще оставались на монете всех видов.

Рубль, полтина, четвертак . Рубль и полтина с самого начала имели общий тип; его единство нарушалось только в годы чеканки «крестовиков» Петра I и Петра II, когда на полтинах оставался орел. Четвертак после Петра I почти не чеканился до 1740 г., когда и он примкнул к типу старших монет. Пробная польполтина »1726 г. привлекает внимание пирамидкой из 25 жирных «счетных» точек, сложить которую удалось не без ухищрений. Крупные монеты Екатерины I возродили первоначальный «петровский» тип - сочетание погрудного портрета с государственным гербом. На большинстве ее монет портрет обращен не вправо, как на других монетах, а влево. Собиратели окрестили их «оборотниками». На более ранних «оборотниках» 1725 г. находится наиболее «интимный» портрет: императрица изображена «по-домашнему» - без короны и других регалий.

Рубли и полтины Петра II 1727-1729 гг. вернулись к типу «крестовика», а затем, до конца века, чеканились монеты с портретом вправо и гербом. В последнем на груди орла появился щиток с московским гербом - в 1730 г. на рублевиках, а потом и на других монетах. Больше ста лет всаднике копьем ехал вправо - как когда-то на серебряных копейках, и только в 1858 г. спохватились, что это нарушает «законы» геральдики; пришлось повернуть коня налево.

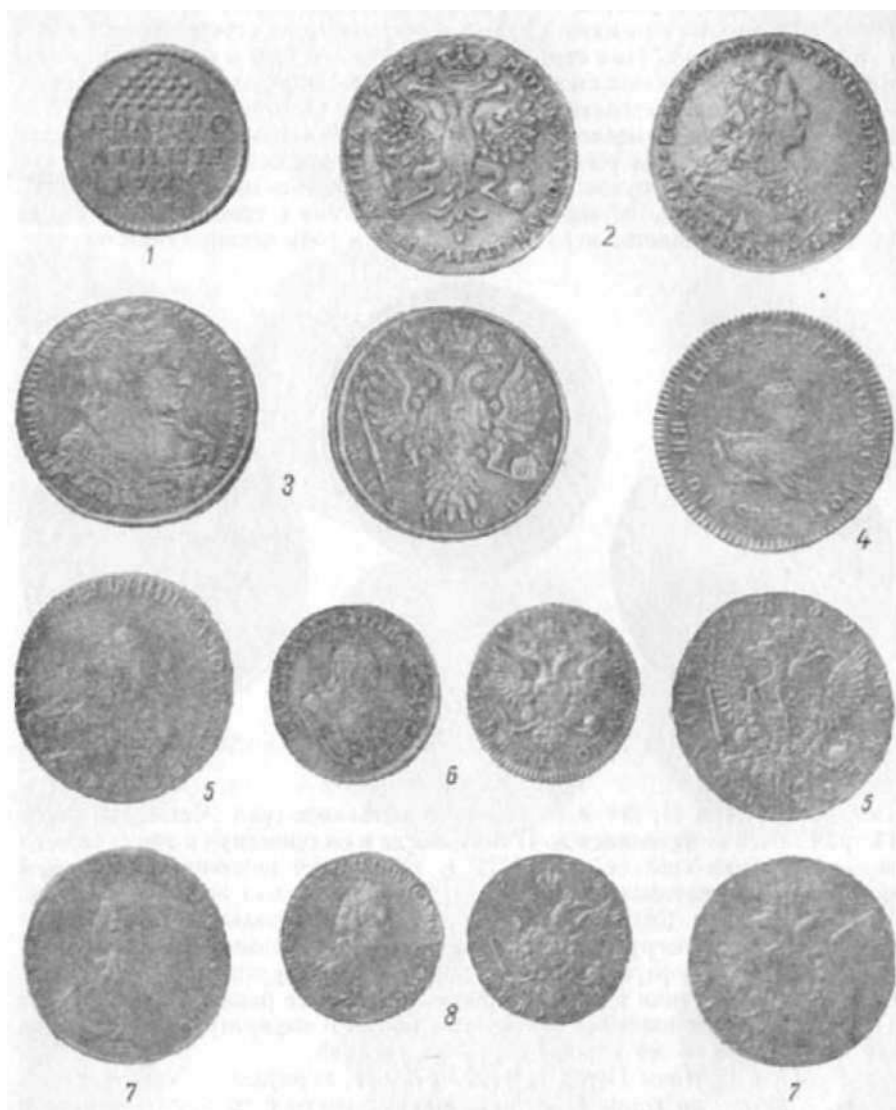

Рис. 124. Полтины (2-5, 7) и полуполтины (1, 6, 8) XVIII в. после Петра I.

Многие ранние рублевники и полтины Елизаветы Петровны отличаются особенно широким и, соответственно, более тонким кружком.

Если присмотреться, то на некоторых из них можно найти остатки изображений и надписей перечеканенных монет низложенного годовалого «императора» - Иоанна Антоновича, изображавшегося, впрочем, в довольно взрослом виде. Употребление его монет было строго-настрога запрещено Елизаветой, и немало людей тяжко поплатились за нарушение этого запрета. Реже удастся обнаружить перечеканенные в рублевники Екатерины II монеты Петра III.

«Век императриц» оставил на монетах большое разнообразие женских портретов. Особенно часто изменялся тип портрета Анны Иоанновны.

Наиболее неустойчивым оставалось до конца XVIII в. оформление гурта: нередко он был различным на одновременно выпускавшихся монетах разных монетных дворов. Во второй половине века в течение многих лет кромка (гурт) монет обрабатывалась довольно грубой косой насечкой. В начале XIX в. окончательно отказались от выпуклых букв на гурте и стали чеканить их вглубь. С 1798 г. на гурте обозначалась проба металла, с 1810 г. - лигатурный вес, а с 1886 г. - содержание чистого серебра и инициалы минцмейстера.

Рис. 125. Плакетка 1815 г. в память открытия серебряных руд в Киргизской степи, т. е. в Казахстане.

Очень заметные перемены во внешнем облике монет произошли на пороге XIX в. На многие годы с них был изгнан портрет. На монетах Павла I герб заменила крестообразная монограмма из четырех «П», а портретную сторону занял картуш с надписью; романтически настроенный Павел выбрал для нее библейский девиз древнего рыцарского ордена Тамплиеров «не нам, не нам, а имени твоему» (да будет хвала).

В 1801 г. герб возвратился на монеты, но на другой стороне оставались сменявшие друг друга надписи уже чисто делового характера. Изменения типа происходили в 1806, 1810, 1826 и 1832 гг., иногда в середине года, поэтому с одной и той же датой встречаются монеты различного вида. С 1826 по 1831 г. на крупной серебряной монете и с 1829 по 1831 г. на разменной помещался орел так называемого «александровского» типа, - с широко раскинутыми крыльями, находившийся с 1817 г. только на золотых монетах, а после 1831 г. задержавшийся на медных.

В 1810 г. в последний раз чеканилась надпись «полуполтинник»: чеканка его до 1829 г. не производилась, а с указанного года достоинство обозначали уже «25 копеек», и композиция оборотной стороны была совершенно такой же, как на младших серебряных монетах. В 1832 г. четвертак вернулся в «семью» старших монет, так как с этого времени для рубля, полтины и четвертака был принят особый вид гербовой стороны.

В 1832 г. обозначение номинала оторвалось от герба и заняло целиком противоположную сторону монеты, а вокруг герба замкнулась надпись с обозначением содержания чистого серебра. С 1842 г. крупную серебряную монету чеканил, кроме Петербургского монетного двора, и Варшавский. На варшавской монете знак MW помещался под орлом, т. е. там, где на петербургской стояли инициалы минцмейстера. В 1858 г. ушло из обозначения номинала слово «монета». Таким тип оставался до 1886 г., когда произошло его последнее изменение. На монетах снова был помещен портрет императора, с соответствующей надписью, но на этот раз изображалась только голова в профиль: в царствование Александра III - вправо, на монетах Николая II - влево. Обозначение номинала и дата переместились под герб, при этом пришел конец и «полтине»: стали писать «50 копеек».

Рис. 126. Крупные серебряные монеты 1797-1885 гг. 1,2- 1797-1801 гг 3 - 1802-1806 гг., 4 - 1806-1810 гг., 6 - 1810-1826 гг., 6 - 1826-1831 гг. 7 - четвертак 1829-1831 гг., 8 - 1832 -1858 гг., 9, 10 - 1858-1885 гг.

Пробные рубли. От XVIII и XIX в. сохранилось несколько видов пробных монет, в свое время не получивших утверждения и в обращение не поступивших. (Некоторые из них впоследствии «размножились», благодаря настойчивости высокопоставленных коллекционеров - в тех случаях, когда штемпели сразу не уничтожались). Таковы двухрублевики Петра, редкий рубль Иоанна Антоновича с вензелем вместо портрета, «крестовик» Петра III, портретные рубли Павла и Александра I.

Совсем особое место занимает среди пробных монет рубль Константина Павловича 1825 г. В обстановке полной неясности вопроса о престолонаследии после смерти Александра I, в дни декабрьского восстания, Петербургский монетный двор изготовил новые штемпели и отчеканил около десятка пробных рублевиков Константина. Каким-то чудом один из них тогда же вырвался «на волю» и, пройдя через несколько рук, в 1913 г. ушел за границу. Существует мнение, что несколько пробных монет были отправлены с курьером в Варшаву для утверждения Константином и через 6 лет бесследно исчезли во время Польского восстания. Оставшиеся на Монетном дворе пять монет вскоре были «арестованы». Вместе со штемпелями они больше 50 лет хранились в секретном архиве Министерства финансов, а в 1879 г. были распечатаны и раздарены царем разным лицам. В нашей стране сохранилось, кажется, только три экземпляра - в Эрмитаже и в Историческом музее в Москве.

Рис. 127. Крупная серебряная монета конца XIX и начала XX в .

Рис. 128. Рубль Константина Павловича 1825 г.

Памятные рубли . В течение XIX и в начале XX в. выпускались так называемые медальные монеты, главным образом в связи с открытием памятников, коронациями, юбилеями и т.д. Они заменили памятные жетоны, которые прежде специально чеканили для раздачи войскам, принимавшим участие в парадах по случаю торжеств.

Существуют следующие памятные рублевики: с изображением Александровской колонны - 1834г., с памятником на Бородинском поле - 1839 г., с памятником Николаю I - 1859 г., памятником Александру II - 1898 г., памятником Александру III - 1912 г., юбилейные рубли в память Отечественной войны - 1912 г., 300-летия дома Романовых - 1913 г. и Гангутской обеды - 1914 г. и два коронационных - Александра III - 1883 гг., и Николая II - 1896 г . Кроме того, в 1841 г. было отчеканено около тысячи рублевиков в память женитьбы наследника престола, а в 1835 - 1836 г., небольшое количество так называемых «фамильных рублей» с портретами всех членов императорской семьи - на полторарублевых кружках. В таком же формате было отчеканено и несколько тысяч бородинских монет 1839 г. В наибольшем количестве (около полутора миллиона) чеканился романовский рубль.

Разменная серебряная монета . По 1739 г. на гривеннике помещались 10 жирных «счетных» точек, а в 1741 г. появился гривенник Иоанна Антоновича с портретом на одной стороне и картушем на другой. Таким тип сохранялся до последнего года чеканки монет Екатерины II. Слово «гривенник» в последний раз было вычеканено в 1796 г.

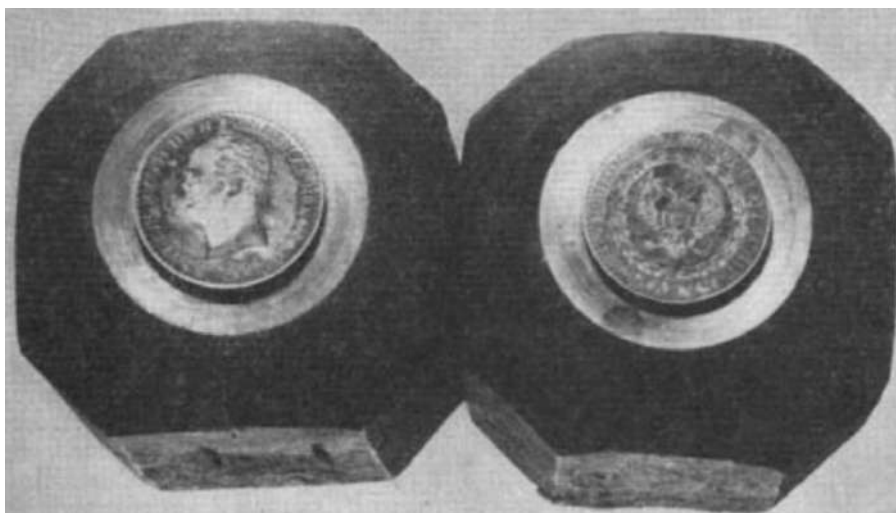

Рис. 129. Штемпели для чеканки рублевиков Константина.

Пятачок Елизаветы Петровны имел очень сходное оформление обеих сторон (орел поддерживает картуш). Появившиеся впервые в 1760 г. монеты в 20 и 15 копеек чеканились с портретом на одной стороне и гербом на другой. Достоинство обозначено на них дважды - на щитке на груди орла цифрами, а вокруг орла точками, разбитыми на пятерки. С 1797 г. чеканились только гривенник и пятак; на монетах Павла герб заменил крупный инициал «П», а начиная с чеканки Александра I, установился в основном тот тип разменной монеты, который сохранялся до 1917 г.; но с 1802 по 1810 г. чеканился только один гривенник, композиция которого в дальнейшем была принята для всей серии разменных монет. В 1810 г. началась ее чеканка в составе двугривенного, гривенника и пятачка. До 1832 г. дата помещалась еще под орлом, а затем перешла на другую сторону - под обозначение достоинства. В 1832 г. появился вновь и пятиалтынный - в серии русско-польской монеты, с обозначением достоинства на двух языках.

Рис. 130. Памятные рубли. Бородинский, 1834 г., и гангутский, 1914 г.

Рис. 131. Серебряная разменная монета XVIII - начала XX в. 1 - гривенник типа 1731 -1739 гг., 2, 4, 8 - гривенники 1741 -1796 гг., 3 - пятак 1755-1763 гг., 6 - пятак 1762 г. Петра III, 5и 7 - двугривенный и пятиалтынный 1760-1794 гг., 9, 10 – гривенник и пятак Павла I , 11 - гривенник 1802-1810 гг., 12-14 - серия 1810-1826 гг., 15 -17 – серия 1826-1831 гг., 18-21 - серия 1832-1917 гг. (15 копеек - с 1860 г.).

Возвращение пятиалтынного в русскую монетную систему в XIX в. произошло под давлением потребностей и счетной традиции польского и украинского денежного обращения, где равный 15 копейкам злотый (украинское - злот) пользовался наибольшим признанием. В 1841 г. выпуск злотого был прекращен, а в 1860 г. в серию вошла 15-копеечная монета с одной русской надписью.

Как и в части крупной монеты, некоторые переломные годы представлены разменными монетами двух видов. В связи с тем, что во второй половине XIX в. в ряде государств Западной Европы и Америки более или менее удачно вводилась в обращение никелевая монета, Министерство финансов, начиная с 1871 г., то и дело отклоняло предложения различных предпринимателей Западной Европы организовать при их помощи чеканку и выпуск в России монеты из никеля - то как замены разменной серебряной, то хотя бы только медной. Некоторые проекты сопровождалось предложениями изменить состав серии монет и даже готовыми образцами. Но в начале XX в. чеканка пробной монеты из никеля производилась уже и в Петербурге.

Монеты «Херсониса Таврического». Известны отчеканенные из серебра посредственного качества монетовидные жетоны в 20, 10, 5 и 2 копейки с вензелем Екатерины II, надписью «Царица Херсониса Таврического», счетными точками и датой «1787». В 90-х гг. XVIII в. собиратели называли их «потемкинскими» и охотились за особенно редкими младшими номиналами. Штемпелей их в Петербурге никогда не было, и ни в центральных, ни в крымском архивах не найдено никаких документов, проливающих свет на историю появления этих жетонов.

Рис. 132. Пробная никелевая монета 1911 г.

Чеканка серебра в нескольких размерах на Феодосийском монетном дворе, изготовлявшем на устаревшем оборудовании только медные пятаки, была невозможна, хотя его знак и стоит на всех монетах. Но и существующее мнение о чеканке «потемкинских» жетонов в Петербурге или в Москве принять нельзя. Москва вообще отпадает, поскольку серебряного передела там уже не существовало, а внешние данные и технический уровень изготовления штемпелей говорят о каком-то довольно захудалом монетном дворе с собственной художественной традицией. Готовившему свой «сюрприз» Потемкину недолго было стогнать курьера и куда-нибудь за границу.

Во всяком случае, во время путешествия Екатерины рассматриваемые жетоны ни в качестве сувениров, ни в какой-либо иной роли не фигурировали. Сопутствовавший царице французский дипломат граф Сегюр отмечал в своих записках все, что имело малейшую политическую окраску, и такой факт, как появление жетонов с весьма декларативной надписью, не прошел бы мимо его внимания.

Рис. 133. Монеты «царицы Херсониса Таврического».

Медные монеты. В течение всего XVIII столетия и первой половины XIX в. не прекращались поиски в части веса медной монеты, с чем связаны и многочисленные изменения ее типа, подбора номиналов и т. д.

Рис. 134. Екатеринбург. Гравюра начала XIX в .

Отмеченная выше попытка выпускать в 1726 и 1727 гг. полноценную медную (квадратную) монету успехом не увенчалась, и регулярная чеканка монеты на 40 рублей из пуда после Петра продолжалась по 1730 г. Чеканились «андреевские» пятаки, сохранявшие вид, полученный ими при Петре, а с 1727 по 1729 г. выпускались копейки Петра II, на которых номинал и дата расположены таким же андреевским крестом, а на другой стороне изображен всадник, поражающий копьём дракона.

В 1730 г., с начала царствования Анны Иоанновны, монетная стопа (т. е. количество монеты, выделываемой из определенного веса металла) резко изменяется. В течение 25 лет чеканят только 10 рублей из пуда меди. В новой серии регулярно выпускались денга и полушка с государственным гербом на одной стороне и надписью в картуше - на другой. В правление Елизаветы Петровны была предпринята попытка еще более повысить ценность медной монеты, и ее чеканка с 1755 по 1757 г. производилась по стопе 8 рублей из пуда, причем чеканилась только копейка. На ее обеих сторонах были те же изображения, что и на серебряном пятачке: парящий над облаком орел поддерживает увенчанный короной картуш, на котором находится на одной стороне монеты вензель императрицы, а на другой - обозначение номинала.

От первой половины XVIII в. сохранилось большое число различных медных пробных монет, считающихся очень редкими. Они хорошо представлены в коллекции Эрмитажа, так как собирательская «эстафета» донесла до него в неразрушенном виде коллекцию Х. Миниха, ведавшего монетным делом в правление Анны Иоанновны. Так же редки и некоторые монеты, находившиеся в обращении, например, пятак Елизаветы 1757 г. с петербургским гербом вместо орла. В 1757 г. устанавливается стопа в 16 рублей из пуда, продержавшаяся, несмотря на некоторые покушения на нее, до начала следующего столетия. Почти для всего этого периода закрепился очень устойчивый тип для всех номиналов весьма развитой, по сравнению с прошлым, серии монет. Чеканилась монета в 5, 2, 1,1/2 и 1/4 копейки. Общим признаком для монет всех достоинств было помещение на одной стороне, внутри венка, вензеля императрицы (Елизаветы и Екатерины II) и даты. Только у пятака другую сторону занимает государственный герб, под которым на бандероли обозначено достоинство. На всех остальных номиналах помещается знакомое нам по копейкам Петра II изображение всадника, поражающего дракона. Номинал также обозначается на бандероли на всех монетах, кроме одной разновидности гроша (2 копейки) Елизаветы, где он обозначен над изображением.

Вероятно монетам Елизаветы этого типа обязаны своим происхождением выражения «копье аль решето» и «орел или решка», связанные с игрой в «орлянку». Само название игры имеет «нумизматическое» происхождение. Сложный симметричный вензель на монетах Елизаветы Петровны и был признан «решетом»

Рис. 135. Медная монета 1730-1758 гг. 1 - медаль 1731 г. (надпись - «безупречность монетного дела восстановлена»), 2 - перчеканка копейки Петра I в денгу 1731 г., 3-5 - полушка и денга 1730-1754 гг. (10 руб. из пуда), 6 - копейка 1755-1757 гг. (8 руб. из пуда), 7 - копейка 1756 г. - перчеканка из пятака 1723-1730 гг.

С воцарением Павла I прекращается чеканка пятака и существенно изменяется тип остальных монет, на которых место всадника занимает вензель императора (уже без венка и даты), а на другой стороне находится надпись без всяких украшений: достоинство, дата и место чеканки.

Как показал опыт, чрезмерное расхождение между рыночной ценой меди и нарицательной стоимостью монет сразу же порождало усиленный выпуск фальшивых денег.

Правительству, стремившемуся к получению возможного дохода, приходилось большей частью считаться с этим и не слишком снижать вес медной монеты. Зато непомерно увеличивалось ее количество в обращении. В связи с этим находится быстрый рост числа монетных дворов, чеканивших только медную монету в разных частях страны, что позволяло рациональнее организовать перевозки.

В дополнение к упоминавшемуся уже Екатеринбургскому «Медному монетному двору» (знак *ЕМ*) в 50-х гг. XVIII в. возник Монетный двор при Сестрорецком заводе, устроенный специально для переделки в монету пушечной меди для нужд армии (знак *СМ*). Подобно бывшему Адмиралтейскому, он находился в ведении военного командования, которому и предоставлялось снабжать его сырьем. Первой заботой вступившего на престол Петра III было спасти от уничтожения еще не переделанные в пятаки трофейные прусские пушки и отправить их в Пруссию.

Рис. 136. Медная монета 2-й половины XVIII в. (16 руб. из пуда). 1,2 - пятаки Елизаветы Петровны и Екатерины II 1757 - 1796 гг., сторона с гербом одинаковая, 3 - 5 - гроши (2 копейки) тех же лет. Обозначение номинала над всадником - только на части монет Елизаветы, - 4 - перечеканка 1758 г. из копейки 1756 г., 6, 7 - копейка 1758-1796 гг., 8, 1 - денга, 10, 11 - полушка, 12, 13 - перечеканки пятака и шведской монеты.

В 1763 г. открылся Колыванский (Нижне-Сузунский) монетный двор в Сибири (знак **К М**, а в XIX в. - **С М**). В 1788 г. начал работать Аннинский монетный двор в Пермской губернии (знак **А М**); в 1787-1788 гг. чеканились медные монеты на бывшем Ханском дворе в Кафе - Феодосии (знак **Т М** - «Таврическая монета»). До 1783 г., когда Крымское ханство прекратило существование, этот монетный двор чеканил медную монету последнего хана Шахин-Гирея, в весовом отношении уже не отличавшуюся от современной ей русской медной монеты.

Московский монетный двор с прекращением чеканки серебра в 1776 г. был законсервирован. Ненадолго он возобновлял работу в 1788-1789 гг. Московские медные монеты с середины XVIII в. метились **М М**, петербургские **СПМ**, а позже - **СПБ**.

Рис. 137. Знаки монетных дворов XVIII в. (сверху вниз): Петербургский, Московский, Екатеринбургский, Сестрорецкий, Колыванский, Алнинский и Феодосийский (Гаврический).

Ряд монетных дворов был вызван к жизни особыми обстоятельствами - двукратными попытками произвести «на ходу» в самый короткий срок перечеканку всей имевшейся в обращении медной монеты.

Перечеканка медной монеты в XVIII в. Частые изменения монетной стопы делали во многих случаях возможным использование постепенно собиравшейся в казну старой монеты для чеканки новой - низших или высших достоинств. Для возвращения металлу пластичности монета отжигалась и вместе с новыми кружками шла непосредственно под штемпель.

Во второй половине XVIII в. в обращении дважды появлялись необычные номиналы в 4 и 10 копеек в результате удвоения ценности медных монет (вместо 16 рублей из пуда - 32 рубля). Первый проект такого рода был составлен П. И. Шуваловым еще в конце царствования Елизаветы Петровны, но отчеканены были лишь пробные монеты, а перечеканка началась в 1762 г. уже при Петре III. Чтобы ускорить переделку собираемой старой монеты по всей стране спешно создавались временные монетные дворы: в Ярославле - в доме, который незадолго до этого занимал ссыльный Бирон в Нижнем Новгороде - в занятом для этого архиерейском доме, в селе Поречье Смоленской губернии, Белгороде, Воронеже и Оренбурге (последние три так и не успели начать работу). Работали повсюду Петербургский, Московский и Сестрорецкий монетные дворы. Копейки Елизаветы превращались в гроши (2 копейки), гроши в четырехкопеечники, а пятаки - в гривны. На многих перечеканенных монетах сохранились следы прежнего изображения и надписи. Чеканились также вновь денга копейка. Вместо вензеля на этих монетах находилась помещенная над трофеем надпись с обозначением номинала и даты. Тип другой стороны сохранился, но без бандероли, а изображение орла на гривнах и всадника на других монетах окружено соответствующим номиналу количеством звездочек.

Рис. 138. Крымский кырмыз (равноценен русскому пятаку) последних лет существования ханства. Шахин Гирей ибн Ахмед Гирей, Бахчисарай, 1191 г. х. (1777).

Екатерина II по вступлении на престол немедленно отменила перечеканку. Для возвращения в прежнее состояние уже перечеканенной монеты было устроено в помощь существовавшим постоянным и временным монетным дворам, еще несколько временных - в Архангельске, Полоцке и Херсоне. Все они снабжались штемпелями, на которых настоящее место чеканки не обозначалось. Встречаются медяки со следами двойной перечеканки, т. е. сохранившие под последним оттиском штемпеля следы двух прежних. В 1796 г. Екатерина II пришла к решению последовать примеру своих предшественников. Снова в помощь «штатным» монетным дворам - Петербургскому, Екатеринбургскому и Аннинскому - устраивались временные: в Нижнем Новгороде (на этот раз в доме Приказа общественного призрения), в Архангельске - на меднолитейном заводе А. И. Шувалова, в Полоцке и Херсоне. На время ожил и Московский двор. Кроме монет-перечеканок очень простого вида в 10, 4, 2 и 1 копейку были запроектированы новый пятак и денга.

К возобновлению перечеканки теперь побуждала невыгодность для казны медной монеты старого веса вследствие ее обесценивания. Оно было вызвано установившейся в 80-х гг. XVIII в. прочной связью между медной монетой и ассигнациями - бумажными кредитными деньгами.

Ассигнации и медные монеты . Первые русские бумажные деньги выпущены при Екатерине II в 1769 г., после многих лет обсуждения проектов, возникших еще в конце правления Елизаветы Петровны. С самого начала учредительным указом был установлен беспрепятственный обмен ассигнаций Банком только на медную монету, которую и обеспечивался их выпуск. Наступившее вследствие инфляции обесценение бумажных денег, обмен которых, однако, не прекращался, автоматически повлекло за собой обесценение медной монеты. Серебряные или золотые стали, поэтому размениваться на все большие и большие суммы в медной монете (до 4 рублей за рубль). Применительно к ценам в золоте и серебре, огромный екатерининский пятак весом почти в 50 г стал приравниваться временами немногим более чем к копейке. Удвоение номинала, и в частности, выпуск медных гривенников, представлялись выходом из положения.

Вступивший на престол в том же 1796 г. Павел опять отменил уже начавшуюся было перечеканку. Архангельский, Полоцкий и Херсонский монетные дворы были уничтожены прежде, чем успели приступить к работе, а Петербургский, Екатеринбургский, Аннинский, Московский и Нижегородский занялись возвращением уже перечеканенной монете ее первоначального вида, пользуясь для этого штемпелями 1790-1796 гг. преимущественно со знаком ЕМ, - где бы ни производилась чеканка. По окончании перечеканки, в 1797 г., были закрыты Московский и Нижегородский монетные дворы, а на остальных началась чеканка монеты Павла. В 1798 г. закрылся и Аннинский монетный двор.

Рис. 139. Перечеканка монет Елизаветы Петровны в 1762 г. с удвоением номинала и восстановительная перечеканка при Екатерине II. 1 - пробный грош 1760 г., 2-6 - монеты Петра III 1762 г., 7, 8 - перечеканка монет Петра III при Екатерине II, 9 - медаль 1763 г. в память «установления исправной монеты».

Сестрорецкий рубль . В годы правления Екатерины II, отчасти тоже в связи с выпуском ассигнаций, имела место вторичная и снова неудачная попытка создать наиболее крупную из медных монет - рублевую. Это связывалось с расчетами удешевить дело выпуска ассигнаций складывая в подвалы Ассигнационного банка (в виде обеспечения) не пятаки, а рублевые кружки, чеканка которых представлялась более выгодной.

Производство новой монеты было поручено открытому еще в 50-х гг. монетному двору при Сестрорецких оружейных заводах и сразу же поставило перед ним ряд сложных технических проблем, с которыми он так и не сумел справиться. Наибольшие трудности представляла заготовка массивных кружков - весом около одного кг каждый. В течение нескольких лет пытались пилить их из «штыковой» меди на построенной для этого вододействующей льной мельнице, но поставленные в раму пилы перегревались, вытягивались получить ровный распил не удавалось.

Рис. 140. Перечеканка медной монеты в 1796 г. с удвоением номинала и восстановительная перечеканка штемпелями 1793 г. 1-5 - новые монеты 1796 г., только пятак чеканен заново. На гривне под датой овальное клеймо с буквами ГЛ - надчеканка собирателя первой половины XIX в. Григория Лисенко, которую он выбивал на своих монетах; 6 - двугршевик 1796 г. перечеканен в грош, 7 - монета побывала в перделках.

Не увенчались успехом и попытки пустить в дело литые кружки, так как они требовали дорого стоившей ручной обточки. Такую же сложную проблему составило и гурчение т. е. тиснение надписи на кромке кружка посредством разъемных колец.

Безуспешные опыты чеканки велись с 1770 по 1778 г. Под конец решили вовсе отказаться от гуртовой надписи и перейти на более тонкие и соответственно более широкие кружки, но и сама чеканка тоже не ладилась. Единственный подлинный сестрорецкий рубль стал, известен только в 1823 г. Но его круглые штемпели уже давно хранились на Петербургском монетном дворе и ими по заказам желающих чеканили кружки размера обыкновенного рублевика. Имени Екатерины на них нет и этого было достаточно, чтобы они прослыли у любителей «пугачевскими рублями».

В 1836 г. по приказанию министра финансов Е.Ф. Канкрин на Монетном дворе вырезали взамен утерянного новое гуртильное кольцо и отчеканили несколько десятков «сестрорецких рублей» на чисто обточенных медных заготовках. Подлинная монета не сохранилась.

Сибирская монета. Несколько большее значение имел выпуск, начиная с 1763 г., особой серии медной «сибирской монеты», с сибирским гербом, достоинством от полушки до 10 копеек, на 25 рублей из пуда. Продолжавшаяся до 1781 г. чеканка этих монет была вызвана тем, что на Колыванских рудниках в то время добывалась руда, в которой содержалась примесь серебра (а иногда и золота), но настолько незначительная, что при уровне техники металлургии XVIII в. разделение металлов считалось нерентабельным.

Рис. 141. Ассигнация в 25 рублей 1777 г.

Решили чеканить из серебристой меди новую монету, предназначенную только для Сибири, причем ввиду повышенной ценности металла монетная стопа была поднята до 25 рублей из пуда, тогда как общегосударственные монеты чеканились по 16-рублевой стопе. Для чеканки сибирской монеты был устроен особый монетный двор - Кольванский (Нижне-Сузунский). После 1781 г. он чеканил обыкновенную медную монету, пока не сгорел в конце 1847 г.

Медная монета первой половины XIX в. Медные монеты Александра I 1802-1810 гг. чеканили еще в весовых нормах (16 рублей в пуде) и в традиционном наборе номиналов XVIII в.: тяжелый пятак, 2 копейки, копейка, деньга и полушка. На них даже сохраняется обозначение номинала точками. С 1810 по 1830 г. уже выпускалась новая монета на 24 рубля из пуда. На этот раз перечеканка не могла иметь места, и собираемая старая монета расплавлялась. Быстрая замена всей меди была не по силам трем тогдашним монетным дворам - Петербургскому, Екатеринбургскому и Кольванскому. В помощь им в порядке государственного заказа организовали чеканку в течение нескольких лет (1810-1814) на Ижорском (Колпинском) заводе, принадлежавшем тогда Военно-Морскому ведомству.

Рис. 142. Сестрорецкий рубль 1771 г. Чеканка 1856 г.

Место чеканки в 1810 г. обозначалось **КМ**, а затем **ИМ** - чтобы избежать совпадения со знаком Колыванского монетного двора. В 1820-1821 гг. Ижорский завод снова чеканил копейки. С 1810 г. и на медной монете в течение нескольких десятилетий (до 40-х гг.) помещались инициалы ответственных за выпуск лиц (под орлом). Серия 1810г. состояла из монет достоинством в 2, 1 копейку и деньгу (это слово с начала XIX в. пишется с «Ь»).

С 1830 по 1839 г. медная монета нового вида достоинством в 10, 5, 2 и 1 копейку чеканится уже на 36 рублей из пуда; низшие номиналы не выпускались вовсе из-за убыточности этой чеканки, так как медь все еще сохраняла низкий курс, определявшийся курсом ассигнаций. Этим объясняется и выпуск медных «гривен» - монеты в 10 копеек. Таким образом, изменение веса медной монеты, в отличие от серебра, всегда имело основательный характер.

Реформа Е.Ф. Канкрин и новая терминология . В начале 40-х гг. XIX в. министр финансов Е. Ф. Канкрин провел денежную реформу, в результате которой обесцененные ассигнации уступили место полноценным кредитным билетам [1]. Поэтому и медная монета нового веса и вида (16 рублей из пуда) уравнилась в цене с серебром. Памятником этого явилась помещавшаяся в течение десяти лет надпись «серебром» после обозначения номинала на всех монетах новой серии (с 1839 по 1848 г.) от полушки до трехкопеечника, который появился тогда впервые. Пятак в этой серии не чеканился. Но повышение веса было временным. С 1849 г. перешли к чеканке монет нового типа (без слова «серебром») в 5, 3, 2, 1, 1/2 и 1/4 копейки на 32 рубля из пуда, причем номинал последних двух монет обозначается словами денежка (новый термин!) и полушка; и на них, а также и на копейке вместо государственного герба, находящегося на других монетах, помещаются вензели императоров - Николая I и Александра II. (На монетах предшествовавшей серии вензель находился на всех номиналах).

Рис. 143. Сибирская монета 1763-1781 гг.

В 1867 г. был введен последний тип монеты, сохранившийся до 1917 г. Она чеканилась при том же составе серии на 50 рублей из пуда при цене пуда меди около 10 рублей. На последних двух номиналах достоинство обозначалось уже не словами, а цифрами и только на них был сохранен заменявший герб вензель императора (Александра II, Александра III и Николая II). На монетах старших достоинств впервые в русской медной чеканке было применено частичное тиснение надписей вглубь.

[1]. Сначала в 1840 г. были выпущены так называемые «депозитные билеты», которые с 1843 г. заменили кредитными билетами. Тип последних был изменен лишь в 1862 г.

Привычка народа к счету на ассигнации и на старые медяки породила в связи с реформой 40-х гг. ряд интересных перемещений старых названий и возникновение новых для медных монет. Трехкопеечная монета, равная по ценности приблизительно 10 копейкам в старой монете, получила народное название гривенный, сохранившееся местами до начала XX в. (рядом с названием «гривенник» для серебряной монеты). Новую копейку кое-где стали называть «алтыном» (в Сибири) итрынкой (в губерниях средней России). Двухкопеечная монета - грош, которая равнялась 7 копейкам в дореформенной монете, надолго получила в народе название семишник (семитка, семак). Однако и названию «грош» нашлось применение: его, примерно по тому же расчету, перенесли на новую полукопеечную монету.

Рис. 144. Медная монета конца XVIII и начала XIX вв., 16 руб. из пуда. 1-4 - 1797-1801 гг., 5-8 - 1802-1810 гг.

Прежняя деньга стала грошиком, грошем. Последняя замена облегчалась еще и тем обстоятельством, что в то время выпускалась в обращение особая русско-польская серебряная монета с двойным обозначением достоинства на русском и польском языках, причем польский грош приравнивался к половине русской копейки.

Подобная же перестройка народного денежного счета применительно к дореформенным платежным понятиям произошла и на Украине. К новой денежке (1/2 копейке) здесь прочно пристало старое название двухкопеечной монеты - шаг. Три копейки стали гривней, а серебряный гривенник на время сороківкой (40 старых шелягов - копеек), но двугривенный получил сходное название сороківец - по-видимому, по содержанию в нем новых «шагов» - денежек. За пятнадцатикопеечной монетой прочно закрепилось название злот , помещавшееся некоторое время на русско-польских того же достоинства.

Золотые монеты. В XVIII в. русская золотая монета быстро занимает все более прочное место в обращении. Добыча золотоискателей и тяжелый труд каторжников и крепостных работников на государственных и частных рудниках дают все больше золота. Чеканка золотой монеты, производившаяся сперва в Москве и Петербурге, после 1762 г. сосредоточилась в одном только Петербурге. Но в XIX в. золотую монету особого вида чеканили также монетные дворы в Варшаве и в Гельсингфорсе.

Рис. 145. Медная монета 1810-1839 гг. 1-3 - 1810-830 гг., 24 руб. из пуда, 4-7 - 1830-1839 гг., 36 руб. из пуда.

Колебания мировых цен на золото и постоянные расхождения в соотношении цен золота и серебра обусловили многочисленные перемены в весе, пробе и внешнем виде монет. Одновременно с монетами, имеющими обозначение достоинства в рублях, по 1796 г. чеканился червонец 93-94-й пробы, получавший изменчивую «курсовую» цену в серебре: но и первые точно так же постоянно требовали тех или иных поправок к обозначенной на них цене.

Для XVIII и XIX вв. заметной особенностью наших больших городов были лавки менял, производивших с известной выгодой для себя обменные и разменные операции с золотом, серебром и медью, ассигнациями и кредитными билетами, а также с иностранной валютой, применительно к слагавшемуся на бирже курсу.

При Елизавете Петровне были выпущены червонцы и двойные червонцы, на оборотной стороне которых вновь появилось изображение Андрея Первозванного с «андреевским» крестом. На них же иногда обозначалась и точная дата указа о выпуске; но на большинстве червонцев находилось изображение государственного герба, а другую сторону занимал портрет, вплоть до правления Павла.

Рис. 146. Медная монета 1839-1848 гг. 16 руб. из пуда.

Рис. 147. Медная монета 2-й половины XIX - начала XX в. 1-9 - 1849-1867 гг. 32 руб. из пуда, 10-19 - 1867-1917 гг. 50 руб. из пуда.

Рис. 148. Золотая пластина весом 2 фунта 27 золотников из первой добычи золота на Крылатовском песке близ реки Чусовой, 1803 г.

В XVIII в. дважды предпринималась чеканка золотых монет наименьшего достоинства - в полтину (1756 и 1777-1778 гг.) и рубль (1756-1758 и 1779 гг.) - более для внутреннего дворцового обихода, чем для целей широкого обращения. Но встречаются некоторые из них довольно часто и притом в основательно потертом виде. В основном же с 1755 г. чеканились десятирублевые и пятирублевые монеты (империалы и полуимпериалы). Для них была выработана особая композиция оборотной стороны: крестообразно расположенные пять картушей с гербами - государственным (в центре) и московским, казанским, сибирским и астраханским (вокруг). В углах креста находятся цифры даты, а номинал обозначен «пять рублей» и «десять рублей». На золотых монетах Павла I, как и на его крупных серебряных монетах, обосновался девиз ордена Тамплиеров, а портрета не стало. Не вернулся он и на монеты Александра I, хотя с 1802 по 1809 г. оборотная сторона империала и полуимпериала чеканилась по типу монет Екатерины II. Место портрета заняла надпись.

В XIX в. после перерыва в чеканке золота с 1809 по 1817 г. регулярно чеканился вплоть до 1885 г. только полуимпериал с государственным гербом на одной стороне и обозначением номинала - на другой. Полуимпериал 1832 г. является своеобразным памятником: на одной тысяче монет было обозначено происхождение металла - «из россыпей колыванских». С 1834 по 1841 г. прибавилась еще и трехрублевая русско-польская монета (3 рубля = 20 злотых) петербургской и варшавской чеканки. С 1869 г. трехрублевик выпускался снова, но уже только с русской надписью.

С 1886 г. снова чеканятся империал и полуимпериал, на которых помещается портрет императора. Во время реформы Витте в 1897 г., как переходная ступень между монетой старого и нового веса, были выпущены империал и полуимпериал старого веса, но с ценностью в 15 и 7 1/2 рублей, а позже снова чеканились монеты в 10 и 5 рублей, составляющие уже 2/3 и 1/3 империала. Реформа Витте сделала основой русской денежной системы золотой рубль - в качестве денежной (не монетной) единицы.

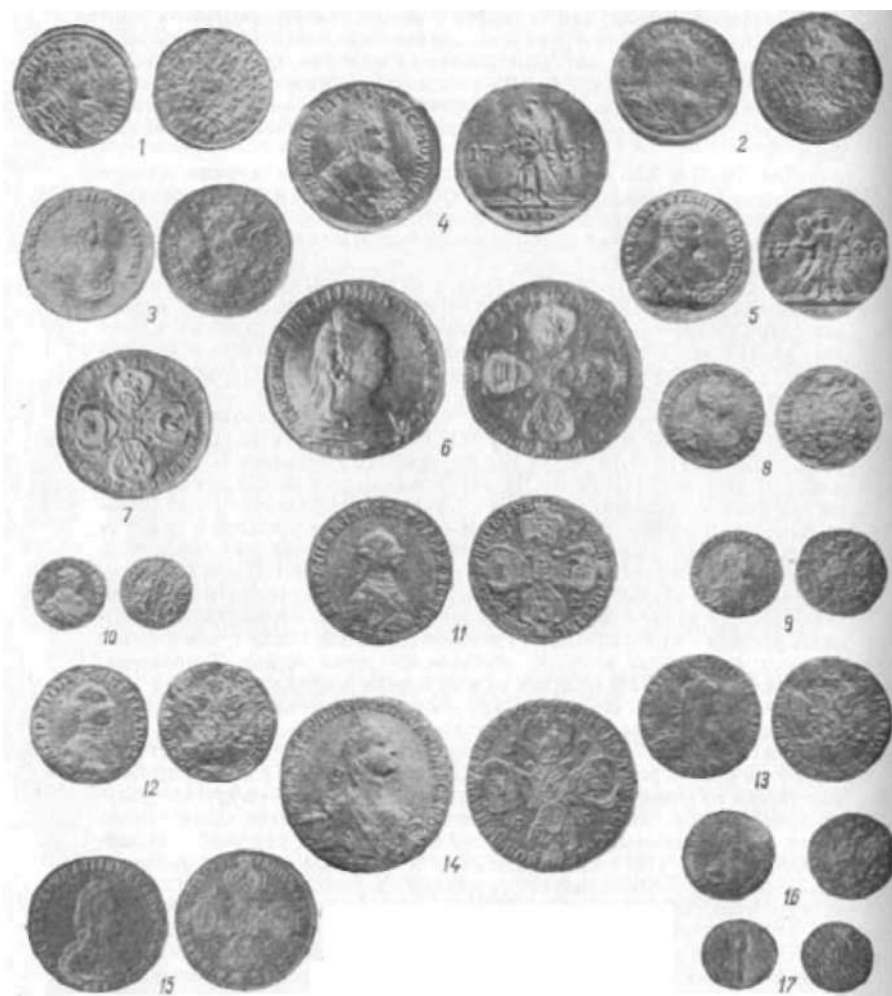

Рис. 149. Золотые монеты XVIII в. после Петра II. 1-3, 12, 13 - червонцы, 4, 6 - двойной и одиночный андреевские червонцы Елизаветы 1749-1753 гг., 6, 7, 11, 14, 15 - империалы (10 руб.) и полуимпериалы. Начало Чеканки в 1755 г., 8-10-2 рубля, 1 рубль и полтина Елизаветы 16, 17 - рубль и полтина Екатерины II.

Памятниками русской золотой чеканки, мало кому известными, являются так называемые «пробы» - монетовидные серебряные кружки нескольких размеров, с гербом на одной стороне и обозначением пробы и веса - на другой. В таком виде золотопромышленникам, сдававшим на монетный двор «сырое» золото для чеканки монет, возвращалось серебро, выделенное при аффинаже (освобождении от примесей) золота.

Голландские червонцы. Замечательным явлением в русском монетном деле была производившаяся в течение более столетия тайная чеканка иностранной золотой монеты - голландских червонцев, которые в официальных документах упоминаются только под таинственным названием «известная монета».

Выпускавшиеся с 1735 г. червонцы ни в чем не уступали подлинным и предназначались сперва только для заграничных платежей, но постепенно заняли заметное место во внутреннем обращении страны. В частности, в XIX в. обычно ими выплачивалось жалованье войскам на окраинах - в Средней Азии, на Кавказе, в Царстве Польском. В народе червонцы получили несколько местных названий - лобанчик, арапчик, пучковый (на червонце находилось изображение воина с пучком стрел в руке).

Рис. 150. Золотые монеты XIX и начала XX в .

В самой Голландии чеканка червонцев этого вида была временно прекращена в 1849 г., поэтому и в России с 1850 г. они чеканились только с датой «1849». В результате протеста голландского правительства чеканка «известной монеты» была прекращена в 1868 г., а в следующем возобновился выпуск трехрублевика.

Известно, что во время Кавказской войны в государстве Шамиля испытывавшем большие затруднения в области обращения привычной для населения Дагестана русской монеты, частными лицами делались попытки изготавливать поддельные, густо позолоченные голландские червонцы.

Рис. 151. Полуимпериал 1832 г. Золото из «россыпей Кольванских».

Рис. 152. Так называемые «пробы» - монетовидные слитки серебра. В таком виде золотопромышленникам, сдававшим золото для обработки, возвращалось Монетным двором серебро, выделенное при аффинаже.

Рис. 153. Голландские червонцы русской чеканки XVIII и XIX вв.

Платина. Совершенно своеобразным явлением для мирового денежного дела была производившаяся с 1828 по 1845 г. чеканка русской государственной платиновой монеты достоинством в 3, 6 и 12 рублей. Это «вторжение» двенадцатикратного принципа в десятичную монетную систему объясняется случайными обстоятельствами - соотношением тогдашних цен платины и серебра, с одной стороны, и избранным для платиновых монет размером - с другой. Платиновый кружок, равный по размеру серебряному рублю, стал двенадцатирублевой монетой, равные полтине и четвертаку - шести- и трехрублевыми монетами.

В чеканке платиновой монеты кровно были заинтересованы Демидовы, на рудниках которых начали с 20-х гг. XIX в. добывать много платины, не находившей тогда применения в промышленности. Используя свои связи, Демидовы пытались добиться возобновления чеканки платиновой монеты и позже.

Особые монетные серии. В XVIII в. русским правительством выпускались в течение нескольких лет две специальные серии монет по талерной системе: в 1756-1757 гг. так называемые «ливонезы» - серебряные монеты в 2, 4, 24, 48 и 96 копеек для Прибалтийских провинций, а также замечательные в своем роде серебряные монеты для Пруссии, чеканившиеся с 1759 по 1762 г. во время оккупации ее русскими войсками. В 1759-1761 гг. на Кенигсбергском монетном дворе чеканились монеты в 18, 6, 3 и 1 грош и 1 солид (шиллинг), а в 1761 г. еще гульден (1/3 талера) и полугульден. Монеты 1761 г. чеканились и в Москве. На номиналах более крупных достоинств находится портрет Елизаветы.

Рис. 154. Платиновые монеты в 12, 6 и 3 рубля, 1823-1846 гг.

Молдавская монета. В 70-х гг. XVIII в., во время русско-турецкой войны, командование русской дунайской армии организовало чеканку особой медной монеты для Молдавии и Валахии из меди захваченных у турок орудий. Чеканка производилась в Молдавии применительно к местному денежному счету, который сложился под турецким влиянием; выпускались монеты в 1 пара = 3 денги в 2 пара = 3 копейки (40 пара составляли 1 турецкий лев). Привилегия на чеканку через несколько рук перешла к авантюристу Гартенбергу, который устроил монетный двор в своем имении Садогуре близ селения Рогожна. Он распоряжался там совершенно бесконтрольно и ввел казну в большие убытки. Кроме названных монет, известны некоторые пробные, в обращение не поступавшие, в том числе и серебряные.

Рис. 155. Ливонезы - серебряные монеты для Прибалтийских провинций, 1756-1757 гг. 1-5 - 96, 48, 24, 4 и 2 копейки.

Во время войны с Турцией 1806-1809 гг. для снабжения вступившей в Молдавию русской армии пришлось чеканить в Петербурге низкопробную серебряную монету по образцу турецких левов, так как высококачественная русская монета в Молдавии из-за большого содержания в ней серебра, сразу же стала предметом спекуляции. Ее переливали в слитки или вывозили за границу.

Рис. 156. Монеты для Пруссии 1759-1762 гг. 1-5 - 18, 6, 3 и 2 гроша и 1 солид 1759-1761 гг., 6 - гульден (1/3 талера) 1761 г., 7 - полгульдена (1/6 талера) 1761 - 1762 гг.

Рис. 157. Молдавские монеты 1771-1772 гг. 1,2 - 2 пара - 3 копейки и 1 пара - 3 деньги 1772 г. 3 - перечеканка молдавской монеты в русскую.

Шведские пятаки. Подобным же образом в 1788 г., во время войны с Россией, шведское правительство организовало на монетном дворе в Авеста чеканку русских пятаков для нужд находившейся в Финляндии своей армии. Они повторяют тип екатерининских пятаков с датами 1764, 1778 и 1787 и знаком *ЕМ* (Екатеринбургского монетного двора), не уступая им в качестве, и распознаются только по изображению короны на них - королевской, вместо русской императорской.

Рис. 158. Пятаки Екатерины II шведской чеканки 1788 г.

Национальные серии. Особое место в нумизматике русского многонационального государства занимают три длительно выпускавшиеся серии «областной» монеты, построенные применительно к местной традиции и привычке населения к определенному роду монеты. Первыми и неудавшимися опытами в этой области были упоминаемые выше севские ехи XVII и ливонезы XVIII вв.

Рис. 159. Медаль на открытие Тифлиского монетного двора в 1804 г.

Начавшаяся в 1804 г. чеканка монеты для недавно вошедшей в состав Российского государства Грузии, производилась на Тифлисском монетном дворе до 1833 г. Учитывалось, что население Грузии имело вековую привычку к местной монетной системе, сложившейся под влиянием персидских монетных единиц. Монетный двор был устроен в ветхих и тесных помещениях бывших царских бань; ручные прессы и другое оборудование доставили из Петербурга.

Рис. 160. Грузинские монеты 1804-1833 гг. 1-3 - серебро, двойной абаз 1827 г., абаз 1805 г. и полуабаз 1832 г.; 4-6 - медь, 20 и 10 пули 1810 г. и 5 пули 1806 г. (чеканились по 1810 г.).

Чеканились с обозначением на грузинском языке серебряные двойные абазы, абазы и полуабазы с 1810 г. - медные монеты в 20, 10 и 5 пули. Только инициалы минцмейстеров обозначались русскими буквами.

В 1810 г. русское правительство приобрело у наследников Станислава Августа здание принадлежавшего ему Варшавского монетного двора со всем оборудованием. В 1815-1841 гг. там выпускалась серебряная, медная и золотая монета для Польши с обозначением ценности на польском языке в злотых и грошах. С 1832 по 1841 г. производилась чеканка серии русско-польских монет; кроме упоминавшегося выше золотого в 3 рубля = 20 злотых, были серебряные монеты в 1 ½ и ¾ рубля, в 30 и 15 копеек с обозначением достоинства на русском и польском языках. Чеканка их производилась на Варшавском и Петербургском монетных дворах. В 1842 г. начался выпуск серии такого же рода в 25, 20, 10 и 5 копеек (50-10 грошей). Прекратив чеканку русско-польской монеты в 1850 г., правительство было вынуждено ввиду потребности в местной разменной монете еще в течение многих лет выпускать чеканенную штемпелями 1840г. польскую билонную и медную монету низших достоинств.

Рис. 161. Русско-польские монеты 1832-1850 гг. 1 - золото, 3 рубля - 20 злотых 1832-1841 гг., 2-5 - 1 ½ рубля - 10 злотых, ¼ рубля - 5 злотых 30 и 15 копеек - 2 и 1 злотый, чеканились по 1842 г. 6 - 20 копеек - 40 грошей 1842-1850 гг.

В 1863 г. в Гельсингфорсе был устроен монетный двор и в соответствии с особыми правами Финляндии, определявшимися ее конституцией, началась чеканка серии золотых, серебряных и медных монет для Финляндии. До этого финляндской монеты не существовало, но в первой половине XIX в. там выпускались особые местные ассигнации мелких достоинств.

Новую серию монет составляли золотые в 20 и 10 марок, серебряные в 2 и 1 марку, 50 и 25 пенни и медные - в 10, 5 и 1 пенни. Были попытки ввести и еще некоторые номиналы. Императорский двуглавый орел на этих монетах имеет на грудном щитке герб Финляндии. В 1917г. чеканка в Гельсингфорсе (с двуглавым орлом, уже лишенным короны) прекратилась.

Рис. 162. Монеты Финляндии 1863-1917 гг. 1, 2 -- золото, 20 и 10 марок, 3-6 - серебро, 2 и 1 марка, 50 и 25 пенни 7-9 - медь, 10, 5 и 1 пенни.

Рис. 163. Ассигнационный банк в Петербурге, рисунок 1834 г.

Рис. 164. Не получившая утверждения медаль в память открытия Банковского монетного двора и жетон этого монетного двора.

Монетные дворы в XIX в. По своему оснащению Петербургский монетный двор до конца XVIII в. уступал многим другим, на которых имелась возможность использовать «вододействующие машины» - мельничные колеса. Но в 1805 г. во вновь выстроенном по проекту архитектора А. Порты против собора в Петропавловской крепости величественном здании были установлены привезенные из Англии винтовые прессы и другие машины, приводившиеся в движение английскими же паровыми пневматическими машинами.

Однако, пока строилось новое здание, чеканка монет и медалей с 1799 г. была поручена временному, так называемому Банковскому монетному двору, который был устроен в здании Ассигнационного банка на Садовой улице (ныне Финансово-экономический институт). В очень короткий срок здесь установили и пустили первые в русском монетном производстве паровые машины, построенные на русских заводах в Петрозаводске и Петербурге.

В 1810-1813 гг. механик Петербургского монетного двора И. А. Неведомский обрел и построил сперва действующую модель, а потом и опытный образец совершенно новой машины для чеканки монет - кривошипный пресс с автоматической подачей и уборкой из-под штемпеля кружков. Опубликованное с чертежами в 1811 г., но не оцененное в России изобретение умершего в 1814 г. Неведомского было быстро подхвачено за границей. Вскоре новые прессы работали уже на десятках монетных дворов мира, а в 40-х гг. XIX в. были закуплены и установлены и Петербургским монетным двором - под названием ульгорновских.

Банковский монетный двор был закрыт в 1805 г., как только возобновил работу Монетный двор в Петропавловской крепости. На последний ложилась все большая нагрузка, с которой он не всегда справлялся. 1840 по 1844 г. к чеканке медной монеты снова был привлечен Ижорский завод, на этот раз помечавший монеты знаком *СПБ*. После 1864 г. в Петербурге чеканилась уже вся серебряная монета, так как был закрыт Варшавский монетный двор, который с 1842 г. регулярно чеканил общегосударственную русскую серебряную и медную монету всех видов (знаки на серебре - *MW*, на меди- *WM* и *BM*).

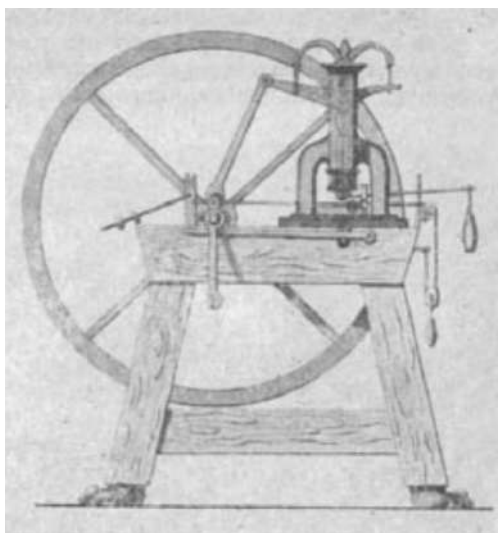

Рис. 165. Монетный кривошипный пресс И. А. Неведомского 1811 г.

Рис. 166. Памятные жетоны И. А. Неведомского 1811 и 1813 гг.

С течением времени менялся облик здания Петербургского монетного двора. Дымовые трубы, первоначально скрытые по замыслу архитектора внутри замыкавших главный фасад круглых угловых башен, поднялись над зданием в новых местах. В 70-х гг. после прокладки водопровода стал не нужен и был засыпан отделявший Монетный двор от собора канал, который питал водой котлы паровых машин.

Пожар, уничтоживший в 1847 г. Сузунский (Колыванский) медный монетный двор, соответствующим образом увеличил объем работы Екатеринбургского. Однако и последний был закрыт в 1876 г., после чего Петербургский монетный двор остался единственным в стране, если не считать Гельсингфорсского, который чеканил только финскую монету.

Начиная с 60-х гг. правительство неоднократно вынуждено было передавать заказы на чеканку русской монеты за границу, не прекращая изготовление такой же монеты в Петербурге. В 1861 г. разменная русская монета в 20, 15 и 10 копеек на сумму более 7 миллионов рублей чеканилась в Париже и Страсбурге. Она опознается по отсутствию инициалов минцмейстера. В 1896 г. в Париже чеканились монеты в 1 рубль, 50 и 25 копеек, а в 1897- 1899 гг. рубли и полтинники чеканились в Париже и Брюсселе. Знаком парижской чеканки служит одна звездочка на гурте, брюссельской - две. В 1916 г. заказ на чеканку разменной серебряной монеты из закупленного в Китае серебра выполнял Монетный двор в Осака (Япония), не помещавший на ней знаки минцмейстера .

Комплект медной монеты (без пятака) чеканился в 1896 и 1897 гг. только в Англии, на бирмингемском заводе Хотана, а в 1899 г. Министерство финансов передало заказ на чеканку меди Петербургскому заводу Розенкранца .

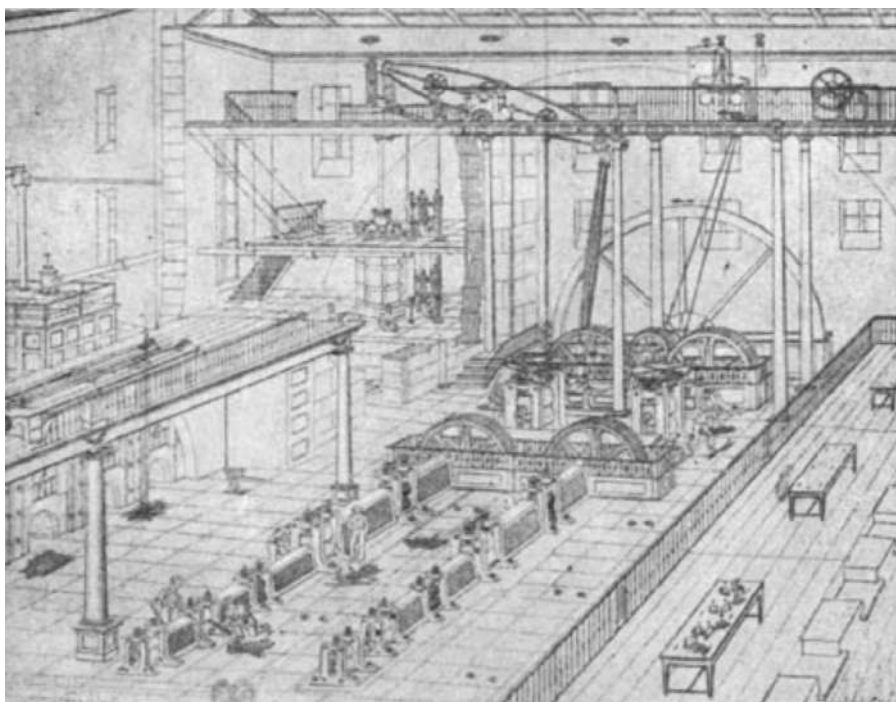

Рис. 167. Внутренний вид (разрез) здания Петербургского монетного двора в 20-х гг. XIX в. Внутри угловой башни (против собора) находилась котельная.

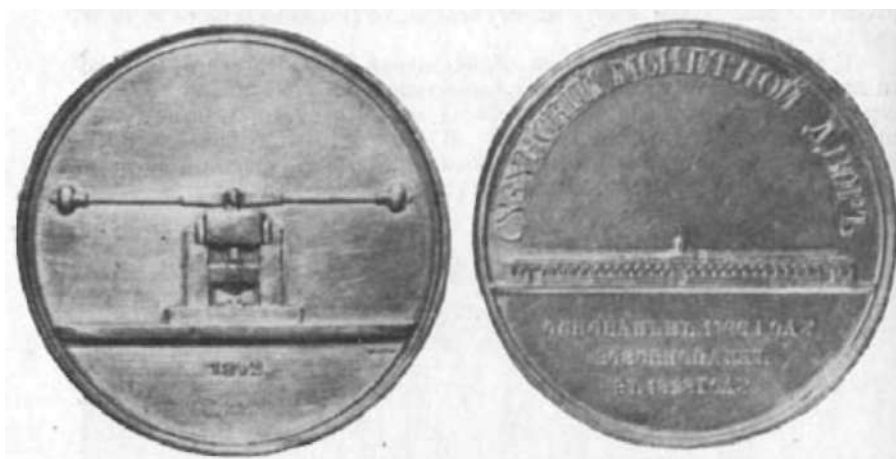

Рис. 168. Памятная медаль Сузунского монетного двора 1842 г.

Распространенные заблуждения. Подделки. Благодаря отчасти некоторым историческим романам, существуют ходячие представления о монетах и платежных знаках, которых в действительности никогда не было, например - о серебряных рублевиках царевны Софьи и ее медных деньгах, о монетах Емельяна Пугачева, о демидовских поддельных рублевиках Анны Иоанновны и т. п. Часто встречается также «передвижка» тех или иных платежных единиц в более раннее время и т. д. Русскими ассигнациями платят в первой половине XVIII в., монеты того же времени называются «семишниками» и т. д. Не свободен от ошибок такого рода «Петр Первый» А.Н. Толстого.

Рис. 169. Здание Петербургского монетного двора в 70-х гг. XIX в.

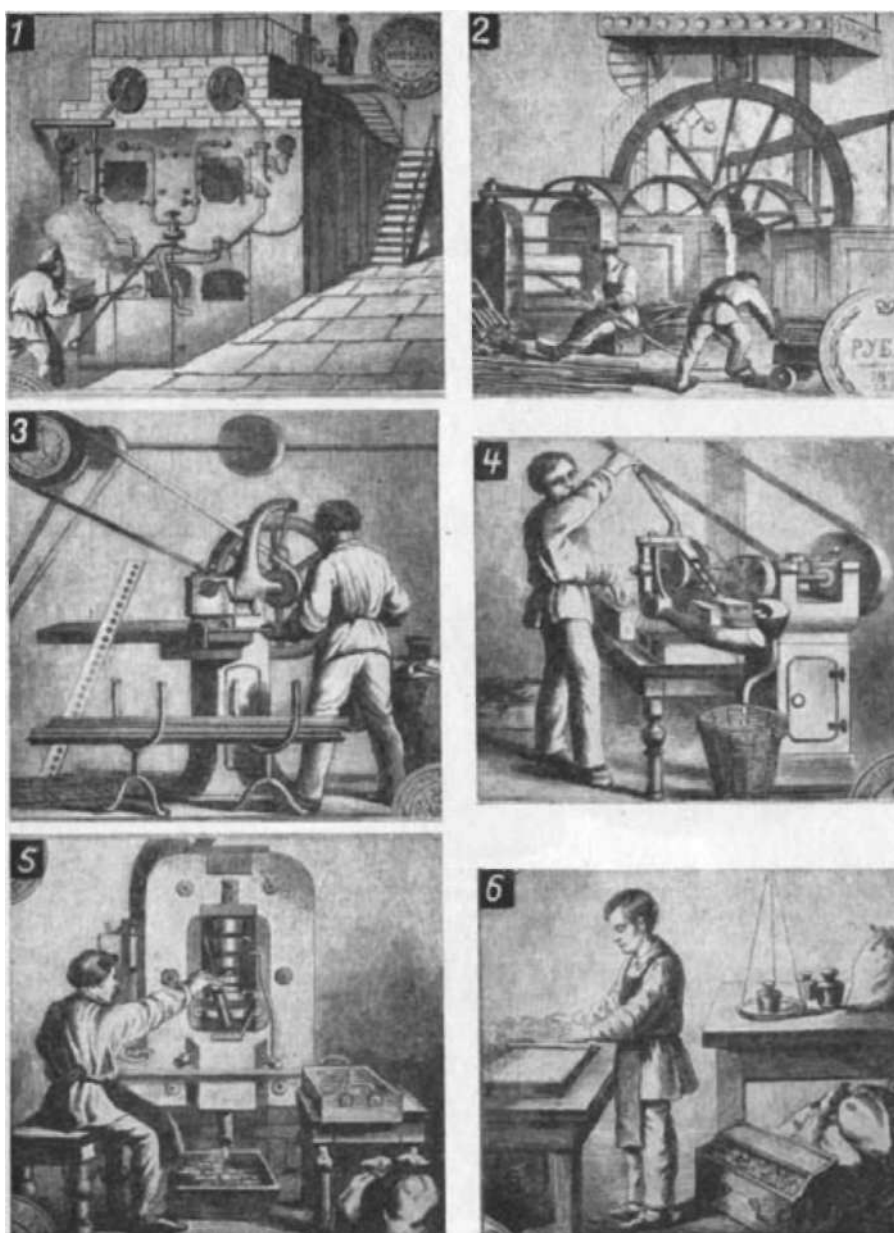

Рис. 170. Производство на Петербургском монетном дворе в 70-х гг. XIX в. 1 - паровая машина, 2 - прокатка полос, 3 - вырубка кружков, 4 - накатка гуртика, 5 - чеканка монеты, 6 - счетчик монеты.

Рис. 171. Памятная медаль Петербургского монетного двора 1894 г. по случаю 175-летнего юбилея.

Сильно грешат этим романы Е. Федорова, Ю. Германа и многих других писателей. Немало несуразностей и в романах, посвященных истории XV- XVI вв. В одном из них, например, человек умудряется рассовать по карманам и за пазуху 2000 рублей, т. е. около 150 кг серебра!

Встречающиеся экземпляры медных и серебряных «монет» Пугачева с его портретом в папаше и генеральских эполетах - продукция антикваров XIX в., рассчитывавших на легковерных собирателей редкостей. Еще А.С. Пушкин заметил, что у Пугачева не было времени заниматься чеканкой монеты и измышлять затейливые надписи[1].

[1] Неосновательный характер имеют и недавние публикации относительно вновь открытых «орденов» Пугачева. Пугачев действительно награждал верных ему людей медалями на лентах. Но достоверно известно, что это были старые медали, например «За победу над пруссаками» и т. п., вероятно, снятые с пленных и убитых солдат. Вновь открытые «ордена» являются вполне очевидными подделками.

Подделка старинных монет для обмана собирателей в свое время была очень выгодным занятием. Начавшись в России в первой половине XIX в., она расширялась вместе со спросом и ростом числа собирателей. Вполне понятно, почему она везде шла в основном по двум линиям: изготовляли либо более или менее удовлетворительные подражания наиболее редким и уникальным монетам, либо сочиняли нечто совершенно фантастическое. Из русских подделок наиболее часто приходится встречаться с «платами» и «сестрорецкими рублями»; известны также подделки рублевика Константина, сребреников и златников Владимира, рублей и полтинников Алексея Михайловича и т. д. Встречаются и поддельные слитки, в особенности клейменные. Особенно грубой и невежественной фальсификацией являются шестиугольные «киевские» слитки, у которых на плоской стороне находится изображение крылатого ангела. Фальсификатор не сообразил, что при литье в открытую форму поместить на этой стороне какие-либо изображения было совершенно невозможно.

К фальсификаторской продукции можно отнести встречающиеся по большей части на юге нашей страны рубли и полтинники Николая II, на которых выбито восьмиугольное клеймо со словами «Низложеніе дома Романовыхъ. Мартъ 1917». Они стали известны около 1930 г.

Рис. 172. Антикварные подделки монет.

От поддельных монет следует отличать так называемые «новодельные», которые изготавливались в XVIII и XIX вв. Петербургским монетным двором по заказам собирателей, с использованием отчасти старых, а отчасти и вновь изготовленных штемпелей. Чеканились заново (новыми штемпелями) некоторые редкие петровские монеты, золотые и серебряные копеечки московских царей XVI и XVII вв., червонцы Алексея Михайловича, Федора Алексеевича и Софьи, рублевики Алексея Михайловича и клейменные «ефимки». Такие рублевики иногда сохраняют гуртовую надпись монет петровского времени, использованных в качестве кружков для чеканки; для ефимков заново изготавливали паталоны Альберта и Елизаветы. Это производство было прекращено в 40-х гг. XIX в., но вплоть до 1890 г. Монетный Двор принимал заказы на чеканку сохранившимися старыми штемпелями XVIII и XIX вв. Такие «новоделы» почти всегда легко опознаются по особенностям фактуры. Изготовлением новодельной («новоштемпельной») монеты занимался и Екатеринбургский монетный двор незадолго до его закрытия.

Рис. 173. Новodelный ефимок Петербургского монетного двора.

Рис. 174. Расчетные марки акционерного общества, строившего железную дорогу Харьков - Симферополь.

Частные деньги, марки, суррогаты. В 1870 г. был обнародован закон, запрещающий употребление каких-либо частных денег, хотя монетовидные частные платежные знаки в России в то время большого распространения еще получить не могли. По-видимому, закон имел в виду такие случаи, как выпуск одним акционерным обществом, строившим железную дорогу, бронзовых марок различных достоинств для расчетов с рабочими, причем предполагалась и организация принадлежащих обществу лавок. Известны медные марки в 10 рублей промышленной фирмы Бромлей (Москва).

Встречающиеся часто различные металлические знаки с обозначенной на них ценностью относятся главным образом к числу трактирных и клубных марок, которые непосредственно денег не подменяли и служили для «внутренних» расчетов между официантами и кассой. Чаше других встречаются платежные марки полковых буфетов, с надписями вроде - «Товару на 1/2 копейки» и т. п.

Эрмитажу принадлежит очень редкий «бумажный золотой» - прессованный из позолоченного картона кружок, повторяющий тип пятирублевой монеты Николая II. Из сохранившейся при нем записки видно, что в 1905 г. такие марки служили своего рода квитанциями для лиц, помогавших деньгами латышской революционной организации.

К числу монетовидных денежных суррогатов предреволюционного времени принадлежат выпущенные в 1916 г. германским командованием оккупационные марки в 1, 2 и 3 копейки с надписью *OS* - для восточного фронта. Они чеканились из железа в Берлине (знак *A*) и в Гамбурге (знак *J*).

Рис. 175. «Бумажный золотой» - монетовидная картонная марка латышской революционной организации, 1905- 1907 гг.

Рис. 176. Оккупационные боны 1916 г. германского командования Северо-восточного фронта.

Некоторые проекты XVIII и XIX вв. Новодельные монеты, составляющие наименее привлекательную область русской нумизматики, появились при Екатерине II, однако «изобретателем» их был Петр III. Он издал распоряжение, оставшееся невыполненным за кратковременностью его правления, - собрать всю находившуюся в обращении потертую монету всех «прежде бывших» императриц и императоров и возобновить ее для дальнейшего обращения, изготовив для этого заново все штемпели, какие могут понадобиться...

Вскоре после того, как во Франции началась чеканка десятичной серии монет, над десятичной системой в России нависла угроза. У Павла I родилась идея переделать русские монеты на немецкий лад; были даже отчеканены пробные образцы крупных монет с названием «ефимок». Но дальше этого дело не пошло.

В 50-х гг. XIX в., после Лондонской всемирной выставки 1851 г., возник вопрос об унификации метрологии и денежных систем Европы и Америки на основе десятичной системы. Он обсуждался правительствами многих государств; созывались международные совещания, в которых, принимала участие и Россия.

В 1861 г. специальная комиссия Академии наук обсуждала «Проект академика Купфера о предлагаемых им способах к введению в России французской метрической системы мер и весов». В этом проекте и в резолюциях по нему, в части, касавшейся монеты, речь шла по существу не о переходе на десятичную систему - он состоялся в России ранее, чем где бы то ни было, а о перестройке русской системы по французскому образцу, для чего серебряный рубль нужно было уменьшить в четыре раза. О том, что русская монетная система давно является десятичной, даже не упоминалось. Высказывалось соображение, что уменьшение копейки в четыре раза способно привести к удешевлению жизни в России. Три члена комиссии - академики Б.С. Якоби, М.В. Остроградский и В.Я. Струве - выступили с особым мнением, предостерегая Академию от принятия легкомысленных решений и рекомендаций правительству.

Рис. 177. Пробный ефимок Павла I 1798 г.

Рис. 178. Пробные золотые монеты 1895 г. в 15, 10, и 5 русов (империал, 2/3 и 1/3 империала).

Однако «французская опасность» для русской монетной системы продолжала существовать. В 90-х гг., во время реформы Витте, проводившейся за счет заграничного займа, существовало намерение перекрестить рубль в «рус», под явным влиянием «франка». Были даже отчеканены пробные золотые монеты в 5, 10 и 15 русов. Этим «чисто русским» названием, как видно, хотели прикрыть отдачу страны в кабалу французским банкирам. В 1902 г. выпускались самые крупные по номиналу русские золотые монеты с двойным обозначением достоинства: 37 1/2 рублей - 100 франков. До этого в 1876 г. одновременно были выпущены в незначительном количестве золотые монеты достоинством в 25 рублей; в 1908 г. снова было отчеканено только 150 монет, в 1910 - 25.

Рис. 179. Пробные медные монеты 1916 г.

Конец монетной системы императорской России. Всеобщая разруха, до которой довела экономику царской России начавшаяся в 1914 г. империалистическая война, положила конец реальному существованию монетной системы Российской империи. В 1915 г. чеканился в последний раз серебряный рубль - в количестве всего только 600 экземпляров и произошло последнее изменение в типе разменной серебряной и медной монеты: на ней перестали помещать буквы *СПБ* - знак монетного двора. Выше указывалось, что часть монет 1916 г. чеканилась в Осака.

Рис. 180. 1 - рубль последнего года чеканки (1915) был отчеканен в количестве 600 экземпляров, 2-4 - разменные серебряные монеты 1917 г.

В том же году обсуждался вопрос об изменении типа медной монеты, и на Монетном дворе была изготовлена серия пробных монет в нескольких вариантах, но они не понадобились, так как чеканка меди больше уже не производилась. Известны отчеканенные в самом ограниченном количестве мелкие серебряные монеты 1917 г., но в обращении их уже не было. В первый же год войны бесследно исчезли золотые монеты, за ними последовали серебряные - сперва крупные, а затем и мелочь. Шаг за шагом с 1915 г. их вытесняла бумага всех цветов. Даже место медной разменной монеты заняли бумажки и почтовые марки.

Рис. 181. Ленинградский монетный двор. Юбилейная плакетка 1924 г.

МОНЕТЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Восстанавливая экономику страны после окончания гражданской войны и изгнания интервентов и стремясь укрепить смычку города и деревни, Советское правительство в ходе денежной реформы создало монетную систему первого в мире государства рабочих и крестьян. Она была построена по традиционному русскому десятичному принципу.

В осуществленной по ленинскому замыслу стабилизации рубля, на последнем этапе денежной реформы 1922-1924 гг., советским монетам принадлежала важная роль, далеко выходящая за рамки чисто экономического начинания. Украшенная гербом и девизом Советского государства, новая серебряная монета ни в чем не уступала дореволюционной и в глазах многомиллионного крестьянского населения страны была наиболее реальным и весомым доказательством окончательного преодоления многолетнего расстройтва денежного обращения.

В течение нескольких лет до завершения реформы 1922-1924 гг. в денежном обращении непрерывно сменяли друг друга серии бумажных денежных знаков всевозможных выпусков - вплоть до городских, кооперативных, фабричных и тому подобных расчетных бон. Среди них промелькнули и немногие виды металлических монетовидных знаков. Наиболее известны мавирские 1918 г. - в 1, 3 и 5 рублей; курьезные боны киевской кооперативной организации «Разум и совесть» 1921 г., представлявшие попытку положить в основу ценности денег овеществленный труд в виде хлеба («пуд хлеба - рубль труда») и боны 1922 г. Петроградской шорно-чемоданной фабрики в 1, 2, 3, 5, 10 и 50 копеек и в 1, 3, 5 и 10 рублей, отчеканенные в меди, бронзе и алюминии. Имел место выпуск подобных бон также в Средней Азии и на Кавказе. В годы нэпа местами начинало оживать обращение монеты царской чеканки.

Рис. 182. Металлические платежные боны советского времени. 1-3 - армавирские боны 1918 г., 4-7 - киевские кооперативные боны 1921 г., 8 - 15 - боны Петроградской 2-й шорно-чехмоданной фабрики 1922 г.

Еще в 1921 г. Советское правительство восстановило ранее частично демонтированный Петроградский монетный двор и начало чеканку серебряной монеты, планомерно создавая запас ее, необходимый в будущем при проведении денежной реформы. Рублевая и полурублевая монета чеканки 1921 и 1922 гг. имеет изображение пятиконечной звезды на одной стороне и герб Российской Советской Федеративной Социалистической республики - на другой. Этот же герб находится на разменной серебряной монете чеканки 1921-1923 гг. в 20, 15 и 10 копеек. Другая сторона ее по общему облику напоминает дореволюционную монету тех же достоинств.

Раньше чем серебряная монета вышла в обращение, в 1923 г., были отчеканены и получили применение в некоторых заграничных платежах золотые червонцы с гербом РСФСР, с изображением крестьянина-сеятеля и с надписями славянским шрифтом. Этот кратковременный выпуск сыграл определенную роль в укреплении международного авторитета советского бумажного червонца.

Рис. 183. Монеты Советского государства чеканки 1921 -1923 гг. 1-5- серебряные рубль и 50 копеек, билонные 20, 15 и 10 копеек, 6 - золотой червонец 1923 г.

В 1924 г. при осуществлении денежной реформы была введена в обращение монета РСФСР чеканки 1921-1923 гг. и продолжалась чеканка тех же номиналов, но нового типа, отразившего провозглашение Союза Советских Социалистических Республик. На украшенном гербом СССР рублевике 1924 г. находится изображение рабочего и крестьянина. В следующие годы рубль уже не чеканился. На полурублевой монете, которая выпускалась по 1927 г. с изображением кузнеца, номинал обозначен «один полтинник». Был обновлен и вид разменных монет. В том же 1924 г. производилась и чеканка медной монеты достоинством от 5 копеек до 1 копейки, а с обозначением 1925 г. чеканились только копейка и новый номинал - полкопейки.

Нужны были огромные массы монеты, чтобы заново насытить рынок. Одновременно с чеканкой в Ленинграде заказ на чеканку полтинников в 1924 г. был передан Лондонскому монетному двору: они опознаются по инициалам ТР (Томас Рос) на гурте. Тогда же по заказу Советского правительства медные пятаки чеканились Бирмингемским монетным двором и еще одной бирмингемской частной фирмой, а в самом Ленинграде в 1924 и 1925 гг. чеканку медной монеты (штемпеями 1924 г.) производил завод «Красная заря».

Первые монеты Советского государства по формату, весу, пробе и отчасти даже по общему типу разменной серебряной монеты раннего типа следовали нормам издавна привычной для населения дореволюционной чеканки, в то же время неся на себе герб и девиз рабоче-крестьянского государства.

Рис. 184. 1-6 - серебряные монеты СССР 1924-1931 гг., 7-11- медные монеты 1924 и 1925 гг., 12-13- пробная чеканка ленинградского завода «Красная заря».

В 1926 г. медную монету сменила сходная с нею по типу, но меньшая по формату, бронзовая; лишь монета в полкопейки, выпускавшаяся по 1928 г., осталась медной. С 1928 г. из серебра чеканились уже только монеты в 20, 15 и 10 копеек. Стабилизация советского денежного хозяйства позволила в 1931 г. вовсе отказаться от расходования драгоценного металла для целей обращения. Серебро сделало свое дело и было сменено никелевой монетой нового рисунка. Смена монеты произошла не в самом начале года, поэтому монеты 1931 г. в 20, 15 и 10 копеек имеются обеих видов: в серебре и никеле. Большой редкостью считается монета в 20 копеек 1934 г. По-видимому, чеканка для обращения этим штемпелем не производилась [1].

[1] Следует иметь в виду, что при отсутствии тех или иных годовых штемпелей, чеканка всегда могла производиться старыми штемпелями.

В 1935 г. произведено новое изменение типа монеты. Никелевая монета этого года имеется только нового образца, но часть бронзовой, на которой изменен лишь рисунок оборотной стороны, была отчеканена еще по-старому. Таким образом, бронзовые монеты 1935 г. также имеются двух видов.

Рис. 185. Никелевые монеты СССР 1931-1934 гг.

Рис. 186. 1-4 - бронзовые монеты 1926-1935гг., 5 - медные полушки 1925-1928гг.

Тип никелевой и бронзовой монеты 1935 г. сохранялся до реформы 1961 г., с небольшими изменениями в рисунке герба, на котором в связи с конституционными изменениями увеличивалось или уменьшалось количество витков ленты на колосьях: по 1936 г. их семь (считая с перевязью внизу), в 1937-1946 гг. - одиннадцать, в 1948-1956 гг. - шестнадцать и с 1957 г. - пятнадцать.

В период Отечественной войны, когда Монетный двор находился в эвакуации, в 1942 и 1944 г. бронзовая монета не чеканилась, а никелевая 1942 г. довольно редка.

В послевоенные годы получили известность чеканившиеся на Монетном дворе платежные бонны Арктикугля 1946 г. в 50 и 20 копеек из белого металла и 15 и 10 копеек - из желтого. Они предназначались для торгового обслуживания советской концессии на острове Шпицбергене. С другими датами они не чеканились.

Монета, датированная 1947 г., не была выпущена, но денежная реформа 1947 г. не затронула находившейся в обращении старой монеты, которая обмену не подлежала.

Последним годом чеканки по типу 1935 г. был 1957. Штемпелями последнего (а быть может и другими) производилась чеканка для обращения 1958-1960 гг., так как в 1958 г. уже изучался вопрос о предстоящих изменениях в монетном обращении.

Рис. 187. 1-3 - никелевые, 4-7 - бронзовые монеты 1935-1957 гг.

Рис. 188. Пятикопеечные монеты 1935-1946 гг., 1937-1946 гг., 1948-1956 гг. и 1957 г.

Рис. 189. Платежные боны Арктикуглы для острова Шпицберген, 1946 г.

Денежная реформа 1961 г., проведенная одновременно с изменением масштаба цен, потребовала замены находившейся в обращении старой монеты, что и было произведено в течение января - марта 1961 г. 1 января в обращение поступили новые монеты. Кроме традиционного набора в 1, 2 3 и 5 копеек бронзового сплава и в 10, 15 и 20 копеек белого металла, из последнего были отчеканены монеты в 50 копеек и в 1 рубль. Вся серия получила новое, довольно единообразное оформление. В целях экономии бронзовые монеты прежней чеканки в 1, 2 и 3 копейки были оставлены в обращении. Выпускавшиеся до реформы 1961 г. никелевые и бронзовые разменные монеты занимали сравнительно скромное место в советской денежной системе.

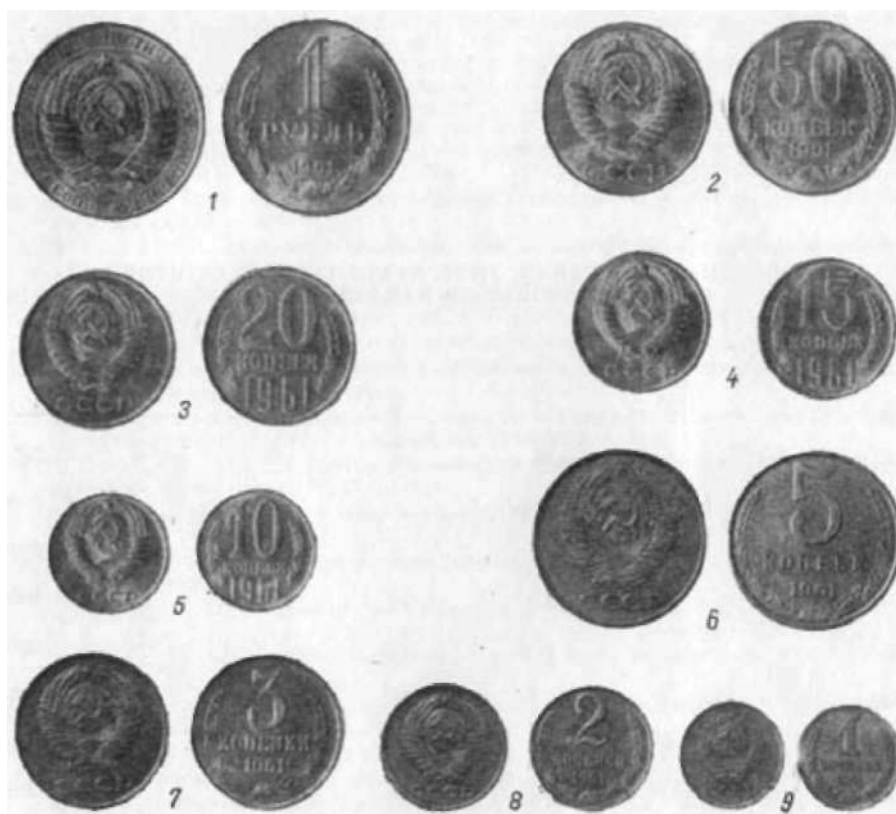

Рис. 190. Никелевые и бронзовые монеты 1961 г. 1 - 5 - никелевый сплав, 6 - 9 - бронза.

В условиях строительства социалистического планового хозяйства роль монеты, как и денег вообще, в Советском государстве существенным образом изменилась. Но десятичный строй наших монет по-прежнему остается памятником вклада русской экономической мысли в мировое денежное дело.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО РАЗДЕЛАМ КНИГИ

В.В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. «Вестник древней истории», № 4, 1951; его же. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР. Там же, № 3, 1954.

Р.Р. Фасмер. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе. Известия АН СССР. Отделение общественных наук, № 6, Л., 1933; его же. Завалишинский клад куфических монет VIII-IX вв. Известия Государственной академии истории материальной культуры, VII, вып. 2. Л., 1931; его же. О монетах волжских болгар X века. Известия общества археологии, истории и этнографии, т. XXXIII, вып. I. Казань, 1926.

А.А. Ильин. Топография кладов древнейших русских монет X-XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924.

И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882.

И.Г. Спасский. Насущные вопросы изучения древнейших русских монет. Сообщения Государственного Эрмитажа, вып. XXI, 1961.

А.А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пгр., 1921.

А.И. Черепнин. О гривенной денежной системе по древнимкладам. Труды Московского нумизматического общества, т. II, М., 1901.

М.П. Сотникова. Из истории обращения русских серебряных платежных слитков. Дело Федора Жеребца 1447 г., «Советская археология», № 3, 1957.

М.П. Сотникова. Эпиграфика новгородских платежных слитков. Труды Государственного Эрмитажа, т. IV. Л., 1961.

Б.А. Романов. Деньги и денежное хозяйство. История культуры древней Руси, т. I. М.-Л., 1948.

В.Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

А.А. Сиверс. Топография кладов с пражскими грошами. Пгр., 1922.

С.А. Янина. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946-1952 гг. Материалы и исследования по археологии СССР, т. 42. М., 1954.

А.В. Орешников. Русские монеты до 1547 г. Описание памятников Российского исторического музея, вып. 1. М., 1896.

А.А. Ильин. Классификация русских удельных монет, вып. 1. Л., 1940.

Г.Б. Федоров. Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I. Материалы и исследования по археологии СССР, т. 12. М., 1949.

- М.П. Сотникова. К вопросу о технике чеканки русских монет в XV в. Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, вып. 66, 1956.
- В.Л. Янин и С.А. Янина. Начальный период рязанской монетной чеканки. Нумизматический сборник, т. I. (Труды ГИМ, вып. XXV). М., 1955.
- А.В. Орешников. О монетах Великого княжества Ростовского. Труды Московского нумизматического общества, т. II. М., 1901.
- Н.Д. Мец. Ярославские князья по нумизматическим данным. «Советская археология», № 3. 1960.
- А.А. Ильин. Две монеты князя Андрея (Дорогобужский удел). Известия Российской академии истории материальной культуры, т. I, вып. 3. Пгр, 1921.
- И.Г. Спасский. Алтын в русской денежной системе. Краткие сообщения института истории материальной культуры, вып. 66, 1956.
- В.Л. Янин. Алтын и его место в русских денежных системах XIV-XV вв. Там же.
- И.Г. Спасский. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. Материалы и исследования по археологии СССР, т. 44. М., 1955.
- И.Г. Спасский. Происхождение и история русских счётов. Историко-математические исследования, вып. V. М., 1952.
- А.С. Мельникова. Систематизация монет Михаила Федоровича. Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960.
- А.С. Мельникова. Русско-датские монеты XVII века в собрании Государственного Исторического музея. Ежегодник Государственного Исторического музея. М., 1960.
- К.В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.-Л., 1936.
- М.Г. Деммени. К вопросу о чеканке севских чехов. Записки нумизматического отделения Русского Археологического общества, т. I, вып. 2-3. СПб., 1909.
- И.Г. Спасский. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654-1663 гг. Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960.
- И.Г. Спасский. Галеры в русском денежном обращении 1654-1659 гг. Сводный каталог ефимков. Л., 1960.
- И.Г. Спасский. Золотые - воинские награды допетровской России. Труды Государственного Эрмитажа, т. IV. Л., 1961.
- Е.С. Щукина. Федор Алексеев - русский медальер и механик начала XVIII в. Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, вып. 53, 1954.

И.Г. Спасский. Петербургский монетный двор до начала XIX в. Л., 1949; его же. Новые материалы для биографии И. А. Неведомского. Труды Государственного Эрмитажа, т. III. Л., 1959.

Х.Х. Гиль. Таблицы русских монет двух последних столетий. Практическое руководство для собирателей. СПб., 1898.

А.А. Ильин и И.И. Толстой. Русские монеты, чеканенные с 1725 по 1801г. Практическое руководство для собирателей. СПб., 1910.

С.И. Чижов. Первые русские ассигнации. Нумизматический сборник, т. I. М., 1911.

П. фон Винклер. Из истории денежного дела в России (очерки о русском денежном обращении XVIII-XIX вв.). СПб., 1898.

Б.С. Якоби. О платине и употреблении ее в виде монеты. СПб., 1860.

Х. Гиль и А. Ильин. Русские монеты, чеканенные в 1801-1904 гг. Практическое руководство для собирателей. СПб., 1904.

С.И. Чижов. Русские бумажные полноценные деньги и первые кредитные билеты. Нумизматический сборник, т. III. М., 1915.

С.П. Фортинский. Описание советских монет за период с 1921 по 1952 г. Нумизматический сборник, ч. I (Труды ГИМ, вып. XXV). М., 1955.

И.Г. Спасский. Очерки по истории русской нумизматики. Нумизматический сборник, ч. I (Труды ГИМ, вып. XXV). М., 1955.

И.Г. Спасский и В.Л. Янин. Советская нумизматика. Библиографический справочник, 1917-1958 гг. Нумизматика и эпиграфика, т. II. М., 1960.